

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ СЛАВЯНОВЕДЕНИЯ И БАЛКАНИСТИКИ

Б. Н. ФЛОРЯ

ОТНОШЕНИЯ ГОСУДАРСТВА И ЦЕРКВИ
У ВОСТОЧНЫХ И ЗАПАДНЫХ СЛАВЯН

Москва
1992

Российская Академия наук
Институт славяноведения и балканистики

Б. Н. Флоря

ОТНОШЕНИЯ ГОСУДАРСТВА И ЦЕРКВИ
У ВОСТОЧНЫХ И ЗАПАДНЫХ СЛАВЯН
(Эпоха средневековья)

Ответственный редактор
член-корреспондент РАН Л. В. Милов

Москва
1992

Рецензенты:
доктор исторических наук
В.А.Кучкин
кандидат исторических наук
В.Я.Петрухин

ISBN 5-201-00737-6

©

Институт славяноведения
и балканистики РАН,
1992

ВВЕДЕНИЕ

В жизни средневекового общества взаимоотношения между светской властью и духовенством всегда играли очень важную роль. Динамика их развития накладывала важный отпечаток на многие стороны не только социальной, общественной, но и идейной и культурной жизни. Общераспространенным является представление, что в Древней Руси и у ее западнославянских соседей эти отношения носили совершенно разный характер — подчинение духовенства светской власти на Руси и далеко идущая самостоятельность духовенства по отношению к светской власти в западнославянских странах. Различия эти в соответствии с тем же представлением определялись изначально принадлежностью Древней Руси к византийскому, а западнославянских стран — к латинскому культурному кругу.

Несмотря на широкое распространение таких представлений они, по существу, основываются на наблюдениях над положением католической и православной церкви на пороге Нового времени, что механически сопоставляется с принадлежностью обеих церквей к разным культурным кругам.

Чтобы составить действительное представление о времени появления различий, существования которых, конечно, не следует отрицать, и о роли внешних идейных влияний в их возникновении и воздействии на этот процесс других факторов необходимо сравнительно-историческое исследование положения духовенства в западнославянских странах и на Руси от момента их христианизации и до того времени, когда различия в их положении становятся устойчивыми и очевидными. Настоящий текст представляет собой попытку выполнить подобное исследование. Начальный его рубеж определяется, естественно, самим появлением на Руси и в западнославянских странах христианского духовенства. Конечный рубеж должен быть определен самим ходом исследования. В случае необходимости будет рассмотрен и материал, относящийся-

ся к тому периоду развития, когда светскую власть представляли, с одной стороны, русские князья, а затем — правители Русского государства, а с другой стороны, великие князья литовские и польские короли, под властью которых оказались земля Украины и Белоруссия

Такое сравнительное исследование может иметь значение не только для выявления различий в положении церкви в западнославянских странах и на Руси, но и для выявления общих черт в их развитии, установления таких моментов в функционировании отдельных институтов, которые в материалах, относящихся к одному из регионов рисуются неполно или недостаточно определенно.

Взаимоотношения светской власти и духовенства рассматриваются в следующих трех аспектах: характер материального обеспечения церкви со стороны светской власти и светского общества в целом и его эволюция; права светской власти на распоряжение церковными должностями и церковным имуществом; формирование организации, объединяющей лиц духовного сословия и характер ее отношений со светской властью.

В своей совокупности эти три аспекта охватывают, как представляется, все наиболее существенные моменты для раскрытия характера отношений между светской властью и духовенством и для понимания положения духовенства в обществе.

При определении географических рамок работы следует сделать одну оговорку. При всем различии путей развития славянских стран Центральной и Восточной Европы сам институт светской государственной власти, вступавшей в различные отношения с духовенством, носил в них принципиально однородный характер: речь идет о совокупности учреждений, во главе которых стоял институт княжеской власти, которые постепенно эволюционировали от раннефеодальной "варварской" монархии к монархии сословной при сохранении постоянной ведущей роли княжеской власти. Иной характер имела государственность Новгорода и Пскова, где в

системе политических институтов институт княжеской власти занимал все более ограниченное место, и возрастала самостоятельная роль ряда таких институтов, которые не имеют аналогий в других странах. Взаимоотношения этих институтов с теми или иными церковными учреждениями, как видно уже из имеющихся исследований, имели очень значительную специфику. Все это заставляет на данном этапе оставить материал из этого региона, относящийся к периоду самостоятельного существования Новгород и Пскова, в основном за рамками исследования. Этим самым автор вовсе не отрицает наличия черт в положении духовенства Новгород и Пскова общих с положением духовенства на территории Древней Руси в целом и в отдельных ее частях. Напротив он выражает надежду, что его исследование будет способствовать выявлению этих общих черт наряду с несомненно имеющей место спецификой.

ДРЕВНЕЙШИЕ ФОРМЫ МАТЕРИАЛЬНОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ ЦЕРКВИ У ВОСТОЧНЫХ И ЗАПАДНЫХ СЛАВЯН И ИХ ИСТОРИЧЕСКАЯ СУДЬБА

§ I. Княжеская десятина в раннефеодальном обществе и ее реликты

Первая забота, с которой столкнулись правители славянских стран, построившие храмы для проповедников новой религии, была необходимость как-то обеспечить их материальное существование. Именно решению этого вопроса оказалась посвящена значительная часть наиболее ранних актов определявших положение духовенства в обществе.

Уже в конце XIX в. польский исследователь В. Абрахам выдвинул положение, что первоначальной формой материального обеспечения церкви в Древнепольском государстве было отчисление в ее пользу доли /обычно - 1 сятои части/ от государственных доходов¹. В дальнейшем несмотря на от-

дельные возражения /в частности, со стороны К.Бучека/эта точка зрения получила общее признание. Рядом новых аргументов ее подкрепил Г.Ловмянский².

Наиболее важные доводы в пользу правильности построения В.Абрагама дадут акты, относящиеся к Поморью, так как только для этой области имеются источники, характеризующие материальное положение церкви в первые десятилетия после принятия поморянами христианства. Первой здесь должна быть названа булла Иннокентия II 1140 г. только что основанному епископству в Волине³, подтверждавшая пожалования поморских князей. В булле вовсе не упоминаются земельные владения епископства. В ней названы лишь десятина от торгового оборота в местности *Sithem* и налог, установленный в пользу епископства со всей территории Поморья — две меры хлеба и пять денариев с каждого пашущего. Эта повинность была фиксированным налогом, установленным в пользу кафедры княжеской власти и уже поэтому ее нельзя отождествлять с католической десятиной, введенной в Поморье лишь во второй половине XII в.⁴

Основную часть буллы занимает перечень главных поморских градов. В Риме, где составлялась булла, перечень градов заимствованный из представленных поморским духовенством документов, поняли, по-видимому, таким образом, что речь идет о градах, переданных князьями епископской кафедре. Однако уже давно установлено, что ни один из упомянутых в булле градов не являлся в дальнейшем владением епископа. Очевидно, эти поморские грады — центры административных округов, названы здесь, как места сбора доходов, выделенных кафедре княжеской власти. Такое понимание может быть подтверждено одной особенностью перечня. При упоминании таких градов, как Волин и Камень употреблена формула "*cum foro et taberna*" /с торговым оборотом и корчмой/, а далее говорится о Колобжеге "*cum tugurio salis et theloneo foro*" /с соляной варницей и пошлиной от торгового оборота/. Очевидно, в этих центрах, помимо общей нормы сбора /возможно, упомянутого выше налога/ в пользу кафедры должны были поступать доходы

от торговых пошлин и корчем.

Таким образом, через двадцать лет после крещения поморян епископство не обладало земельной собственностью и его материальное обеспечение складывалось из доходов, выделенных княжеской властью, обладавшей достаточной силой, чтобы наложить на население налог в пользу церкви, располагавшей и другими доходами /от торговли, от добычи соли/ и опирающейся на грады организацией для их сбора.

С этой буллой следует сопоставить грамоту первого поморского епископа Войтеха основанному поморским князем Ритабором монастырю в Столпе. Единственным источником доходов монастыря стала десятина "de tota provincia Grogwin"⁵. Здесь доля выделенных церкви доходов определяется уже как "десятина" — очевидно, десятина от княжеских доходов. Во многом сходная картина вырисовывается при анализе известных по грамоте 1159 г. дарений Ратибора монастырю св. Марии и Готхарда в Гробе⁶. В состав дарений Ратибора входили уже и "villa" Гробе на месте расположения монастыря и одна-две "villa" на территории нескольких поморских округов, но главное место занимали в них доходы от торгового и корчменного дела на территории целых округов, доля проезжих пошлин с повозок и кораблей, проходящих по Одре, доля доходов от добычи соли в Колобжеге. Эта доля доходов выделялась здесь не обязательно в форме десятины. Так, в грамоте монастырю в Гробе неоднократно говорится о пожаловании трети торговых пошлин. В более поздних дарениях церковным учреждениям на Поморье преобладают уже земельные владения, а пожалования княжеских доходов незначительны.

В отличие от Западного Поморья, сохранившегося после крещения поморян, как особое княжество, Восточное Поморье в начале XII в. было включено в состав Древнепольского государства. Церковное управление этой землей было передано созданному в 20-х гг. XII в. влодавскому епископству. О материальном обеспечении этой кафедры позволяет

судить буллы папы Евгения IV 1178 г., подтверждавшая более ранние дарения польских князей⁷. На всей территории диоцеза епископству была предоставлена десятая часть доходов от чеканки монеты и десятая часть судебных пошлин. На собственно польских землях епископству были переданы весьма значительные земельные владения — "грады" Вольбор и Лагов со всеми относящимися к ним территориями. Иначе речь обстоит на Восточном Поморье. Здесь в тексте буллы фигурировал "castrum Gdanz in Pomerania cum decima tam annone, quam omnium eorum, que de navibus solvantur".

И в данном случае составители буллы поняли предложенные им тексты таким образом, что "град" Гданьск является таким же владением влоцлавских епископов, как Вольбор или Лагов. Однако как показывает сравнение с более поздними соглашениями восточнопоморских князей с влоцлавскими епископами⁸, "Гданьск" выступает здесь, как административный центр всего Восточного Поморья⁹, куда поступало то зерно, десятая часть которого должна была быть передана епископу. Таким образом, и на востоке Поморья в середине XII в. епископство обеспечивалось исключительно долей от поступавшего в государственную казну зерна и от пошлин с кораблей, прибывавших в гданьский порт.

В целом материалы, относящиеся и к Восточному и к Западному Поморью рисуют одну картину: в первые десятилетия после принятия христианства церковь обеспечивалась здесь почти исключительно за счет доли государственных доходов.

Польские акты XII в., относящиеся к собственно польским землям, отражают уже более поздний этап развития, когда княжеская десятина была уже лишь одной из форм материального обеспечения церкви. Булла Иннокентия II 1136г., подтверждавшая пожалования гнезненскому архиепископству¹⁰, содержит наиболее полные сведения о характере княжеской десятины. В булле в двух разных местах помещен перечень "градов" на территории гнезненского диоцеза /в Великой Польше и Ленчицкой земле/, с которых в пользу архи-

епископа должны были поступать "полные десятины" (*plenas decimaciones*) которые помимо уже знакомых доходов от торго, корчем, суда, проезжих пошлин в Гнезне и на перевозах включали в себя хлеб, мед, свиней, куны и лисьи шкурки. Очевидно, этот последний перечень характеризует разные виды дани, поступавшей в пользу князя, десятиная часть которой передавалась епископу. В сохранившемся фальсификате XIII в. княжеских пожалований аббатству бенедиктинцев в Могильне¹¹ исследователям удалось выделить первоначальное ядро, относящееся, по-видимому, ко времени основания аббатства - 1065 г.¹² Наряду с доходами от ряда речных перевозов аббатство получило " *per totam Nazoviam* " / объект будущей миссионерской деятельности бенедиктинцев / и зятую часть доходов от торго и денежных поступлений / *plurim denarium* /, но также "девятую свинью, девятого жеребца, девятую лошадь" - также очевидно часть соответствующих видов княжеской дани.

Сведения о княжеской десятине в других польских документах XII - первой пол. XIII в. не вносят чего-либо принципиально нового в очерченный в двух предшествующих актах круг источников поступлений княжеской десятины, но важны, как показатель того, что количество церковных учреждений, содержавшихся за счет поступлений из этого источника, было достаточно широким. Даже приходская церковь в Кях /краковский диоцез/ обладала в кон. XII в. правом на " *medietas noni fori* " в Чехове - центре своего административного округа¹³.

Обнаружив во многом аналогичные явления в древнерусских источниках, Л.Абрахам полагал, что в данном случае, возможно, речь должна идти о влиянии древнерусских отношений на польские¹⁴. Однако подобные отношения были хорошо известны и раннефеодальной Чехии. Правда, следует учитывать, что большая часть сведений о древних пожалованиях дошла до нас в составе "фальсификатов" XIII в., где старые записи о пожалованиях подвергались определенной переработке. Появление таких "фальсификатов", изво-

товленных в ряде старейших обитателей Чехии и Моравии, было связано с тем, что в раннее время князья не оформляли свои пожалования специальными актами, и к XIII в., когда письменный документ приобрел широкое распространение, эти монастыри оказались перед необходимостью создать какие-то доказательства своих прав и фабриковать на основе своих записей о пожалованиях соответствующие тексты. При этом записи, конечно, обрабатывались, но, как показали исследования чехословацких ученых¹⁵, изменения были двоякого рода: во-первых, в текст акта, приписанного определенному правителю, вносились земельные пожалования, полученные в разное время от правителей и частных лиц; во-вторых, в них включались характерные для пожалований конца XII-XIII вв. формулы о предоставлении податного и судебного иммунитета. Что же касается тех частей актов, где содержатся данные о княжеской десятина, то они, по общему заключению исследователей, основаны на достоверных ранних записях. Стоит при этом отметить, что сведения о пожаловании княжеской десятины встречаются в фальсификатах лишь тех чешских церковных учреждений, которые были основаны в X-XI вв. Кроме того частично сведения фальсификатов находят свое подтверждение в подлинных актах XII в.

Те основные формы десятины, которые представлены в польских источниках, мы находим и в чешских материалах и подчас сходным образом оформленные - в виде перечня "градов", с которых должны поступать соответствующие доходы. Так, в фальсификате грамоты Болеслава II Бржевновскому - старейшему мужскому монастырю в Чехии помещен перечень градов, в которых доход от торговых пошлин каждую десятую неделю должен передаваться монастырю, и другой, где монастырю передавалась десятина от торгового и десятиный денарий от суда¹⁶. С судебной деятельностью государства связаны еще два вида десятины - передача церкви десятого преступника¹⁷ и десятой части пошлины, взимавшейся при продаже в рабство¹⁸ - свидетельство архаического характера жало-

ваний относящихся к тому времени, когда церковь еще не вела борьбы против продажи христиан в рабство.

В чешских документах присутствует также десятина от дани, носившей в Чехии название "tributum pacis" /дань за мир/. Наиболее яркие данные относительно этой десятины, относятся к вышеградскому капитулу, основанному во второй половине XI в. чешским королем Вратиславом, как дворцовая обитель чешских правителей. Вратислав пожаловал капитулу "decimam marcam de tributo per totam Boemiam"¹⁹. В грамоте Собеслава I 1130 г. перечислено 16 чешских градов, уплачивавших такую десятину в соответствии с этим установлением. Собеслав I увеличил этот перечень еще тремя названиями²⁰. По свидетельству князя Собеслава II во времена его отца эта десятина в пользу капитула достигала размера 1800 денариев²¹. Это показывает, сколь значительные суммы сосредотачивались в XI-XII вв. в руках княжеской власти и могли ей передаваться в распоряжение церкви.

Употребляющиеся в чешских актах такие определения, как "tributque pacis decimum denarium" "заставляют думать, что "tribut" лишь частично состоял из денежных поступлений, десятина которых передавалась церкви. И действительно, в фальсификате грамоты Бржетислава I 1048 г. монастырю в Райграде фигурирует и десятина зерном²². В фальсификате грамоты Бржетислава I болеславской коллегии вместе с десятим денарием от дани в округах градов Жатец, Старая и Новая Болеслава фигурирует "десятый горшок" меду²³. В фальсификате грамоты Собеслава I вышеградскому капитулу говорилось о предоставлении живущим при капитуле нищим одежды из шерсти овец "de uno quoque castro ... totius Boemie". В той же грамоте говорится о передаче капитулу с округа Древича "десятого денария, десятого быка, десятого снопа". Здесь же упоминается "десятина соли"²⁴. Таким образом, помимо денег церкви и здесь передавались десятины от различных, входивших в состав княжеской дани продуктов.

Судя по сведениям чешских документов, церковь уже в то время обеспечивалась и иным образом — путем распоряжений различным чиновникам княжеского аппарата вытасывать монастыря /или церкви/ чаще всего к определенным праздникам те или иные количества продуктов и денег. Так, ключник должен был давать мед, конюший — жеребенка²⁵. Главными лицами, от которых зависело снабжение обителей, были "виллики" — лица, в руках которых находился сбор и распределение княжеских доходов в отдельных округах /в одном из документов упоминаются виллики округов Драги и Пльзень/²⁶. Виллики давали монастырям порой значительные суммы денег /так виллик Праги должен был давать бржеговским монахам на храмовый праздник 300 денариев²⁷/, а также различные продукты — хлеб /или муку/ сыр, мед, овес, овец, быков, свиней, баранов²⁸. Особенно интересны распоряжения вилликам "всей Чехии" в связи с устройством при вышеградском капитуле больницы для нищих. Виллики должны были снабжать нищих всей необходимой одеждой и обувью²⁹.

Чешские документы позволяют выявить и еще одну черту системы материального обеспечения церкви. Наряду с десятиной от "градов" князь неоднократно наделял обители десятиной со своих княжеских "дворов" или с отдельных групп подвластного населения. Так, Болеслав II пожаловал Бржеговскому монастырю "de curia mea Radotin decimam de omni provento"³⁰. В грамоте 1266 г. упоминается право церкви св. Лаврентия в Пльзене получать десятину зерном, скотом и птицей со всех княжеских дворов на территории пльзенского округа³¹. На горе Осек /около Зbrasлава/ вышеградскому капитулу была дана десятина от пастухов свиней, ловцов оленей, пивоваров³², т.е. десятина дохода, поступавшего князю от этих групп "служилого" населения. В том же документе имеется указание, что виллик должен взимать для препозита капитула десятину овец с "messoribus" /жнецов/ в Нетолицах и Дудлебах³³.

Особый интерес представляет один из пассажей в грамоте Бржетислава I болеславской коллегии. Предоставив

коллегiate десятый денарий от дани в округах градов Жа-тец, Старая и Новая Болеслава, правитель, не ограничившись этим, дал ей десятый сноп со всей запашки, "ad predictas urbis pertinentia", обрабатываемой "господскими"³⁴ плугами и десятину всех больших и малых животных, которые кормятся на этой земле. Здесь привлекает внимание различие между основными территориями градов, где живут общинники, обязанные князю прежде всего уплатой дани, и собственно "княжескими" землями, обрабатываемыми "его" инвентарем и очевидно его челядью. В последнем случае десятина состояла лишь из произведенной на этих землях продукции — зерна и скота.

Объективное значение данных, содержащихся в этих польских и чешских актах, выходит за рамки вопроса о собственно материальном обеспечении церкви. Поскольку церковь передавалась доля государственных доходов, то эти документы дают одновременно сумму наиболее ранних свидетельств о системе эксплуатации и институтах управления в раннефеодальном государстве, на стадии более ранней, чем та, которая отразилась /как позитивно, так и негативно./ в императорских грамотах XII — первых десятилетиях XIII в.

Все эти данные характеризуют Древнепольское и Древнечешское государство, как политические объединения со сложной структурой административного управления, достаточно эффективной для того, чтобы осуществлять судебную власть /если князь распоряжался доходами от суда, очевидно, что и само право суда принадлежало ему и его людям/, обеспечивать мир на торговых путях и торгах /взимая за это соответствующие торговые пошлины/ и присваивать себе значительную часть доходов населения. Дать, налагавшаяся на население, была достаточно разнообразной, так как включала в свой состав как деньги, так и основные виды продуктов, производившиеся в сельском хозяйстве /а в ряде случаев и ремесленные изделия/. Все это говорит о существовании в раннефеодальном государстве развитой системы централизованной эксплуатации. В приведенных свидетельствах

вах достаточно четко выступает и роль "градов", как опорных пунктов власти и мест сбора поступающих этой власти доходов.

Особого рассмотрения заслуживает вопрос о том, почему именно доля княжеских доходов стала первоначально главной формой материального обеспечения церкви. Инициатива в установлении такой системы отношений вряд ли могла исходить от церкви. Среди духовных лиц в то время преобладали иноземцы, хорошо знакомые с формами материального обеспечения церкви в давно христианизированных странах и для церкви гораздо более выгодными, уже хотя бы потому что обеспечивали ей определенную имущественную самостоятельность. Инициатива очевидно исходила из светской власти.

Г.Ловмянский полагал, что, выделяя на содержание церкви часть своих доходов, правители рассчитывали тем самым избежать возможных конфликтов между церковью и народом и таким образом способствовать распространению христианства³⁵. Не отрицая, что такие соображения могли иметь место, им все же нельзя придавать решающего значения — ведь мы не знаем, не сопровождалось ли выделение десятины повышением общего объема доходов, поступавших в пользу монархии.

В обществе, где господствовала такая система отношений, выделение доли полученных государством продуктов, сырья или изделий было универсальной формой вознаграждения всех лиц участвовавших так или иначе в осуществлении власти. Разнообразие видов обложения /что ясно следует из приведенных выше данных/ позволяло таким путем удовлетворять самые разнообразные их потребности. С принятием христианства круг таких людей увеличился еще одной группой лиц также осуществлявших важную государственную функцию — защиту интересов государства перед лицом бога и они были обеспечены принципиально тем же образом, что и княжеские дружинники. Почему же эта доля княжеских доходов выделялась в форме десятины?

Убедительный ответ на вопрос о ^{ис.} прохождении института княжеской десятины дал Я. Н. Шапов³⁶. Он привел ряд серьезных доводов в пользу того, что речь идет о институте местного, славянского происхождения, восходящем к практике обеспечения языческих святилищ в до-христианскую эпоху. Он отметил, в частности, сведения источников XI-XII вв. о десятине, приносившейся в языческие храмы полабскими славянами. Забегая вперед, хотелось бы отметить, что черты, восходящие к языческой эпохе, могут быть обнаружены и при изучении других сторон отношений между светской властью, светским обществом и христианским духовенством.

В XII в. роль десятины в материальном обеспечении церкви заметно уменьшилась. У церковных учреждений к этому времени появились значительные земельные владения³⁷. В пожалованиях новым обителям, основанным в XII в., десятина занимала незначительное место по сравнению с земельными дарениями, выражаясь обычно в пожалованиях доли торговых пошлин в каком-либо пункте³⁸. Некоторые пожалования вообще не включали в себя княжеских десятин³⁹.

Для новой ситуации XII-XIII вв. становятся характерными попытки духовных учреждений добиться обмена своей доли в государственных доходах на земельные пожалования. Так, монахи монастыря в Плазах, которым принадлежала десятина пошлин от торговли солью в Дечине, добились в начале 80-х гг. XII в. у чешского князя Бедриха замены этой десятины полученным от князя именем⁴⁰. Важным стимулом для подобных действий было несомненно общее сокращение государственных доходов с появлением и распространением частных владений, обладающих податным и судебным иммунитетом. Соответственно с сокращением доходов сокращалась и десятина в пользу церкви. Каких значительных размеров могла достигать при этом убыль, можно видеть из грамоты Собеслава II вышеградскому капитулу 1178 г., где отмечалось что десятина от дани, составлявшая при его отце 1800 денариев, уменьшилась к этому времени до нескольких сотен, "реже больше, чаще меньше"⁴¹. В последующее время рублики

княжеской десятины сохранялись лишь в виде принадлежавшей церковным учреждениям доли торговых пошлин⁴², т.е. той части государственных доходов, которая сравнительно менее была затронута иммунитетными пожалованиями. Упадок княжеской десятины и ее роли в обеспечении церкви был частью процесса перехода от раннего к развитому феодализму, связанному с доминированием привилегированного землевладения не только церкви, но и светских феодалов.

Сообщения о княжеской десятине в до-монгольской Руси собраны и внимательно проанализированы в ряде работ Я. Б. Шапова, отметившего вслед за В. Абрахамом наличие определенных параллелей между русскими и польскими источниками⁴³. На результаты этих исследований автор и опирается при анализе древнерусского материала XI-XII вв.

Наиболее ранним свидетельством о выделении княжеской десятины церкви является известие, записанное никак не позднее XI в., о строительстве Владимиром после крещения в Киеве каменной церкви Богородицы /получившей позднее название Десятинной/, которой князь дал "от имения моего и от град моих десятую часть"⁴⁴. Пожалование такого типа находит прямую аналогию в пожаловании вшеградскому капитулу. Комментария заслуживает здесь лишь разграничение между "градами" и "именем" князя. В свете наблюдений, сделанных выше, можно предположить, что речь шла, вероятно о том, что Десятинной церкви должна была поступать доля и от государственных доходов, собиравшихся в "градах", и от доходов, шедших князю от его личного хозяйства. Общий смысл формулы, вероятно, означал, что церкви передается десятина от всех доходов, поступавших князю.

Общая характеристика древней десятины в пользу церкви находится во вводной части уставной грамоты Святослава Ольговича II36/7 г.: "Оустав бывши преже нас в Руси от прадед и от дед наших имати пискупом десятину от дании и от вир и продаж, что входить в князь двор всего". Далее в грамоте встречается ссылка на аналогичные уста-

новления касающиеся Новгорода, составленные "преже мене бывшими князи"⁴⁵. Формулировки этого текста позволяют говорить, что уже в XI в. стало общим правило выделение епископским кафедрам десятины от дани и судебных штрафов. Подобной десятиной в XI в. могли наделяться, как и у западных славян, не только епископские кафедры, но и отдельные церкви. Так, в написанном в 80-х гг. XI в. "Чтении о Борисе и Глебе" летописца читается, что Ярослав Мудрый приказал посаднику Вышегорода выделять церкви Бориса и Глеба в этом городе "от дани...десятую часть"⁴⁶. От этих двух свидетельств отличается по своему характеру третье свидетельство о десятине XI в. Это — запись в летописном некрологе князю Ярополку Изяславичу под 1086г. Запись эта в разных летописях расходится по содержанию. Если в Лаврентьевской говорится, что Ярополк давал десятины "святей Богородици /Десятинной церкви?/" "от всего своего имения", то в Ипатьевской говорится о десятине "от всех скот своих и от жита"⁴⁷. Читывая, что в записи говорится о десятине от своего "именья" и "от всех скот... и от жита", можно предполагать, что речь идет о десятине зерна и скота, производившегося в личных княжеских владениях.

Наиболее обстоятельные сведения о княжеской десятине в Древней Руси содержит Уставная грамота князя Ростислава Мстиславича учрежденная в 1136 г. смоленской епископии. Епископу здесь была дана десятина "от всех даней смоленских", но не были предоставлены доля доходов от судебных штрафов /вир и прода./ и от "полюдья"⁴⁸, доходов взимавшихся князем с населения при объезде князьем подвластной территории⁴⁹. Такие ограничения уже традиционно к тому времени объема десятины естественнее всего объяснить тем, что епископия основывалась на уже давно христианизированной территории, где существовали, конечно, уже и храмы, и монастыри, наделенные определенной долей государственных доходов⁵⁰.

От чешских и польских документов аналогичного типа

уставная смоленская грамота отличается тем, что в ней приведен не только перечень "градов" /а также волостей/, с которых собирается десятина, но указаны и размеры дани, десятина от которой передавалась церковному учреждению⁵¹. Это делает Смоленскую грамоту важным источником по истории не только материального обеспечения церкви, но и "государственного хозяйства" Киевской Руси. Как видно из помещенного в грамоте перечня, административная структура Смоленской земли складывалась из большого количества разноведликих административных комплексов, свыше 30 - возможно, их было и больше, так как не исключено существование и таких территорий, где десятина от даней принадлежала не епископу. Всего епископу была предоставлена десятина от дани в 28 таких административных комплексах на общую сумму 252 гривны. Соответственно общая сумма княжеской дани с них составляла 2520 гривен - сумма вполне сопоставимая по размерам /учитывая разницу весовых единиц/ с размером дани со всей Чехии, составлявшей в первой половине XII в. 18 тыс. денариев.

Особый интерес представляют помещенные в заключительной части этого отдела грамоты данные, относящиеся к пяти другим территориальным единицам, где епископ получал десятину от других княжеских доходов. Среди них фигурируют "гостиваядань", "торговое", "мыто", "перевоз" - свидетельство существования целой системы торговых пошлин, доля от некоторых из них передавалась здесь кафедре. Вместе с этими доходами епископу передавалась и доля княжеского дохода от корчем /"корчмити"/. Как показал анализ чешских дарений, дань не включала в свой состав различных натуральных поставок в пользу князя. То же мы видим и в смоленской грамоте. Наряду с данью от Жижца и Торопца князь передал епископу и десятину от всех рыб, поступающих из этих пунктов.

К этой группе свидетельств можно прибавить летописную запись о пожалованиях Андрея Боголюбского Успенскому собору во Владимире, когда князь дал ему "десятины в ста-

дех своих и торг десятины" /1158 г. (52) Это свидетельство определенно говорит о княжеском контроле над торгом и выделении для церкви десятины от торговых пошлин, как о своего рода общей норме. Десятина же от "своего" скота князя поступала, вероятно, из его личного хозяйства. Хотя данные немногих русских источников XI- первой пол. XII в. не дают такой полной и конкретной картины разных видов государственного обложения и отчислений от них, как чешские "фальсификаты", очевидно тем не менее существование в Древней Руси системы централизованной эксплуатации, по своим основным параметрам сходной с тем, что мы можем наблюдать в Древнепольском и Древнечешском государстве. Отсюда и принципиальное сходство основных форм материального обеспечения церкви, ^и у различных видов княжеской десятины.

Смоленский устав позволяет также судить о том, какова была роль княжеской десятины в материальном обеспечении епископской кафедры в целом. Епископ получил от князя два "села" /Дросевское и Ясенское/ и позднее известные, как села⁵³, какую-то землю "в Потоновичох Мойшиньскую", несколько озер и сенокати. Кроме того, епископии передала "проценников" "с медом и с кунами, и с вирами и с продажами"⁵⁴. Разумеется, мы не знаем, сколько "проценников" перешло под юрисдикцию кафедры, а села и сенокати могли занимать довольно значительную территорию, но, судя по тому что дань с целого ряда смоленских волостей не превышала в ряде случаев 10-20 гривен, ясно, что по сравнению с суммой в 250 гривен, составлявшей десятину от даней, доходы от земельных владений кафедры должны были иметь второстепенное значение. Владений, переданных кафедре было немного, они не образовывали компактной территории и ни одно из них не имело административного значения.

Как видно из папских булл польским епископствам, в Польше первой половины XII в. дело обстояло существенно иначе. К этому времени польские епископства уже обладали

большими земельными владениями, часто обозначавшимися лишь по названию града – их административного центра. Но даже при такой явно неполной характеристике состава землевладения папская булла 1136 г. включила названия 82 дерев., принадлежавших гнезненской кафедре. В одном из этих округов – округе Енша, поделенном между архиепископом и капитулом соборного храма, проживало 290 крестьянских семей. Вроцлавскому епископству, судя по булле 1154 г., принадлежало два крупных земельных комплекса с градами и 46 деревень, значительную часть которых составляли дарения комесов. Даже основанное лишь в 20-х гг. XII в. вроцлавское епископство, как зафиксировано в булле 1148 г., обладало двумя такими комплексами⁵⁵. Площадь одного из них, центром которого был град Вольбор, достигало 1000 км⁵⁶. Для чешских епископств такие документы не сохранились. Однако, в рассказе Козьмы пражского под 1037 г. об основании оломоуцкого епископства говорится о десятках деревень, принадлежавших пражским епископам, упоминаются их дворы и даже "град" Подивен⁵⁷. Оломоуцкому епископству в 40-х гг. XII в. также принадлежали многие десятки деревень на территории Моравии, как видно из относящихся к этому времени жалованных грамот князей епископству⁵⁸. Таким образом, к середине XII в. княжеская десятина в системе материального обеспечения церкви имела в Древней Руси гораздо больший удельный вес, чем в Чехии и Польше, а это заставляет думать о большем удельном весе и более длительном сохранении системы централизованной эксплуатации на Руси. Процесс формирования крупного церковного землевладения шел здесь, очевидно, с существенным хронологическим опозданием.

Некоторые данные о формировании фонда земельных владений епископской кафедры имеются лишь для основанного в конце XII в. Рязанского епископства, хотя они и сохранились главным образом в более поздних пересказах. Так, известны упоминания о грамотах Ярослава и Федора Романовичей, правивших в Рязанской земле после 1170 г., подтвердив-

ших права рязанской кафедры на бобовые голы по р. Проне, "куплю первых владык"⁵⁹. В грамоте 1303 г. князя Михаила Ярославича также упоминаются села /Столпце и Лучинское, "к которым уезд дали деды и прадеды наши"⁶⁰. Известно и подтверждение Олегом рязанским прав кафедры на земли на Кишье, также названные "первых владык куплей", "как то жаловали деды и прадеды его"⁶¹. Земли кафедры увеличивались и благодаря дарениям князей. Так, князь Александр Михайлович Пронский, погибший в 1340 г., пожаловал кафедре село Остромерское и прилегающие к нему земли "с людьми"⁶². В середине XIV в. у епископской кафедры имелся еще ряд владений, которые Олег рязанский обменял на другие земли⁶³. С конца XIV в. рязанские князья лишь подтверждали более ранние пожалования.

Таким образом, обширные владения рязанского архиепископского дома, на которых во второй половине XVII в. сидели десятки военных вассалов, сформировались на протяжении сравнительно недолгого периода и при этом наряду с княжескими пожалованиями имела значение активная деятельность самих приобретающих земли иерархов⁶⁴.

Ке позднее середины XIV в., судя по наблюдениям С.Б. Веселовского, сложился основной фонд владений московских митрополитов⁶⁵. К этому времени епископства, по крайней мере в восточной части Древней Руси, стали обладателями крупных земельных комплексов сравнимым по размеру с владениями польских епископств XV в.

При анализе смоленской грамоты обращает на себя внимание предписание князя "платити десятину святеи Богородици", хотя бы это была дань "любю княжа, любю княгинина, или чия си хотя"⁶⁶. Таким образом оказывается, что кроме князя и княгини, имеется еще какие-то лица, получающие часть дани, которых князь обязывает давать десятину. Учитывая эти наблюдения, следует перейти к рассмотрению источника, определяющего характер десятины в пользу церкви в последующее время — архетипа известных нам редакций устава Владимира, составление которого Я.Н. Шапов датировал

второй половиной XII в.⁶⁷

В текстах, наиболее близких к архетипу, читается при характеристике выделенной церкви десятины: "от всякого княжа суда десятую векшу, а от торгу десятую неделю, а из домов на всякое лето десятое от всякого стада и от всякого жита"⁶⁸. В этом тексте, как видим, снова фиксируется право церкви на судебную и торговую десятину, которые выделялись в ее пользу и ранее. При этом уточняется, что право церкви на "торг десятый" выражается в праве взимать в свою пользу торговые пошлины каждую десятую неделю /порядок этот имеет прямые аналогии в равных западнославянских материалах, и, возможно, что здесь имеет место просто уточнение, а не нововедение/. Наибольший интерес данного текста состоит в том, что в нем вообще не упоминается десятина от дани, а вместо этого говорится об обязанности давать "от домов" на содержание церкви десятую часть зерна и скота. Последнее установление будет рассмотрено подробнее в следующем разделе. Здесь же следует обратить самое серьезное внимание на умолчание в архетипе Устава Владимира о десятине от княжеских даней.

Как верно заметил Я. Н. Шапов, это – веский аргумент в пользу того, что к концу XII в. такой десятины в составе доходов русской церкви уже не было⁶⁹. Вместе с тем источники и этого, и более позднего времени говорят о каких-то "десятинах", поступающих в пользу церкви. Так, в послании владимирского епископа Симона /нач. XIII в./ упоминается о том, что "владимирская" и "суздальская" церковь "десятину збирають по всей земли той"⁷⁰, а в конце XIV в. и митрополит Киприан писал, что, хотя "Юный город Литовский давно отпал", но он "его оправил и десятину доспел, и села"⁷¹. В "правилах" "владимирского" собора 1273 г. упоминается "десятильник", судя по этимологии сборщик "десятины"⁷².

Противоречие между показаниями источников позволяет выяснить обращение к более поздним данным. В акте XIII в. сохранился текст грамоты Ивана IV митрополиту Афанасию

связанный с подтверждением прав митрополии на половину "Ржевской десятины". В связи с этим в грамоте была дана характеристика некоторых обязанностей митрополичьего десятинника. В их числе на него была возложена обязанность по сбору с населения уезда следующих трех налогов: 1/ в городе Ржеве "поворотного з двора по две денги" со слуг и черных людей; 2/ с волостей Кличена /в грамоте ошибочно - Клина/ и Котиц - по противоположным берегам озера Селигер /"подынное со крестьянского всякого двора по денге"; 3/ с двух ржевских станов /у самого города Ржева/ и ряда смежных волостей в восточной /близкой к Торжку/ части уезда "со крестьянские со всякие деревни по осмине ржи"⁷³. Данные ее могут быть дополнены свидетельством аналогичного акта, подтверждавшего права митрополии на вторую половину Ржевской десятины. Хотя расположенные в этой части уезда черные волости к моменту подтверждения прав были розданы помещикам, митрополит сохранил за собой право взимать здесь "со всякие деревни по осмине ржи да з двора со всякого по денге"⁷⁴. Два разных налога взимавшиеся с разных территорий объединены здесь как будто в один сбор. Обращает внимание незначительный размер одного из них /осмина ржи с деревни/ и название другого - "дим", как единица обложения, русским источникам XIV-XV вв. неизвестен. Некоторые дополнительные наблюдения позволяет сделать подробно изложенная в грамоте Ивана IV история перемен в судьбах ржевской десятины. Она не всегда принадлежала митрополитам. Было время, когда десятина поступала в пользу протопопа собора Богородицы во Ржеве, который одновременно и осуществлял судебную-административную власть над городским и сельским духовенством округа. Утверждение права митрополии на десятину сопровождалось выдачей протопопу и причту собора оброка из митрополичьей казны явно как компенсации за утраченные права.

Со сделанными наблюдениями следует сопоставить сведения о "подынном" в грамоте Ивана IV Успенскому собору

во Владимире 1549/50 г.⁷⁵. Из нее выясняется, что Василий Ш лишил собор права собирать "подымное". После его смерти собор стал хлопотать о восстановлении своего права, представив "грамоты жаловальные старце", принадлежавшие очевидно предшественникам Василия Ш. В итоге прототип получил право "по старце" собирать в пользу собора "подымное" на территории всего Владимирского уезда "з двора по деньге" со всех категорий населения /"и со князей, и з детей боярских, с водчинников и с помещиков и с их людей и крестьян"/. Следовательно, "подымное" было не локальным сбором, а общим налогом, взимавшимся на разных территориях и притом в пользу учреждений, являвшихся важными центрами церковной организации. Судя по данным более раннего источника, грамоты Успенскому собору, "подымное" было первоначально налогом, взимавшимся в равном размере с дворов принадлежавших представителям всех слоев населения и лишь во второй половине XVI в. оно взималось только с крестьянских дворов. Можно думать поэтому, что такая повинность была установлена в тот период, "огда сословные различия лишь формировались. Заслуживает внимания и то обстоятельство, что "дым", как единица обложения хорошо известен на землях Великого княжества Литовского. В Киевской земле главный налог носил название "подымщины"⁷⁶. Это — довод в пользу того, что данный побор в пользу церкви появился в то время, когда митрополия была единой и центр ее находился в Киеве.

В итоге весьма представляется вероятным, что отмена княжеской десятины от даней в пользу церкви сопровождалась установлением в пользу церкви особых налогов со всего населения, которые должны были собираться церковными чиновниками /помимо "подымного" это мог быть и натуральный побор, который упоминается вместе с ним в текстах о "ржевской десятине"/⁷⁷. В определенном смысле эти налоги, дававшие церкви независимый постоянный источник существования, как замена "княжеской" десятины, могут рассматриваться как определенная аналогия католической деся-

тине, хотя по сравнению с последнею, размер этих поборов следует признать весьма скромным. Еще более существенно, что церковь, по-видимому, не смогла удержать за собой этот источник дохода.

В рассказе о судьбах Ржевской десятины обращает на себя внимание, что половину этой десятины митрополит Геронтий отдал князю Борису Волоцкому. От него сбор десятины перешел к его сыну Федору, а после его смерти Василий III "отдал ту десятину детям боярским в кормление". В связи с этим стоит отметить, что в источниках пер. XVI в. речь идет о передаче сбора "поворотного" в руки светских феодалов в таких крупных городах, как Москва, Дмитров, Ярославль, Торжок⁷⁸. В грамоте 1516 г. "подымное" также упоминается в числе сборов, взимаемых устюжским наместником⁷⁹. Хотя часть этих сборов церкви удалось сохранить за собой⁸⁰, они не смогли стать основой для ее самостоятельного материального существования.

Иная картина вырисовывается при изучении известий о судебной и торговой десятине, как в источниках содержания церкви.

Поправки и дополнения, вносившиеся в архетип Устава Владимира в разных редакциях памятника, показывают, что вопрос о судебной десятине в пользу церкви с охранял актуальность и в дальнейшем. Так, в Синодальном изводе Синодальной редакции Устава Владимира /известен уже в середине XIV в./ текст архетипа был дополнен статьей: "А своим тиуном приказываю ... с суда давати 9 части князю, а 1-я святей церкви"⁸¹. В более поздних изводах той же редакции, входивших в состав правовых сборников, составлявшихся на рубеже XIV-XV вв. /включают в себя тексты ссуждений Василия Дмитриевича с митрополитами Киприаном и Фотием/, текст устава был дополнен еще одной статьей: "И своим тиуном приказываю ... наших судов (с)з судьи без владычня не судити десятин деля"⁸². Очевидно, владычный судья должен был присутствовать на суде, чтобы взимать в пользу церкви судебную десятину.

О сохранении еще и в XVI в. осязательных реликтов судебной десятины говорит и документальный материал, относящийся к этому времени. Так, в акте 1516 г. /жалоба витебского духовенства на местного воеводу/ говорится, как о традиционной практике, что церкви святого Михаила в Витебске "издавна... з замку давали пересуда правый грош"⁸³. Еще более определены свидетельства документов с территории Северо-Восточной Руси. Так, в грамоте 1514 г. Воскресенскому собору в Волоколамске говорится, что священники собора "правой десяток брали с наместнича суда к Воскресению на темьян"⁸⁴. Из грамоты царя Михаила Троицкому собору в Серпухове 1624 г. видно, что и в этом городе "правый десяток с наместнича и с тиуна суда" делился между этим собором и церковью Дмитрия "внутри города"⁸⁵. Очевидна генетическая связь этого "правого десятка" с традиционной судебной десятиной. Этот пример показывает не только сохранение, но и расширение традиционной практики на новые церковные учреждения. Ведь лишь с 1374 г., когда в селе Серпуховском была заложена крепость и появился княжеский наместник, появилась возможность отчислять десятину "наместничаго суда" собору только что возникшего города.

Сделанные наблюдения позволяют прийти к двум важным выводам: во-первых, очевидна заинтересованность церкви в сохранении своих прав на судебную десятину и, следовательно, о своем соучастии в дележе государственных доходов; во-вторых, сама эта заинтересованность говорит о том, что доходы от судебных пошлин продолжали оставаться значительной величиной, и эта область государственной деятельности не была так сильно ограничена иммунитетными пожалованиями, как в западнославянских странах того же времени.

Вопросу о торговой десятине уделил в своих работах специальное внимание Я. А. Шапов. Выявленный им текст туrowsкой уставной записи XIV в.⁸⁶ позволил исследователю раскрыть смысл выражения "из торгу десятую неделю", упо-

требленного в архетипе Устава Владимира. Если ранее церковь поступала лишь определенная доля доходов с торга, собранных княжескими чиновниками, то теперь речь шла о выделении определенного времени для сбора торговых пошлин в пользу церкви ее собственными пошлинниками. Наряду со сбором торговых пошлин церковная администрация должна была, вероятно, поддерживать порядок на торгу и, очевидно, поэтому в ее пользу поступал доход от совершенных за это время правонарушений. И в этом нашел свое выражение определенный рост самостоятельности церкви и процесс формирования ее собственного аппарата⁸⁷.

В специальной работе Я. Е. Шалова показано, что торговая десятина в пользу туrowsкой кафедры в Турове и Пинске продолжала в несколько урезанном виде поступать в ее пользу и в XVI-XVII вв.⁸⁸. Следы торговой десятины обнаруживаются и в источниках, относящихся к Северо-Восточной Руси. Так, в двух грамотах первой пол. XVI в. упоминается право Успенского собора во Владимире на "десятью неделю" владимирской тамги⁸⁹. В таком "классическом" виде право церкви на торговую десятину в источниках больше не зафиксировано, однако практика передачи сбора тех или иных торговых пошлин отдельным церковным учреждениям была здесь широко распространена в XIV-XV вв. и лишь в XVI в. правительство стало систематически отстранять их от сбора пошлин, заменяя соответствующие поступления "ругой" из казны⁹⁰. Хотя тем самым сохранилось участие церкви в потреблении государственных доходов, сам характер этого участия изменился, отражая растущую зависимость церкви от государственной власти.

Таким образом в восточнославянском обществе XIV-XVI вв. особенно в Северо-Восточной Руси/ реликты старой княжеской десятины /торговой и судебной/ продолжали сохраняться в значительных размерах. В связи с этим встает вопрос, с каким типом церковных учреждений эти реликты были прежде всего связаны и какое место занимали поступления такого рода в общей структуре доходов церкви.

В наименьшей мере это, по-видимому, относится к церковным кафедрам, которые в источниках XIV-XVI в. выступают прежде всего как владельцы крупных земельных комплексов. П.казателен в этом плане прежде всего пример Московской митрополии. Из сохранившаяся копияная книга, ни формулярники с текстами многочисленных посланий митрополитов не содержат каких-либо данных о получении кафедрой "десятины" или близких к ним по характеру доходов. Не содержит сведений такого рода и копияная книга XV в. Рязанской кафедры. Лишь Ростовская кафедра, судя по грамоте Ивана IV 1554/5 г., обладала правами на 6-ю ночь подледного лова на Ростовском озере, 6-ю часть улова рыбы на реках Вогде и Ишне; кроме того в сентябре месяце все /великокняжеские, посадские и монастырские/ ловцы на Ростовском озере должны были ловить рыбу на владыку⁹¹. Эти права архиерейского дома были, конечно, весьма скромным остатком прежней княжеской десятины, а поступления из этого источника также не могли занимать видного места в общей сумме доходов кафедры с ее огромными владениями /только в Ростовском уезде ей принадлежало 39 сел/.

Хорошо сохранившиеся акты монастырей /подвляющая часть которых была основана в XIV-XVI вв./ также свидетельствуют, что в них порой присутствует право сбора торговых пошлин /и чаще не на торге, а на перевозах/, но явно, как второстепенный источник по сравнению со сборами от земельных владений.

Существенно иначе обстоит дело с такой группой церковных учреждений, как городские соборы. Выше уже отмечалось, что сведения о пожалованиях судебной или торговой десятины чаще всего встречались именно в грамотах, связанных с учреждениями такого рода. Эти же документы позволяют в известной мере представить какова была общая структура доходов некоторых соборов и какое место занимали в ней доходы от пскачований, генетически восходящих к княжеской десятине.

Наиболее полные данные относятся к Успенскому собору

во Владимире. Структура доходов причта этого храма приводится в грамоте Василия III 1524 г. в связи с их заменой "ругой" из великокняжеской казны⁹². Собору поступало 10 рублей от "десятой недели" во владимирской тамге, 30 рублей от принадлежавшего собору перевоза на Клязьме и по 10 рублей он получал от "дворцовых" сел Спасского и Горниц /"едва ли не несколько измененная десятина от продуктов княжеского хозяйства/. Доход от единственного земельного владения собора - Бродничевской земли /"сто десятин в поле"/, которая отдавалась в аренду крестьянам соседнего села за 35 руб., был значительно меньше⁹³. А к этому следует добавить обходенный молчением в грамоте 1524 г. доход от "подымного" /см. грамоту Ивана IV 1549/50 гг./⁹⁴. "Подымное" приносило храму, вероятно, также несколько десятков рублей в год. Поступления от разных форм десятины в бюджете храма тем самым абсолютно преобладали. В таком положении не было ничего исключительного. Так, Успенский собор в Москве вплоть до рубежа XV-XVI вв., по-видимому, не имел собственных земельных владений и его причт существовал за счет доходов от торговых пошлин, пожалованных московскими князьями в XIV в.⁹⁵ В 20-х гг. XVII в. собору принадлежало 53 дв., и если за часть земель, на которых эти дворы находились, была дана вкладом в собор в конце XVI-начале XVII в., однако и в это время размер денежного дохода собора от вотчин был равен размеру руги, выплачивавшейся из царской казны⁹⁶. Главным источником дохода соборных храмов Нижнего Новгорода - Спасского и Архангельского была денежная руга, выплачивавшаяся "из таможенных денег", которая представляла собой явную компенсацию за отобранное у них право сбора в свою пользу торговых пошлин в этом городе⁹⁷. Крестьянских дворов в их владениях не было, им принадлежали лишь озера, сенокаты и "дерево боготно"⁹⁸.

Воскресенскому собору в Волоколамске в 20-х гг. XVII в. принадлежало лишь одно владение, "пустошь, что было село Михайловское", в котором насчитывалось 100 четвертей лоб-

рой земли⁹⁹ – надел, с которого по нормам уложения о службе выставлялся один воин. Ясно, что причт жил главным образом за счет руги, которой был заменен его доход от торговых и судебных пошлин. Еще более скромным было единственное владение Троицкого собора в Серпухове "деревня Демьяновская"¹⁰⁰. В ней было всего 36 четвертей средней земли¹⁰¹. Очевидно, что причт существовал и здесь главным образом за счет "правого десятка" от суда и дохода от сбора торговых пошлин – "померного", "гостинного" и "весчего".

В том, что поборы генетически восходящие ко княжеской десятине или типологически ей близкие оказались основной частью содержания именно городских соборов, нет ничего удивительного. В ту эпоху, когда княжеская десятина была господствующей формой материального обеспечения церкви, христианство еще слабо проникало в сельскую местность и деревенские приходы еще не сформировались. Христианский храм строившийся на месте языческих святилищ, находившихся на градах, был в этой ситуации часто единственным приходским храмом для всего административного округа, центром которого соответствующий град являлся¹⁰². Неслучайно и само название церкви в западнославянских языках – "костел" было производим от лат. "castellum" /крепость/.

Неудивительно, что городские соборы оказались в числе получателей княжеской десятины и у западных славян /примером могут служить коллегиата Св. Стефана в Литомержицах и коллегиата в Старой Болеславе/ и, очевидно, у славян восточных.

Разница состояла в том, что на западнославянской почве и эти церковные учреждения стали быстро приобретать значительные земельные владения. Так, князь Спитигнев /1056–1061 гг./ пожаловал собору св. Стефана в Литомержицах 14 деревень "villa" и распорядился выделить еще 6, что бы заселить их "служилым населением, взяв для этого по одной сем. всяких специальностей от каждого из

градов¹⁰³. В той или иной мере это распоряжение было выполнено, так как в фальсификате этой грамоты, составленном в сер. XII в., перечисляются уже 27 таких "специалистов" и ремесленники ряда специальностей без обозначения их количества¹⁰⁴. Крупным землевладельцем /в значительной мере благодаря княжеским пожалованиям/ стал не позднее сер. XII в. и собор в Старой Болеславе¹⁰⁵. В дальнейшем именно доходы от этих земельных владений и стали, по-видимому, главным источником их существования.

В Северо-Восточной Руси развитие пошло иначе: старые источники доходов сохранили свое значение, городские соборы не стали крупными земельными собственниками и продолжали находиться в полной материальной зависимости от государственной власти. Эта зависимость еще более усилилась, когда признанное традицией право на долю от тех или иных доходов сменили произвольные выдачи "руги" из царской казны. Учитывая особую роль городских соборов, как потенциальных центров объединения духовенства на местах в рамках формирующейся церковной организации, такие особенности их статуса не могли не наложить отпечаток и на процесс формирования сословия духовенства, и на развитие отношений между светской властью и церковью.

§ 2. Десятина с населения и ее превращение в католическую десятину и ругу

В польских и чешских документах XII - начала XIII вв. появляются сведения о десятинах, установленных княжеской властью, но эта десятина представляла собой уже не десятую часть тех или иных государственных доходов /как ранее/, а предоставленное властью церкви право взимать в свою пользу десятую часть тех или иных доходов отдельных групп населения. Споры по поводу сбора десятины между духовной и светской властью в Польше и Чехии первых десятилетий XIII в. позволяют представить себе характер этой новой десятины, существенно отличавшейся от классических

форм десятины, характерных для католического мира.

В своей классической форме десятина представляла всеобщую обязанность населения выделять долю своих доходов в пользу соответствующего храма. Преобладающей формой десятины была десятина зерном / *decima manipularis* / - десятая часть урожая зерновых, взимаемая на поле в виде десятого снопа. Различия между феодалом и крестьянином заключались в том, что крестьянин вносил десятую часть урожая, полученного в своем хозяйстве, а феодал - десятую часть урожая с барской запашки /дословно - с земли, " *quos bobus suis exarabit* "/. Феодал также в отличие от крестьянина не был обязан оставлять собранный продукт сборщику десятины¹⁰⁶.

Десятина, собиравшаяся на рубеже XII-XIII вв., отличалась от классической формы прежде всего тем, что не имела всеобщего характера. Еще в 1248 г. чешский король Вацлав I, утверждая право оломоуцкого епископа на сбор десятины по всей территории его диоцеза, подчеркнул, что сделал это " *non obstante prava et perversa consuetudine Moravorum, que se dicunt ad solutionem non teneri, quia longo tempore solverunt* " ¹⁰⁷ . Предоставление десятины выступает в актах этого времени не как исполнение обязанности, а как акт милости, пожалования. Чешские материалы о спорах между светской и духовной властью в основном фиксируют факт произвольного распоряжения десятиной установленными ее светскими владельцами, но ничего не говорят о ее характере и с кого она взималась. Ряд данных на этот счет содержат напротив польские материалы.

Сопоставление свидетельств различных источников кон. XII - первой пол. XIII в. позволяет обрисовать следующую картину.

Десятина с населения в пользу того или иного храма или монастыря устанавливалась князем при /хотя бы формально/ участии епископа. Примером /достаточно ранним/ может служить пожалование в 1175 г. монастыря в Любине

"всеми десятинами с новых деревень" и тех деревень, которые будут построены в будущем в округе Лигницы / in potestate Legenicense /¹⁰⁸. При этом княжеская власть сама определяла, с каких источников дохода должна была выплачиваться десятина /доходы от рудников ей, например, не подлежали/ и на какие группы населения и в каких формах она распространяется: так, в Силезии льготы при уплате десятины были предоставлены ряду групп "служилого" населения, занятым раскорчевкой леса и освоением новых земель, а также обработкой господской запашки на княжеских землях, льготы получили и приглашавшиеся в страну иностранные колонисты¹⁰⁹. Княжеская власть определяла и конкретный характер десятины, вносившейся еще и в I-й пол. XIII в. в ряде районов Силезии и Мазовии /в бассейне Буга/ не зерном, а медом и звериными шкурками¹¹⁰.

Распоряжения княжеской власти касались, однако, лишь земель, находившихся непосредственно под княжеской юрисдикцией, но не земель, принадлежавших феодалам, которые к этому времени, по-видимому сами решали, кому и в каких размерах выдать десятину¹¹¹. Такие пожалования имели место уже в первой половине XII в.: так, Петр Власт, "палатин" польского князя Владислава II, отстраненный от власти и ослепленный в 1145 г., установил в пользу монастыря св. Марии во Вроцлаве десятину со всех владений, которые принадлежали ему "iure hereditario"¹¹². По форме такие пожалования подчас не отличались от княжеских: так, один из комесов середины XII в. предписал получать десятину от ключника в своем имении, а другой пожаловал "девятиую рыбу" на принадлежавшем ему озере¹¹³.

О широком объеме прав феодалов относительно десятины, поступавших с их владений в пользу церкви, говорит одна из статей соглашения 1227 г. между силезским князем Генрихом и вроцлавским епископом Бавжинцем: в этой статье устанавливалось, что рыцари, приобретшие новые владения, должны были уплачивать с них десятины тем церковным учреждениям, которым они с этих владений уплачивались ранее. При

этом отмечалось, что десятина должна уплачиваться "iure militari" т.е. по особым нормам, установленным для владений рыцарей. Впрочем, и это ограничение, касалось только владений приобретенных рыцарями после созыва Латеранского собора 1215 г.^{II4}. В своих более старых владениях рыцари очевидно продолжали пользоваться в этом отношении полной свободой.

Есть основания полагать также, что на барскую запашку, обработанную трудом дворовой челяди, обязанность вносить десятину в пользу церкви первоначально не распространялась^{II5}. В решениях Серадзского синода 1233 г., установившего, что все люди "cuiscunque sint conditionis" должны уплачивать десятину, специально подчеркивалось, что ее должны вносить даже "aratores milites"^{II6}. Термином "aratores" /слав. соответствие - "патаи"/ в польских источниках XIII в. обозначались люди, занимающиеся обработкой чужой земли^{II7}.

Обращает на себя внимание, что освобождались от уплаты десятины или вносили ее на льготных условиях те группы населения и виды земель, которые получали льготы при уплате государственных налогов. Все это придает десятине в пользу церкви черты нового налога, которым отягчило население /на этот раз не в свою пользу/ государственная власть. Такая эволюция форм материального обеспечения церкви говорит о растущем подчинении населения сельских и городских общин власти государства и одновременно о явном укреплении позиций церкви, сумевшей занять не только стабильное, но и признанное обществом место в его социальной структуре. Одновременно рисуемая в источниках картина установления и распределения десятины отразила растущую социальную и экономическую самостоятельность формирующегося на основе слоя "milites" раннефеодальной эпохи сословия феодалов-землевладельцев. Вместе с тем, отношения в этой сфере отличались значительной долей нестабильности; права церкви на получение десятины были отнюдь не бесспорными и во многом зависели от доброй воли

и государя и землевладельцев. Лишь во 2-ой половине XIII в. церковь повсеместно начинает взимать в свою пользу десятину обычную для католической Европы.

Можно ли говорить о подобной эволюции церковной десятины в Древней Руси? Поиски ответа на этот вопрос заставляют вернуться к анализу архетипа Устава Владимира. Как уже отмечалось выше, в этом памятнике не содержалось каких-либо упоминаний о княжеской десятине от даней и наоборот говорилось, что великий князь дал церкви "из домов на всякое лето десятое всякого стада и всякого жита"¹¹⁸. При сопоставлении с приводившейся выше преамбулой к грамоте Святослава Ольговича бросаются в глаза два обстоятельства: согласно грамоте Святослава церковь могла претендовать на долю доходов, поступающих на "княжь двор", а вовсе не из "домов", и среди этих поступлений никак не выделялись зерно и скот. Ничего не знает о обязанности населения давать церкви зерно и скот и уставная грамота смоленской епископии. Все это заставляет думать, что дань зерном и скотом, которую давал церкви Ярополк Изяславич в конце XI в. была данью с его личных владений, а позднее после отмены княжеской десятины от даней обязанность вносить такую десятину церкви от своего хозяйства была княжеской властью распространена на все население. Тем самым в Древней Руси произошла такая же смена характера десятины, как и у западных славян. Сходство ситуации проявлялось, по-видимому, и в том, что само распоряжение этой десятиной находилось и на Руси в руках светских лиц. Так заставляют думать формулировки так называемого "поучения духовника исповедающимся" /в списке XIII в./, составитель которого призывал своих духовных детей: "десятину же от всего имения своего, лучшее отъем, дажь богови, совокупив же ю, държи оу себе, да от того даеши сироте и вдовици, и страньным, и попом, и черньцем, и убогим"¹¹⁹.

Сведения о такой десятине, назначавшейся храму /или монастырю/ феодалом из продуктов своего хозяйства особен-

но многочисленны в источниках с территории Великого княжества Литовского во 2-ой половине XV – начале XVI в.¹²⁰

Наиболее раннее свидетельство о назначении десятины такого рода, как и можно было ожидать, исходит от князя, хотя и утратившего политическую самостоятельность. Имею в виду запись, судя по всему 1401 г., на так называемом "Друцком евангелии". Князь Василий Михайлович, построивший церковь св. Богородицы в Друцке пожаловал ей среди прочего "ис своего села из Видиничь десятину ис жита"¹²¹. Ряд подобных записей встречается и в актах 60-х гг. XV в., однако, конкретное представление о характере такой десятины позволяют составить документы несколько более поздние, 80-х гг. XV в. Так, в 1485/6 г. лудский староста Олизар Кирдеевич пожаловал церкви Спаса "в Красном" десятину "из своего двора" "и с озимы, и с ярины, и с жита, и с овса, и с ячменя и с ярых пшениц, и с горохов"¹²². Позднее другой волынский феодал, владимирский староста кн. Мих. Ковст. Пинский пожаловал "из своего двора" десятину не только от "озимы пшеницы и ржи и от всея ярины", но также "от животины и от гусей, и от кур и от всего приплода десятое"¹²³. В 1491 г. кн. И.С. Кобринский дал монастырю Спаса в Кобрине "десятую мерку со млына ... а с пашни Кобринское з жита и со всех ярин десятую копу"¹²⁴. В 1504 г. кн. Федор Иванович Ярославича пожаловал церкви Иоакима и Анны на своем дворе десятину с нового двора", з жита и с каждого ярила"¹²⁵. Примеры можно продолжить.

Общая черта всех этих пожалований состоит в том, что доля продуктов /чащ всего – зерновых/ выделялась храму /или монастырю/ "из двора" или "с пашни". Характер таких дарений позволяют точнее представить документы о пожалованиях десятины ряду монастырей и церквей /20-е – 50-е гг. XVI в./ видного православного феодала Великого княжества Литовского Ивана Андреевича Салтана¹²⁶. Во-первых, заслуживает внимания относящееся к 1530 г. письмо митрополита Иосифа Ивану Андреевичу¹²⁷. Из него вы-

ясняется, что ранее Салтан назначил десятину церкви Воскресения в Трочах "з двора своего с Попортей", но в связи со строительством храма в Попортах десятина была передана ему, а церкви Воскресения Салтан обещал назначить десятину с другого двора. По-видимому, такой способ материального обеспечения храма был в то время своего рода общей нормой.

Другая особенность документов Салтана позволяет раскрыть содержание общинных указаний о пожаловании десятины с того или иного "двора". В актах, исходящих от Салтана, неоднократно повторяется формула о выделении десятины "с того двора моего с пашни дворное"¹²⁸. Таким образом, храму выделялись десятин от продуктов, выращивавшихся на господской запаше. Очевидно, именно это имели в виду указания предшествующих актов о выделении десятины "с двора" или "с пашни".

Обрисованный здесь порядок материального обеспечения храма не полностью совпадает с тем, что предлагается в архетипе устава Владимира — так, в этих документах ни разу не упоминается десятин от "скота". Поэтому, учитывая что к середине XIII в. в соседней Польше главной формой материального обеспечения храмов стала десятин зерном, выделявшаяся феодалом именно с земли, "обработанной его быками", можно было бы думать, что в данном случае мы имеем дело с примером католического влияния. Правда, и в этом случае следовало бы признать, что такой образец использовался весьма свободно — набор агрикультур, подлежащих обложению, часто варьировал даже во владениях одного и того же феодала /так, уже упоминавшийся Иван Андреевич Салтан с одного из своих дворов дал десятину "от жита, от ячменю и от гречихи", а в другом "з жита и з ярий"/, а подчас выделялась и десятин с объектов, не имевших ничего общего с урожаем зерновых. Так, жидичинскому монастырю на Волыни поступала с имения кн. Б. Корачкого десятин "с поль, с сеножатей и огородов"¹²⁹. Все эти различия между характером отдельных дарений явно объясняются волей фе-

одада, самостоятельно устанавливавшего размер десятины лишь ориентируясь на некую общую норму, и в этом нельзя не видеть определенную параллель порядкам, существовавшим в Польше и Чехии до установления классической католической десятины¹³⁰.

Окончательно решить вопрос позволяет то обстоятельство, что немногочисленные, но определенные следы таких отношений обнаруживаются и в источниках, относящихся к Северо-Восточной Руси. Первой здесь может быть названа грамота Василия Дмитриевича его "посельскому" в Юрьеве с предписанием давать Успенскому монастырю на Воинове "из Красново села ... из моего жита, изю ржи, изю пшеницы из овса ... десятое ... на всяк год"¹³¹. Упоминание "посельского" и "моего" жита говорит о том, что речь идет здесь о десятине, выделявшейся из продукции, произведенной в личном княжеском хозяйстве. В данной грамоте Фотия 1420 г. на село Славянское Переяславскому Горичскому монастырю также упоминается "десятое", которое поступало с этого села "святому Юрю" и "святому Петру митрополиту" в виде определенного количества кадей ржи¹³². Что такие отношения существовали в Северо-Восточной Руси достаточно долго, показывает грамота знатного тверского феодала Ф.Б. Бороздина, по которой в 1547/8 г. он передал монастырю село Козмодемьянское, в котором находилась родовая церковь его семьи. Дьякону этой церкви была выделена десятина "из маеи, из Фодоровы пашни, изю ржи да из овса десятой снои"¹³³.

Таким образом, ретроспективный анализ источников подтверждает предложенное выше толкование пассажа о десятине от "домов" в Уставе Владимира. По-видимому, действительно, на рубеже XII-XIII вв. произошли серьезные изменения в характере церковной десятины. Теперь обеспечение материального содержания храмов и других церковных учреждений легло не только на государство, но и на широкий круг лиц - основателей храмов, которые и для них десятину из продукции собственных хозяйств. Источники конкрет-

но указывают нам некоторых из этих лиц — крупных феодалов, у которых появились собственные владения, где они строили собственные храмы. Предписания "Устава Владимира", вероятно, имели в виду прежде всего подчиненное княжеской власти население, а феодалы могли достаточно свободно устанавливать десятину, лишь ориентируясь на установленный "Уставом" образец. В этом смысле перемены, происходившие на Руси, были типологически сходны с переменами, происходившими в Польше и Чехии. Перед нами важный показатель того, что не только сложение раннефеодальной модели общественного устройства, но и начальные этапы его разложения и перехода к следующему этапу развития шли по аналогичным путям.

Вместе с тем следует говорить не только о затяжном характере этой эволюции в Древней Руси, длительном сохранении здесь отношений, характерных для более ранних стадий развития /например, форм десятины в Центральной Европе, сошедших со сцены на протяжении XIII в./, но и о специфических чертах восточнославянского развития и разном конечном пункте процесса.

Заслуживает специального рассмотрения та особенность пожалований десятины и в Великом княжестве Литовском, и в Северо-Восточной Руси, что десятина выделялась феодалами-основателями храмов с "своего" двора, со "своей пашни", то есть с продуктов, произведенных в собственном, а не крестьянском хозяйстве. Для выяснения этой стороны дела следует обратиться к вопросу о становлении на древнерусских землях церковной организации. Некоторые указанные источники позволяют судить о том, что какая-то сеть приходов к XIII в. на Руси сложилась¹³⁴. Какая же церковь могла выступать в то время в качестве приходской? Определенный ответ на этот вопрос дает анализ сохранившихся наиболее ранние массовые сведения о характере церковной организации на русских землях новгородских писцовых книг кон. XV — нач. XVI в. Осуществленный Сергием /Тихомировым/ анализ данных книги Водской пятины 1500 г. привел к выводу

дователя к выводу, что такую роль выполнял храм, стоявший в центре административного округа — погоста. Церковь стояла в центре каждого погоста и несомненно, именно она была приходским храмом для его жителей¹³⁵. Иногда на территории погоста бы. с несколько таких церквей, но это было явлением вторичным, связанным с ростом населения погоста¹³⁶. Церквей такого типа на территории пятны было — 46. Помимо них здесь имелись церкви, находившиеся в селах отдельных феодалов, близ их "больших дворов", их было — 72¹³⁷. Таким образом, даже к концу самостоятельности Новгорода, когда фонд "черных земель" почти полностью перешел во владение отдельных феодалов, храм при боярской резиденции был все еще второстепенным элементом существующих церковных структур. Главным звеном в этой организации был храм на погосте. Неслучайно предписания Устава Владимира адресовались "по всем городам ... и по погостом, и по свободом, где крестьяне суть"¹³⁸. Относительно некоторых из погостских храмов в писцовой книге есть указания, что они поставлены владыкой или монастырем, имевшим большие владения на территории погоста¹³⁹. В большинстве случаев таких указаний нет и надо полагать, что эти храмы были поставлены населением погоста и их причт именно от него получал свое содержание. Такие храмы, находившиеся под патронатом приходских общин, хорошо известны по источникам XVI—XVII вв., на севере России¹⁴⁰. Сложившиеся отношения сохранялись и после перехода соответствующих поселений под власть вотчинника. Как видно из сохранившегося описания владений Троице-Сергиева монастыря 90-х гг. XVI в., в церквях, перешедших к монастырю дворцовых сел было "все строенье мирское", "строенье приходных людей"¹⁴¹.

С учетом всего этого можно было бы предложить следующую реконструкцию изменений характера десятины у восточных славян. На рубеже XII—XIII вв. решением княжеской власти на волостные /погостские/ общины была возложена обязанность снабжать десятиной от продукции своих хо-

зайств, находившиеся на погостах приходские храмы. Таким образом, к тому времени, когда стал заметным явлением рост феодального землевладения, основная масса населения уже была охвачена определенными организационными структурами. Что касается феодалов, то их хозяйства были, вероятно, как и в Польше, освобождены от уплаты этой десятины, и вопрос о том, строить ли храм для собственных нужд и снабжать ли его доходами было делом личного решения землевладельца. При этом, однако, он не мог использовать для этого десятину с хозяйств перешедших под его власть крестьян, так как такая десятина уже вносились в пользу погостского храма. В этих условиях храм /или монастырь/ строившийся самим феодалом для обслуживания своих нужд, начекался им десятиной из продуктов, произведенных в своем хозяйстве.

Налицо некоторое сходство с положением в Польше, где в памятниках права проводилось различие между десятиной с крестьянских хозяйств и с господской запашки. Сходство это, однако, было скорее формальным, так как приходская организация в странах Центральной Европы складывалась в условиях интенсивного роста феодального землевладения, когда патронами храмов становились именно феодалы-землевладельцы. Не случайно романские приходские церкви со второй половины XII в., как правило, включали в себя хоры, сделанные для семьи патрона и соединенные непосредственно с его резиденцией¹⁴².

На польской почве различие было связано с тем, что утвердив за собой право на десятую часть продукции крестьянских хозяйств, католическая церковь не сразу могла утвердить свое аналогичное право по отношению к господской запашке. А в дальнейшем усилия католической церкви были направлены на то, чтобы стереть эту разницу¹⁴³. Создававшееся здесь положение было результатом борьбы церквей за свои права, а не следствием определенных социальных изменений. Неудивительно, что в дальнейшем эволюция у восточных славян пошла в ином направлении, чем у

славян западных. Эволюцию эту у восточных славян определяли именно социальные изменения, связанные с развитием феодального землевладения и упадком волостной /погостской/ организации. С упадком волостной организации происходил упадок роли и значения погостских храмов. Признаки запустения и разорения церквей на погостах отчетливо видны, например, в описании Коломенского уезда 1577/78 г.¹⁴⁴ Одновременно распоряжение содержанием храма стало становиться делом не общины, а патрона. В 1500 г. П. И. Сапега, подтверждая пожалования своего отца церкви Михаила, в Кодне, предписал мещанам этого городка "закону греческого" каждую осень давать священнику "копу жита з волоки"¹⁴⁵. Как видим, речь идет о обложении мещан налогом со стороны в пользу его вотчинной церкви, к опеке над которой они никакого отношения не имели, а сам установленный побор даже и по форме не имел никакой связи с десятиной. Так устанавливались новые, отличные от традиционных отношения, отражавшие растущее подчинение господам их подданных /мещан и крестьян/, на которых перекладывались расходы на содержание храма. В некоторых случаях даже сам момент смены отношений может быть уловлен. Так, например, Успенская церковь в Заблудове - имени Ходкевичей традиционно обеспечивалась десятиной с панского двора в Заблудове, но в 1567 г. владелец, Г. А. Ходкевич передал эту десятину построенному им "шпиталю", а на содержание храма установил налог с мещан Заблудова и крестьян окрестной волости - "з волоки зуполное жита полкопя, ячменя полкопя"¹⁴⁶.

Эти свидетельства позволяют отчасти дать и ответ на вопрос, почему в поздних /XVI-XVII вв./ источниках нет каких-либо упоминаний о десятине в пользу церкви. К этому времени церковь получила содержание за счет установленных землевладельцем поборов /о чем говорилось выше/, либо /как имело место в России/ за счет руги, устанавливавшейся либо правительством, либо опекавшей храм приходской общиной, но в обоих случаях размер платежей уже никак не

соотносился с какой-либо общей нормой.

Сделанные наблюдения позволяют определить и основной характер различий в эволюции церковной десятины у восточных и западных славян. Если к сер. XIII в. церковная десятина у западных славян стала обязательным побором взимавшимся со всего населения в пользу церкви по общим обязательным для всех нормам, то у восточных славян развитие шло в ином направлении – замене десятины различными произвольными платежами, зависевшими от воли государя, землевладельца-патрона храма или приходской общины. Это различие, как увидим далее, было производным от общей системы отношений между церковным и светским обществом, характеристика которых будет дана в следующем разделе.

Примечания

1. Abraham W. Organizacja kościoła w Polsce do połowy wieku XII. Poznań, 1962 (первое издание вышло в 1890 г.) s.239 ff. Idem. O powstaniu dziesięciny swobodnej.- Biblioteka warszawska. 1891, N 4, s.154 i n.
2. Łowmiański H. Początki Polski.t.VI, cz.1. Warszawa, 1985, s.310-315, 345-348, 361-364, 374-377.
3. Pommersches Urkundenbuch, Bd.1 (786-1253) Köln-Wien, 1970, N 30.
4. См. Wałachowicz J. Pierwotne uposażenie biskupstwa kamieńskiego.- Studia i materiały do dziejów Wielkopolski i Pomorza.T.XIII, z.1. Warszawa-Poznań, 1979, s.179.
5. Pommersches Urkundenbuch.Bd.I, N 43.
6. Ibid., N 48.
7. Codex diplomaticus Poloniae, t.II, pt.1, Varsaviae, 1848, N 1.
8. Pommersches Urkundenbuch, t.I, NN 66, 288.
9. Buczek K. Problem organizacji terytorialnej Pomorza Gdańskiego w XII i XIII wieku.- Zapiski Historyczne, 1970, z.3/4, s.142-144.
10. Kodeks dyplomatyczny Wielkopolski, t.I, Poznań, 1877, N 7.
11. Ibid, N 3.
12. Łowmiański H. Początki...t.VI, cz.1, s.306-320.

13. Сводка соответствующих данных см.: Buczek K. Z badań nad organizacją gospodarki wczesnofeudalnej. - Kwartalnik Historii Kultury Materialnej. 1969, N 1, s.210.

14. Abraham W. Organizacja..., s.241.

15. См. об этом подробнее: Fiala Z. K otázce funkce našich listin do konce 12 století. In; Sbornik prací filozofické fakulty brněnské University, č.6, 1960.

16. CDB t.1, fasc.1 Prague, 1904, N 375, p.348-349.

17. CDB, t.1, № 375, p. 348.

18. CDB, t.1, № 382, p. 361.

19. CDB, t.1, № 387, p. 306.

20. CDB, t.1, № III, p. II3.

21. CDB, t.1, № 287, p. 252.

22. CDB, t.1, № 381.

23. CDB, t.1, № 382, p. 351.

24. CDB, t.1, № 393.

25. CDB, t.1, № 387, 393.

26. CDB, t.1, № 375, p. 349.

27. Ibid.

28. CDB, t.1, № 375, p. 349; № 387, p. 386; № 393.

29. CDB, t.1, № 393.

30. CDB, t.1, № 375, p. 348.

31. Hrubý F. Cirkevní zřízení v Čechách a na Moravě od X do konce XIII století a jeho poměr ku státu. - Český časopis historický, 1916, s.271.

32. CDB, t.1, № 387, p. 386.

33. CDB, t.1, № 387, p. 386.

34. "Господская" в данном случае - княжеская. Как отмечено исследователями "Чешской хроники" Козьмы Праздского термином "dominus" - "господин" христиан обозначает только князя.

35. Kowmiański H. Początki..., t.VI, cz.1, s.347.

36. Шапов Я.п. Церковь в системе государственной власти в древней Руси. В кн.: Древнерусское государство и его международное значение. М., 1965, с. 375-326.

37. На польском материале процесс возникновения крупного церковного землевладения в последней четверти XI - первой половине XII в. обстоятельно рассмотрен Г.Ловмянским /Początki..., t.VI, cz.1, s.288-377). На примере ряда чешском материале вопрос рассматривал /на примере ряда наиболее крупных земельных собственников/ Р.Ювы (Nový R. Premyslovský stat 11 a 12 století. Praha. 1972, s.110 i n.

38. См., например, CDB, t.1, № 387, 396.

39. См., например, данную Г.Ловмянским характеристику пожалований Тынецкому монастырю - Początki..., t.VI, cz.1, s.305-306.

40. CDB, t.1, № 301, p. 271.

41. СДВ, т. 1, № 287.

42. Так, в 1354 г. Казимир Великий подтвердил права гнезненского архиепископа на "десятью неделю" от торговых пошлин в "градах", большая часть которых фигурирует в папской булле 1136 г. Краковское епископство еще в XVI в. пользовалось правом на "десятьур неделю" от пошлин Сандомирского воеводства (Kowmiański H. Początki..., t. VI, cz. 1, s. 365).

43. Шапов Я. А. Церковь в системе..., с. 297-325. Его же. Государство и церковь Древней Руси. X-XIII вв. М. 1989, с. 76-86.

44. ИИ, с. 165-166; ПСРЛ, т. I, М., 1962, стб. 124.

45. ДКУ, М., 1976, с. 147-148.

46. Жития святых мучеников Бориса и Глеба и служб им. Пг., 1916, с. 19.

47. ПСРЛ, т. I, стб. 207; т. II, М. 1962, стб. 198.

48. ДКУ, с. 141.

49. О практике такого княжеского объезда территории и в кон. XII в. см. ПСРЛ, т. I, стб. 408-409. О характере такой повинности в более позднее время позволяет судить дарственная киевского пана Семея Романовича Имполо-Пустыньскому монастырю 1507 г. Переписывая повинности, поступавшие с крестин передаваемого монастырю имения Шепелевичи, он отметил "а на господара полюдые, а дару куница, а на слуга десять грошей", и пояснил далее, что, если игумен с братьев "второе осени не пойдут к ним полюдовати, ибо им за то привезти ко монастырь корман меду, и тни подарки, што на слуги идет" /Архив ЮЗР, ч. I, т. VI, Киев, 1883, № У/. Хотя в описываемое в грамоте время доходы от "полюдья" шли в пользу вотчинника, в более раннее время такие доходы поступали польза князя и сопровождавших его слуг. Это позднее свидетельство позволяет, как представляется, понять, что означало выражение "осеннее полюдье даровное" в почти современной Смоленскому уставу грамоте Юрьеву монастырю 1130 г. /Грамоты Великого Новгорода и Пскова. М.-Д., 1949, № 81, с. 140/.

50. Образовавшееся в аналогичных условиях влоплавское епископство получило на основных польских землях прежде всего десятины и земли целого ряда уже существовавших здесь церковных учреждений - церковью Марии в Завихосте и Сандомире, препозитуу св. Михаила в Кракове.

51. Правда, помимо перечней "градов", с которых идет та или иная десятина, можно встретить и перечни иного рода - например, перечень моравских "градов" с указанием, какое количество сжков и денег с каждого из них должно поступить болеелавской коллегiate /СРВ, т. I, № 382, р. 361/, но в этом случае эти поступления не определяются, как "десятина" и характер их связи с государственной системой обложения остается неясным.

52. ПСР., т. I, стб. 348.

53. Голубовский П.В. История Смоленской земли до начала ХУ ст. Киев, 1895, с. 59.
54. ДКУ, с. 141, 143.
55. Łowmiański H. Początki..., t.VI, cz.1, s.351-352,364.
56. Arnold S. Władztwo biskupie na grodzie woborskim w w. XIII.- Arnold S. Z dziejów średniowiecza. Warszawa, 1968, s.31.
57. Козьма, П, 21.
58. СДВ т. I, № 138, 157-158.
59. АСЭА, т. Ш, М., 1964, № 319.
60. Морозов Б.Н. Грамоты XIV-XVI вв. из копийной книги Рязанского архиерейского дома - Археографический ежегодник за 1987 год. М., 1988, с. 299-300.
61. АСЭИ, т. Ш, № 315.
62. Памятники русской письменности XV-XVI вв. Рязанский край. М., 1978, с. 102.
63. АСЭА, т. Ш, № 314.
64. Действия рязанских епископов, вероятно, не были уникальными, см. известие о покупке Алексина митрополитом Петром в начале XIV в. - АФЗИХ, ч.1, М., 1951, № 1, с. 23.
65. Веселовский С.Б. Феодалное землевладение в Северо-Восточной Руси. М.-Л., 1947, с. 335 и сл.
66. ДКУ, с. 143.
67. Шапов Я.Н. Княжеские уставы и церковь в Древней Руси. М., 1972, с. 127 и сл., реконструкция архетипа - с. 120-21.
68. ДКУ, с. 18, 23.
69. Шапов Я.Н. Церковь в системе..., с. 307-308.
70. Патерик Киевского Печерского монастыря. СПб., 1911, с. 76.
71. РИБ, т. У1, изд. 2-ое, СПб., 1908, стб. 182-183.
72. Там же, № 3, стб. 92.
73. АФЗИХ, ч. Ш, М., 1961, № 58, с. 98.
74. Там же, Приложения, № 4, с. 365.
75. ПИБ. Собр. актов и грамот, № 122.
76. См. в привилее Сигизмунда I 1529 г. Киевской земле "А подымшии людем их /духовных и светских феодалов.- Б.Ф./ нам, господару, не давати, нижи мают они паном своим давати"- Любавский М.К. Очерк истории Литовско-Русского государства. М., 1910, Приложения, № 4, с. 356/.
77. В писцовой книге Водской пятины 1500 г. имеются записи о уплате корельскому десятинику Новгородского архиепископа с "двора" по четвертке ржи (Сергий /Тихомиров/. Черты церковно-приходского и монастырского быта в писцовой книге Водской пятины в связи с общими условиями жизни. СПб., 1905, с. 283).
78. Носов Н.Е. Становление сословно-представительных учреждений в России. Л., 1969, с. 424-425, 438; Акты XIII-XVII вв. представл. в Разрядный приказ предста-

вителями служилых фамилий после отмены местничества.
Собр. А.Ижков, ч. I, М., 1898, № 167, 169.

79. Румовский Н. Описание Великоустюжского Успенского собора. Вологда, 1862, с. 66.

80. Известен указ патриарха Филарета, устанавливавший нормы "церковной дани" с населения Москвы: от уплаты ее освобождались лишь дворы архиереев, бояр и окольничных, а "со всяких хилецких людей" взималось по 2 деньги с двора. - Забелин И.Е. Материалы для истории, археологии и статистики города Москвы, ч. I. М., 1884, стб. 1193.

81. ДКУ, с. 23.

82. ДКУ, с. 31, 38, 43 /вместо "владычных" говорится о "митрополичьих" судьях/.

83. АУЗР, т. I, СПб., 1863, № 165.

84. Древности. Труды Московского археологического общества, т. XXII, М., 1909, с. 278.

85. Чтения в Обществе истории и древностей Российских, 1869, кн. 2, Смесь, с. 1-6.

86. ДКУ, с. 200.

87. Шапов Я.Н. Государство и церковь..., с. 80-81.

88. Шапов Я.Н. Туровские уставы XIУ в. о десятине. - Археографический ежегодник за 1964 год. М., 1965, с. 260-262.

89. Сборник Муханова, изд. 2-ое, СПб., 1866, № 319; Отдел рукописей Гос. Публичной библиотеки им. М.Е.Салтыкова-Щедрина Собр. актов и грамот, № 122, Это, очевидно, привязанный несколько иную форму "торг десятый", пожалованный собору Андреем Боголюбским.

90. Каштанов С.М. Отражение в жалованных и указных грамотах финансовой системы Русского государства первой трети XVI в. - Исторические записки, 70, М., 1961, с. 263; Флоря Б.Н. Сбор торговых пошлин и посадское население в Русском государстве /конец XV - начало XVI вв. - Исторические записки, 118, М., 1990, с. 330-331.

91. Сборник Археологического института, кн. IV, СПб., 1880, с. 102-103.

92. Сборник Муханова, изд. 2-ое, № 319.

93. Обрисованную здесь структуру доходов Успенского собора интересно сопоставить со сведениями о доходах Дмитровского собора во Владимире по грамоте Василия III 1515 г. / ААЭ, т. I, СПб., 1836, № 159/ - Дмитровский собор, церковь поставленная Всеволодом Большое Гнездо на "своем" дворе, получала только натуральные приношения на "проскурн" в пяти дворцовых сел /среди них и Гораци, упоминаемые и в грамоте Успенскому собору/.

94. Гос. Публичная библиотека им. М.Е.Салтыкова-Щедрина. Собр. актов и грамот, № 122.

95. Акты московских монастырей и соборов из архивов Успенского собора и Богоявленского монастыря, вып. I М.,

1984 - введение /автор В.Д.Газаров/, с. 15-16.

96. Шмелев Г.Н. Из истории Московского Успенского собора. М., 1908, с. 35, 36, 47, 94-95.

97. См. в жалованной грамоте Нижегородскому Благовещенскому монастырю 1446 г.: "А куды архимандрит пошлет на монастырскую службу старцов своих или бельцов на ватагу... ни спасские, ни архангельские пошлинники с них не емлет пошлин" /АбзиХ, ч. I, № 232/.

98. АИ, т. II, СПб., 1941, № 69.

99. В. и Г. Холмогоровы. Исторические материалы для составления церковной летописи Московской епархии, вып. 9, М., 1896, с. 3.

100. Упоминается, как единственное владение собора в грамоте царя Михаила - Чтения ОИДР, 1869, кн. 2, Смесь, с. 2.

101. В. и Г. Холмогоровы. Указ. соч., с. 95.

102. См. основанные на большом сравнительном материале характеристики Ф.Трубного (Hrubý F.Církevní zřízení...,s.48-51).

103. СДВ, т. I, № 55, с. 54-55.

104. Ibid., s.56-59.

105. Lalik T. Włość kanoników starobolesławskich w pierwszej połowie XI wieku. Ze studiów nad organizacją domeny książęcej.- "Kwartalnik historii kultury materialnej", 1971, N 3.

106. Abraham W. Organizacja..., s.246.

В дальнейшем такая десятина могла заменяться /как это имело место в Чехии/ определенным количеством зерна с падежа соответствующего размера.

107. Цит по: Krofta K. Kurie a církevní správa zemí českých v době předhusitské.- Český časopis historický, 1904, s.375.

108. Kodeks dyplomatyczny Śląska, t.I, Wrocław, 1956, N 55.

109. Zientara P. Henryk Brodaty i jego czasy. Warszawa, 1975, s.126-129, 188-190.

110. Abraham W. Organizacja..., s.245-246.

111. Так, в 1282 г. Конрад Мазовецкий, изменяя характер десятины в Мазовии /десятина урожая зерновых вместо звериных шкур/, установил, что новую десятину должны уплачивать "omnes ... plebei in ducatu meo", а "honesti viri" -

лишь те, кто "alienas hereditate parent"

/Лат. по: Abraham W. Organizacja..., s. 245-246.

Для остальных, очевидно, княжеское распоряжение не распространялось.

112. Kodeks dyplomatyczny Małopolski, t.I. Kraków. 1876, N

113. Abraham W. Organizacja..., s.252.

114. Текст соглашения: Kodeks dyplomatyczny Śląska, t.III. Wrocław. 1964, N 337.

- II5. Adracham W. Organizacja..., s.246.
- II6. Antiquissimae constitutiones synodales provinciae Gneznensis. Ed. R.Hube. Petropoli. 1856, s.3-4.
- II7. Modzeleński K. Jus aratorum na tle praw grupowych ludności chłopskiej.- Społeczeństwo Polski Średniowiecznej. Warszawa. 1981.
- II8. Шапов Я.н. Княжеские уставы..., с.120.
- II9. РИБ, т. VI, изд. 2-ое, № 10, стб. 125.
120. Сводка данных о "десятине" такого рода в Великом княжестве Литовском см.: Хорошкевич А.Л. Исторические судьбы белорусских и украинских земель в XIУ - начале XVI вв. В кн.: Лашуто В.Т. Флоря Б.Б., Хорошкевич А.Л. Древнерусское наследие и исторические судьбы восточно-го славянства. М., 1982, с. 102-103.
121. Тихомиров М.н. Описание Тихомировского собрания рукописей. М., 1968, с. 9.
122. АЗР, т. I, СПб., 1846, № 84.
123. АЗР, т. I, № 96 /149-1492 гг./. Такая характеристика пожалования описка к характеристике десятины в южнорусских редакциях Устава Владимира - "вольнской" и "печерской" - "а из домов на всякое лето от всего прибитка ... и от стад, и от жита" /ДКУ, с. 70, ср. с. 73/.
124. АЗР, т. II, СПб., 1848, № 79.
125. Ревизия пущ и переходов звериных в бывшем Великом княжестве Литовском с присоружением грамот 1 привилегий на входы в пущи и на земли. Вильно, 1867, с. 221-222.
126. Собрание древних грамот и актов городов Вильна, Ковна, Трест, ч. 2, Вильно, 1843, № 149, № 55 /в./ Археогр сб., т. VI, Вильно, 1869, № 16.
127. Археогр. сб., т. V, Вильно, 1871, № 2.
128. См. также запись в евангелии апракос /ИРЛИ, Древлехр. виллице, Р. IV, оп. 25, № 30, л. 7/ о пожаловании церкви Богородицы в Душневе - ей дали "десятину з [два] рное пашни от жита".
129. Архив МЗР, ч. I, т. VI, № XIII.
130. И здесь пожалования отдельных крупных ф. эдалов подражали, как и в Польше XII в., более ранним княжеским пожалованиям. Так, Федор Игнатович Ярославича дал церкви Иоакима и Анны кроме десятины зерном еще и "десятый дань мьта" /Ревизия..., с. 222/, а кн. И.Ю. Гольшанский пожаловал Пятницкому монастырю "з нашего невода, коли водочат, десята рыба" /АВАК, т. XXXIII, Вильно, 1908, № 96/.
131. АЗР, т. I, М., 1922, № 43.
132. АСДЗ, т. III № 94.
133. АСДЗХ в. II, М., 1956, № 202.
134. Шапов Я.н. Княжеские уставы..., с. 255.

- I35. Сергей /Тихомиров/. Черты ..., с. 54 и сл.
 I36. Там же, с. 58 и сл.
 I37. Там же, с. 238-239.
 I38. Шапов Я.Н. Княжеские уставы..., с. 121.
 I39. Сергей /Тихомиров/. Черты ..., с. 240.
 I40. Подробнее о них см. в след. главе.
 I41. Писцовые книги Московского государства, ч. I, отд. I. СПб., 1872, с. 683, 688, 806.
 I42. Novotný V. České dějiny, t. I, č. 3. Praha. 1928, s. 364-366.
 I43. Abracham H. O powstaniu dziesięciny swobodnej.- Biblioteka warszawska. 1891, N 4, s. 172 i n.
 I44. См.: Писцовые книги Московского государства, ч. I, отд. I, с. 393-394 /погостское церкви стоят "без пеня"/, с. 407 /церковь "обвалилась"/, с. 482 /у церкви "пашни лесом поросло в кол и в жердь"/, с. 594 /"стояла церковь"/ и др.
 I45. АВАК, т. XXIII, N 5.
 I46. Археогр. сб., т. XI. Вильно, 1890. № II4.

ОТНОШЕНИЯ ПАТРОНАТА И ИХ ЭВОЛЮЦИЯ У ВОСТОЧНЫХ И ЗАПАДНЫХ СЛАВЯН

§ I. Церковная собственность и отношения патронага в раннефеодальном обществе

Княжеская десятина сравнительно недолго /вероятно, в течение нескольких десятилетий/ была единственной, а затем главной и преобладающей формой материального обеспечения церкви.

Г.Ловмянский в последнее время привел много убедительных доказательств того, что в Польше переломным временем в этом отношении стали 70-е гг. XI в., когда епископства и ряд монастырей были наделены значительными земельными владениями с зависимым населением¹. Возникновение крупного феодального землевладения в Чехии относится, судя по всему, к еще более раннему времени². Правда, предпринятое недавно исследование польского ученого К.Модзелевского показало упрощенность представления о том, что в результате проведенной реформы под власть

польских епископов оказались целые административные округа³. Выяснилось, что речь шла лишь о передаче комплексов владений, которые не охватывали целиком территории округа, а их население не было первоначально освобождено от налогов в пользу князя и его двора, однако эти владения были довольно значительны по своим размерам, в их состав неоднократно входили административные центры округов и для управления ими церковные власти создали собственные административные органы, к которым перешла и вся судебная юрисдикция, которую осуществляли над переданными церкви крестьянами княжеские наместники, и доходы, поступавшие ранее в пользу этих наместников.

Тем самым крупное церковное землевладение оказывалось в значительной мере как бы за рамками той модели, которая определялась действием институтов княжого права, явно нарушало ее однородность и закладывало начало процессу ее разложения. Однако является фактом, что о серьезном разложении раннефеодальной модели государства в Польше и Чехии есть основание говорить лишь с рубежа XII-XIII вв. Таким образом, в течение длительного времени существование крупного церковного землевладения не накладывало серьезного отпечатка на общий процесс развития и существование столь длительной хронологической периферии в объяснении.

Аналогичные проблемы возникают и при обращении к восточно-славянскому материалу. К сожалению, документальные материалы, отражающие процесс возникновения крупного церковного землевладения, сохранились лишь для территории Новгородской земли. Их анализ показал, что уже в I-ой пол. XII в. новгородские монастыри получали крупные земельные пожалования, достигавшие подчас размера целых волостей и сопровождавшиеся передачей монастырским властям судебной-административной юрисдикции над их населением⁴. Вместе с тем осуществленные В.Л. Яниным исследования по истории землевладения новгородских боярских родов не позволяют возводить появление крупных владе-

ний новгородских бояр ко времени более раннему, чем рубеж XIII-XIV вв.⁵

Для решения этого вопроса представляется важным рассмотреть, каковы были нормы отношений между церковным учреждением и тем лицом, которое его основало и наделило владениями. Первоначально в этой роли выступал почти исключительно правитель государства, но позднее /особенно в XII в./ круг этих лиц расширился за счет вельмож, основывавших монастыри и храмы и передававших им часть своих земель. С XIII в. права основателей /и их потомков/ по отношению к основанным ими учреждениям получили наименование "права патроната".

Рационально рассмотреть, как проявлялись эти права по отношению к епископским кафедрам, капитулам и монастырям и, наконец, отдельным храмам. Для взаимоотношений между светской властью и епископскими кафедрами характерно, что назначения на епископские должности зависели прежде всего от князя. Об этом ясно говорит анализ свидетельств чешского хрониста Козьмы пражского о поставлениях епископов конца X - нач. XII вв.⁶ Так, поставленный в 1030 г. пражский епископ Север, смог получить кафедру благодаря тому, что с большим искусством готовил для князя кабанье мясо на охоте, где его сопровождал⁷. Аналогичная практика сохранялась в Чехии, судя по свидетельствам хрониста Ярлоха, и во второй половине XII в.⁸ Отдельные сообщения польских источников говорят о существовании подобной практики и в Польше⁹. Первые выборы епископов духовенством имели место в обеих странах лишь в XIII в.

Для понимания характера отношений между князем и епископом следует считать весьма показательными также Грохнокрайс цитировавшие исследователями слова чешского князя Бедриха, высказанные им, когда недовольный действиями князя пражский епископ Индржих-Бржетислав пожаловался на него императору Фридриху Барбароссе. Князь выразил свое возмущение тем, что епископ, являющийся

"его" капелланом, как и его предшественники, посмел принести жалобу "contra domnum suum" ¹⁰.

Возведение епископа на кафедру осуществлялось с помощью обряда и веституры, когда правитель вручал епископу пасторский жезл и перстень ¹¹. При этом епископ приносил правителю присягу верности ¹². Существование такого обряда ясно показывает, что правитель оставался верховным собственником переданных епископу /и его кафедре/ земель и доходов. Своё конкретное воплощение его верховные права получали в таких институтах, как "jus regalium" "jus spoli" . "Jus regalium" означало право правителя пользоваться доходами кафедры в период от смерти епископа до назначения нового. Jus spoli - право монарха конфисковать в свою пользу имущество оставшееся по смерти епископа. О существовании "jus spoli" в Польше свидетельствует текст так называемого Ленчицкого статута 1180 г., по которому малопольский князь Казимир Справедливый отказывался от присвоения себе имущества умерших епископов ¹³. Хотя принятое решение было затем подтверждено, польские князья и в начале XIII в. продолжали практиковать этот обычай, пытаясь сохранить за собой это право хотя бы в суженной форме /как право на золото, серебро и драгоценные камни в составе имущества епископа/ ¹⁴. О существовании в Чехии "jus regalium" достаточно ясно говорят жалобы Ярлоха, что современники его - чешские князья второй половины XII в. постоянно откладывали выбор нового епископа ¹⁵, очевидно, чтобы пользоваться доходами кафедры, пока она оставалась вакантной. В польских материалах следы существования подобной практики обнаруживаются еще в документах второй половины XIII в. ¹⁶ В 1207 г. Пржемысл I отказался от "jus regalii" и "jus spoli" в жалованной грамоте Оломоуцкому епископству ¹⁷. Как верховный собственник правитель давал свое согласие на действия как-то изменявшие традиционную структуру собственности на землях кафедры. Так, еще в

1274 г. потребовалось согласие Пржемысла II на раздачу в пользу епископом Брюно оломоуцким части владений кафедры¹⁸.

В такой ситуации становилось возможным и вольное обращение верховного собственника с землями епископства. Примером может служить прослеженная чешским исследователем В. Грубым история перемен в положении града Подивина¹⁹. Этот моравский град был в 1063 г. передан пражской кафедре в обмен за ее отказ от церковной юрисдикции над Моравией²⁰, однако затем чешские князья неоднократно отбирали этот град у епископов и в XIII в. он окончательно вошел в состав государственных земель. Очевидно, стараясь избежать чего-либо подобного, польские епископства в первой половине XII в. озаботились получением булл, в которых папа подтверждал их права на находившиеся в их распоряжении земли и доходы. Когда в начале XIII в. в обеих странах начались споры между духовной и светской властью, правители неоднократно изгоняли неудобных епископов, забирая одновременно под свое управление епископскую казну, земли и доходы²¹.

Отдельные черты великокняжеского патроната над церковью более четко выступают при рассмотрении статуса монастырей²² и капитул. Аббаты монастырей, основанных правителем и им наделенных землями, этим правителем и назначались. Это ясно показывает анализ повести о Сазавском монастыре, сохранившейся в одной из редакций "Хроники" Козьмы пражского: уже об его основателе, Прокопе, говорится, что его "*dux magnanimitate cum satrapis ad abbatiæ institutam... promoveri decrevit*", аналогичный характер имеют и записи о назначениях его преемников²³. Это же в полной мере относится и к членам капитулов, многие из которых были в то время светскими лицами²⁴.

Монастыри уже в XII в., несомненно, выступали, выражаясь современным языком, как "юридические лица", принимая дарения и совершая различные имущественные сделки, но верховный собственник сохранял за собой контроль за их деятельностью. Отдельные документы говорят и об утверждении

князем сделок между монастырями и об аннулировании им сделок, заключенных без его согласия²⁵. Патрон мог в случае необходимости использовать имущество монастыря для своих нужд. Так, например, поступил кн. Собеслав II с частью имущества монастыря св. Марии в Кладрубе²⁶.

В случае каких-либо споров патрон был тем лицом, которое должно было защищать интересы монастыря. В так называемой "книге Генриковой" – сборнике записей о формировании владений одного из силезских монастырей приводятся слова патрона монастыря – силезского князя Генриха Бородатого – "*ego sum verus fundator eiusdem claustrum, unde teneor contra quemlibet hominem et in omni loco de qualibet causa pro claustrum respondere*"²⁷. Ценным источником, позволяющим судить о полноте и всесторонности прав патронов может служить составленное в 1132 г. завещание каноника Збигнева. В своем владении Унетичах он основал коллегиятный капитул, наделив его землями и доходами. Своим завещательным распоряжением Збигнев передавал храм с его имуществом и состоящими при нем канониками чешскому князю. Говоря о состоявших при храме канониках Збигнев характеризовал обращаясь к князю, его положение по отношению к ним следующими словами: "Вы сами будете их препозитом /т.е. главой капитула – Б.Ф./, вы – защитником и вы – распорядитель, вы – смотритель и вы – распределитель". Далее, обращаясь ко князю, он рекомендовал: "И из этих каноников выберите старшего, которого называют деканом". И пусть, – заканчивалось обращение Збигнева, – каноники в Унетичах "будут именоваться на мои, а ваши"²⁸. Интересную параллель кэтим и самим по себе достаточно показательным свидетельствам составляет рассказ о вельможе Грознате, основавшем в начале XIII в. монастырь в Тепле. Построив обитель и найдя для нее аббата и монахов, Грозната сам поселился в ней и не будучи духовным лицом, как "*heres dominus et patronus*" руководил всей жизнью в монастыре. Когда по каким-то вопросам они разошлись с аббатом, вмешались друзья и родствен-

нки Грознати и "укротили своевольность аббата"²⁹.

При столь широких правах папоза оказывалась возможной такая ситуация, когда даже значительное духовное учреждение решением патрона могло быть передано под власть другого. Так, в папской булле Гнезненскому архиепископству 1136 г. среди его владений фигурирует "abbatia S. Mariae in castello Lancicie cum pertinentis suis". При "основании" аббатству была дана группа "служилых" разных специальностей, 100 работ с их деревнями, озера и виноградники³⁰. Все эти владения были даны аббатству, конечно, князем /именно в княжеском хозяйстве рабы делились на "сотни"/, который, когда ситуация изменилась, считал возможным передать аббатство со всем его имуществом гнезненской кафедре³¹.

Недовольный поведением монахов патрон мог отобрать назад свои дарения³², мог и выгнать монахов из построенной им обители. Так в сер. XI в. чешский князь Спитигнев изгнал из чехии аббатиссу монастыря св. Георгия на Пражском граде³³. Дважды /в 1055 и 1097 гг./ изгонялись монахи из Сазавского монастыря³⁴. В середине - второй половине XII в. патроны неоднократно выгоняли монахов, чтобы поселить в "своих" обителях представителей новых орденов - премонстрантов и цистерцианцев. Так поступали не только светские, но и духовные лица³⁵.

Наиболее полно черты характерные для права патроната прослеживаются во взаимоотношениях патროнов с основанными ими церквями. Не только в описываемое время, но и позднее назначение священника в основанную им церковь принадлежало к главным правам патрона. Он же мог и устранить из церкви неудобное ему лицо³⁶. В обеих странах применялось "jus spoli" по отношению к имуществу умерших священников³⁷. К XII в., как указывалось выше, повсеместно утвердился обычай выделять десятину для определенного храма. Однако, распоряжение десятиной находилось в руках собственника, выделявшего священнику лишь ту ее часть, какую он считал нужным. В источниках

его и в конце XIII в. упоминаются священники, готовые отправлять свои обязанности за любую плату³⁸. Но особенно существенно, что в источниках XII – раннего XIII в. церкви вместе с десятинами выступают как объекты сделок разного рода³⁹. Так, храмы с приписанными к ним деревнями и десятинами неоднократно фигурируют в составе пожалований и правителей, и светских феодалов монастырям. Особый интерес привлекают при этом формулы о передаче "villam ... cum ecclesia et decimis, ... cum ecclesia ibi et omnibus proventibus", которые наиболее ясно показывают, что церковь выступает здесь как одна из составных частей принадлежащего патрону земельного владения. При таком общем характере отношений не могут удивлять свидетельства о том, что патрон, не возмущаясь присвоением церковных доходов, налагает руку на заупокойные вклады в храм⁴⁰.

Для полноты картины следует сказать о попечении правителей над церковными делами вообще, что хронисты раннего средневековья не только не порицали, но ставили им в заслугу. Так, польский хронист Галл Аноним восхвалял Болеслава Храброго, своего рода польский идеал монаха, за его "усердие" "в заботах о богослужении, в построении церкви, учреждении епископств и пожаловании бенедиктинцев"⁴¹, а чешский хронист Козыма пражский ставил в заслугу князю Спятигневу, что он "натошак приводил в порядок церковные дела, а после обеда вершил светский суд"⁴². Желая улучшить положение дел в церкви, сама папская курия обращалась при этом за содействием к светской власти. В 1146 г. папа Евгений III, обращаясь к чешскому князю Владиславу, одобрял его борьбу с неводержанностью клириков "non solum de sacella tua, verum de tota terra tua"⁴³.

В рамках такой системы отношений между церковными учреждениями и светской властью становятся понятными и некоторые специфические черты положения населения церковных владений и его взаимоотношений со своими сеньорами, которые выявились при изучении польских источников XIII в. В них основное население владений епископств и монастырей,

основанных правителями обозначается термином " ascriptionis ". Исследование статуса этого слоя людей позволило прийти к выводу, что подобно тому, как раннефеодалная монархия налагала те или иные "службы" на разные группы населения, на "аскриптициев" была наложена "служба" в пользу церкви, для чего они и были "приписаны" к соответствующему церковному учреждению. Они и члены их семей не могли покидать церковные земли и переселяться на земли князя или какого-либо феодала, как это имело место и с другими группами "служилого" населения⁴⁴.

Такой акт передачи не превращал, однако, "аскриптициев" полностью в подданных нового сеньора. Определяя для них особую "службу", князь устанавливал для них, как и для других групп "служилых", характер и размеры повинностей, которые не могли быть изменены без санкции государственной власти. Так, например, в грамоте Генриха Сандомирского /1156-1166 гг./ иоаннитам в Загостье формула о передаче монастырю перечисленных в ней людей "со всеми их потомками" сопровождалась уточнением - "так однако, чтобы упомянутые выше служилые люди выполняли свои обязанности" - те, которые указаны в документе⁴⁵. В грамоте князя Генриха Бородатого 1204 г. жезьскому монастырю в Тшебнице⁴⁶ прямо перечисляются повинности в пользу землевладельца и князя с различных групп "служилого" населения и сидевших на монастырской земле "госпитов". Князь устанавливал размер полевой барщины, продуктовой ренты /в зависимости от размеров хозяйства/, количество изделий, которые должны приносить в монастырь "служилые". Для многих из них князь сменил их обязанности, предписав выполнять другие виды работ, чего очевидно сами монастырские власти делать не могли⁴⁷. В случае нарушения установленных норм держатели могли обращаться к государственной администрации, которая становилась тем самым верховным арбитром во взаимоотношениях церковных господ и их подданных. Хорошо известны имевшие место в Венгерском королевстве споры держателей Паннохальмского мона-

стыря со своим аббатом в связи с его попытками изменить их статус и размеры повинностей. Эти споры дважды, в 1226 и 1230 гг. рассматривались высшим государственным сановником — палатином⁴⁸, который, отклонив ряд претензий, воспрепятствовал в ряде случаев попыткам аббата изменить их традиционный статус⁴⁹. Может быть указан и аналогичный польский документ более позднего времени. В 1325 г. "кметы" монастыря в Лонде обратились к королю Владиславу Локетку с жалобой, что аббат принуждает их "ad servicia indebita". Для решения спора королем была затребована *privilegia foundationis* монастыря — документ, аналогичный разбиравшейся выше грамоте Генриха Бородатого. Отклонив претензии крестьян, как неосновательные, поскольку их жалобы не подтверждались текстом документа, король вместе с тем предписал аббату и его преемникам *ut predictos kmethones in eisdem servitiis ac tributis prenotatis conservare perpetuo debeant*"⁵⁰.

Все сказанное позволяет сделать вывод, что пожалованные церкви земельные владения были лишь на пути превращения в феодальную сеньорию. Одним из важных препятствий на этом пути было существование отношений, связанных с "правом патроната". В условиях раннефеодального периода, когда церковные учреждения основывались как правило правителем, институт "патроната" связывал многочисленными нитями и весь формирующийся слой духовенства и находящуюся в его распоряжении земельную собственность с порядками раннефеодального государства. Во время вспыхнувших внутренних конфликтов связанное с монархом духовенство выступало как одна из опор его власти⁵¹, а в XII в. правители видели в развитии находящейся под их патронатом церковной собственности известный противовес нарождающемуся землевладению светских феодалов⁵².

К началу XIII в. положение осложнилось с появлением и групп и учреждений духовенства, находящихся в зависимости не от государства, а от частных патронов, а в I-ой по-

ловине XIII в. наметились и качественные изменения, связанные с активной борьбой церкви за свои "вольности".

Обрисованную здесь картину следует теперь сопоставить с тем, что дает нам древнерусский материал.

Сведения о взаимоотношениях церковных учреждений с государственной властью в до-монгольской Руси, содержащиеся, главным образом, в летописях не систематичны, отрывочны и не дают такой всесторонней картины отношений, как польские и чешские источники XI - первой пол. XIII в. В такой ситуации можно лишь попытаться выяснить, в какой мере имеющиеся сведения вписываются в ту характеристику взаимоотношений церковного учреждения и его "основателя", которая была обрисована выше.

Одна общая черта в положении церкви у восточных и западных славян может быть установлена сразу же. Распоряжение церковными бенефициями находилось и здесь всецело в руках светской власти, а процедура "посвящения" соответствующих кандидатов митрополитом или епископом носила по преимуществу формальный характер. Это подчеркивается самой терминологией летописных записей, где неоднократно указывается, что князь то или иное духовное лицо "послал... на епископство" или даже "поставил" епископом, что формально он не имел права делать. Подобная терминология характерна для летописных известий не только XII, но и XIII в.⁵³ Рассмотрение записей Лаврентьевской летописи, где приводятся систематические записи о см. не на епископских столах в Северо-Восточной Руси в XII-XIII вв., показывает, что кандидатом на епископскую кафедру становился обычно духовник князя или игумен близкого ему монастыря.⁵⁴ О том же говорят и отдельные записи в Ипатьевской летописи⁵⁵. При этом младшие князья представляли своего кандидата на утверждение главы княжеской семьи⁵⁶. В целом ряде записей настойчиво повторяется формула о посылке кандидата на посвящение в Киев, к митрополиту и правящему в Киеве князю⁵⁷. В этом, по-видимому, отражалось представление о каком-то участии киевско-

тс князя в этом акте, в более ярко и открытом виде такое представление нашло свое отражение в некоторых свидетельствах Ювгородской летописи⁵⁸. Для второй пол. XII в. известны попытки митрополита предлагать своих кандидатов на вакантные кафедры, но, если они расходились с волей князя — правителя соответствующего княжества, они оканчивались неудачей. Так, попытка митрополита Никифора в 1183 г. провести своего ставленника на вакантную ростовскую кафедру закончилась тем, что "неволею великою Всеволода и Святославлею" он был вынужден посвятить кандидата, предложенного владимирским князем⁵⁹.

В назначениях на более низкие церковные должности также очевидна решающая роль княжеской власти. Так, о постриженник Феодосия печерского, Вар. наме в "житии" Феодосия говорится, что он "изведен бысть княжим повелением в монастырь святого мученика Дмитрия и ту игуменом поставлен"⁶⁰. После его смерти князь Изяслав Ярославич, "избрав" среди печерских монахов Исайю, его "игумена постави в монастыри своем у святого мученика Дмитрия"⁶¹. О митрополите в обоих случаях в этом тексте, написанном в Печерском монастыре, даже не упоминается. В тех же случаях, когда это имеет место, отмечается зависимость его действий от княжеского распоряжения. Так, когда в 1108 г. после избрания печерского игумена Феоктиста на черниговскую кафедру, братия предложила ему в преемники Прохора, то кандидата печерян "повеле князь митрополиту поставити"⁶².

Аналогичным образом, следовательно, обстояло дело и со священниками отдельных церквей. В 1228 г. никейский патриарх Герман I осуждал существовавший на Руси обычай ставить священниками "к епископом сих приводяще", собственных холопов, не освободив их предварительно от рабства⁶³. В конце XIII в. такая практика снова осуждалась правилами "владимирского" собора⁶⁴. Следовательно, епископская власть в отношениях с патронами церковей длительное время была вынуждена мириться с явными нарушениями

норм канонического права при поставлении в них священников. Можно не сомневаться, что не менее широкими правами, чем эти патроны, обладал Ярослав Мудрый по отношению к тем церквям, которые он "ставляше по градом и по местом, поставляя попы и дая им от имения своего урок, веля им учити люди"⁶⁵.

Поскольку занятие церковного бенефиция практически зависело от князя, то соответственно князь мог и лишить такого бенефиция неудобное лицо. Так, после того, как ростовский епископ Леон "поча учити" Андрея Боголюбского "не ести мяс в господския праздники", он был выгнан из своей епархии⁶⁶ и позднее смог вернуться лишь после долгого разбирательства в Киеве и Византии и личного вмешательства патриарха Луки ХризOVERга⁶⁷. По аналогичной причине черниговский князь Святослав "изверже... из епископыи" черниговского епископа Антония, хотя, как видно из летописного рассказа, в этом вопросе глава русской церкви - киевский митрополит поддерживал епископа⁶⁸. В 1214 г. "володимерц. с князем своим Крьем изгнаша Иоанна из епископства, зане неправо творяше"⁶⁹. В данном случае дело было связано не с богословскими разногласиями, а с борьбой за власть между сыновьями Всеволода Большое Гнездо. Лояльность епископа вызвала сомнения у князя Юрия и он заменил его преданным себе лицом⁷⁰. Если такие инциденты происходили с епископами, то сместить ниже стоящих священнослужителей было, вероятно, еще легче. Так известно, что критиковавший киевского князя Святополка игумен Киево-Печерского монастыря Иоанн поплатился за это ссылкой в Туров и заточением⁷¹.

Большой материал об основании князьями во второй половине XI - нач. XII вв. монастырей и опеке над ними потомков основателей собран и проанализирован Я. Н. Шаповым⁷². К сожалению, летописные свидетельства не дают, как правило, ответа на вопрос о том, каков был правовой статус переданного этим монастырям /или отдельным храмам/ княжеского имущества. Все же стоит отметить в этой

связи ряд свидетельств, когда указывается, что монастырь или храм является "своим" для того или иного князя или княгини. Выше уже приводился текст из "жития" Феодосия о том, как Изяслав Ярославич сделал Исаяк игуменом в "своем" Дмитровском монастыре в Киеве. Андрей Боголюбский, унося из Вышгорода икону Богородицы, "постави ѿ церкви своєї Володимери". Основанный женой Всеволода Большое Гнездо женский монастырь во Владимире так и получил название Княгинин и в летописи отмечается, что княгиня построила церковь "в своем монастыри"⁷³.

Имеются, хотя и немногочисленные, свидетельства, которые позволяют представить себе этот статус более определенно. Наибольший интерес представляет в этом плане рассказ Ипатьевской летописи под 1147 г. В это время противниками был занят принадлежавший князю Святославу Ольговичу Путивль. После сдачи города они не тронули местного населения и ограничились разграблением находившегося в городе "двора Святослава". В перечне захваченного ими имущества указывается, что они и "церковь святого Вознесения всю облупиша". Перечислив далее все захваченные предметы /серебряные сосуды, напрестольное евангелие, кадилницы и др./, летописец закончил его словами "и не оставиша ничто же княжа"⁷⁴. Очевидно, что имущество находившейся на княжеском дворе церкви рассматривалось и противниками Святослава Ольговича и его сторонником, автором данной летописной записи, как часть княжеского имущества. С этим наблюдением интересно сопоставить наблюдение, сделанное Я. Н. Шаповым при изучении истории Федоровского монастыря в Киеве, основанного Мстиславом, старшим сыном Владимира Мономаха. В 1259 г. прямой потомок основателя, Даниил Галицкий, заложив в 1259 г. епископскую кафедру в Холме, передал ей иконы и колокола "из монастыря Федора"⁷⁵. Следовательно, потомок основателя сохранял за собой право распоряжаться монастырским имуществом.

Серьезного внимания заслуживают в этом плане и наблюдения Я. Н. Шапова над судьбой упоминавшегося выше Дмит-

ровского монастыря в Киеве. Представляется убедительным заключение исследователя, что Дмитровский монастырь был передан Киево-Печерскому монастырю внучкой основателя монастыря, Анастасией Ярополковной⁷⁶. Этот акт является еще одним доказательством широты прав патрона /и его потомков/ на основанное им церковное учреждение. Правда, в летописной записи под 1128 г. этот поступок осуждается: "преяша церковь Дмитрия печеряне ... с грехом великим и неправо"⁷⁷, но следует согласиться с Я. Н. Шаповым, что причиной недовольства было нарушение прав другой ветви потомков Изяслава Ярославича - "дома Святополка".

В свете этих наблюдений приобретают значение и факты, свидетельствовавшие о известной непрочности нрав церкви на полученное ей имущество. Судьба чешского Подивена находит определенную аналогию в судьбе киевского "града" Полоного. Под 1172 г. в летописях встречается его упоминание как "святой Богородицы города десятинного"⁷⁸, т.е. принадлежащего Десятинной церкви в Киеве, а уже в 90-х гг. он был объектом сделок между князьями⁷⁹. Еще более показательным в этом плане представляется поведение племянников Андрея Боголюбского - Ростиславичей по отношению к "его" церкви - Успенскому собору во Владимире. Заняв после смерти Андрея в 1175 г. княжеский стол в Ростово-Суздальской земле, они "святое Бсородице Володимирское золото и серебро възяста, первич день ключи полати церковных отъяста и город /вар.: городы/ ея и дани, что бяше дал церкви той князь Андрей"⁸⁰. Перечень ясно показывает, что они наложили руку на все имущество переданное их дяде - патроном храму.

Патр находившихся в таком положении церковных учреждений был в большей мере подчинен своему патрону, чем церковному иерарху - главе диоцеза. Так, известно, что когда в 1136 г. в Ювгороде женился Святослав Ольгович, он "венцяся своими поць и святого Николы", что летописец объясняет отрицательным отношением к браку епископа Нифанта, завидящего: "не достойть ея пояти"⁸¹. В этой конфликт

ной ситуации для клира находившегося на княжеском дворе Никольского собора более авторитетными оказались распоряжения князя, а не епископа.

При всей неполноте и отрывочности этих сведений все они хорошо вписываются в ту картину отношений "основателя" и основанного им церковного учреждения, которая была реконструирована учеными при анализе польского и чешского материала.

Полученные здесь предварительные выводы следует теперь проверить на материале восточнославянских источников более позднего времени. Поскольку "право патроната" представляет собой институт сложившийся уже в период раннего феодализма, а в дальнейшем, в Центральной Европе сошедший с исторической сцены к началу XIV в., то обнаружение подобных отношений в более позднем восточнославянском материале может служить аргументом в пользу того, что подобные отношения существовали у восточных славян и в более раннее время.

§ 2. Вопрос об "отношениях патроната" у восточных славян в XIV-XVI вв.

Исследование этой темы рационально начать со свидетельств источников о так называемом институте "подавания" на землях Великого Княжества Литовского в XV-XVI вв. Этот институт привлекал к себе постоянное внимание исследователей истории православной церкви в этом государстве, его наиболее обстоятельное исследование было предпринято историком права М.Ф.Владимирским-Будановым в работе: "Церковные имущества в Юго-Западной России XVI века"⁸². В соответствии с целями работы в дальнейшем анализе наибольшее внимание будет обращено на характер взаимоотношений великокняжеской власти с церковными учреждениями находившимися под ее покровительством. При этом следует учитывать наблюдения исследователя о частом несовпадении тех или иных норм права с практикой жизни второй половины XVI в. При принятии в данной работе ва-

курсе рассмотрения темы существенны будут именно эти нормы, как отражающие реальность, очевидно, более раннюю, чем противоречащая им практика XVI в.

Рассмотрение целесообразно начать с характеристики взаимоотношений великого князя с епископскими кафедрами. Сам термин "подаванье" /и связанный с ним термин "подавца", обозначающий человека, пользовавшегося таким правом/ означал право назначать /"подавать"/ на соответствующую церковную должность своего кандидата. Что в XVI в. распоряжение церковными кафедрами всецело находилось в руках господаря /а участие митрополита в акте поставления было лишь необходимой формальностью/ - факт общепризнанный и общеизвестный. Имевшие место на этой почве в сер. - вт. пол. XVI в. злоупотребления, как дача "экс-пектатив" /письменных обещаний дать соответствующую кафедру тому или иному лицу после смерти еще живущего иерарха/ или назначение светского лица, которое еще до посвящения в сан могло вступить в управление имуществом кафедры, является лишь свидетельством полноты прав правителя при решении этого вопроса⁸³.

Право "подаванья" основывалось на том, что господарь считался верховным собственником переданного кафедре имущества. Такое представление нашло свое достаточно четкое отражение в источниках. Так, в 70-х гг. XVI в. король запретил взнскивать долги владимирского владыки с имений кафедры, так как "все имения церковья суть властность наша господарская"⁸⁴. М.Ф.Владимирский-Буданов проследил в источниках те ограничения имущественной деятельности епископов, которые вытекали из этого права верховной собственности. Так, епископ не мог производить "мену" церковных имений "без расказаня господарского"⁸⁵. Владыки имели право раздавать земли боясам во временное держание, но, когда владимирский епископ Феодосий дал своему боярину "на вечность сельцо церковное владычества володимерского", то это пожалование потребовало санкции господаря, специально отметившего в своей

грамоте, что епископ "не мал и не мает мощи кроме воли и ведомости наше никому имений костельных подавания нашего на вечность раздавати"⁸⁶. Как показал исследователь, на практике такие ограничения часто обходились /так, епископы вместе с клиросом неоднократно закладывали имения кафедры для уплаты долгов/, но само их существование ясно говорит о своеобразии правового статуса владений епископий, так как подобные ограничения в древнерусской практике использовались обычно по отношению к землям, находившимся в условной собственности.

В источниках XVI в. обнаруживаются также очевидные следы существования по отношению к епископским кафедрам и епископам таких институтов, как "jus regalium" и "jus spoliis". Ряд указаний источников определенно говорит за то, что после смерти епископа управление имуществом кафедры переходило в руки государственной администрации. Так, грамота 1566 г. Сигизмунда II о пожаловании владке Зиновию Холмской епархии включила в себя предписание холмскому старосте ввести его во владение имуществом кафедры⁸⁷. Логично сделать вывод, что это имущество и находилось под управлением старосты, пока кафедра была вакантной. Такое положение можно подкрепить и свидетельством грамоты Сигизмунда I 1532 г., устанавливавшей состав комиссии, которая должна была переписать и опечатать имущество кафедры после смерти перемышльского епископа. Комиссия должна была состоять из 4 "мужей" /двое из них православные - "ritus ruthenici" / во главе старостой⁸⁸. А здесь главную роль играл представитель государственной власти /к этому стоит добавить, что в состав комиссии, занимавшейся описью церковного имущества, были включены только светские лица/. 1575 г. датирована грамота короля Стефана Батория, составленная в ответ на просьбу владимирского епископа Феодосия принять меры для сохранения имущества кафедры после его смерти. Идя навстречу этим пожеланиям король разрешил, чтобы сразу после его смерти протопоп и клирос соборного храма могли сразу

взять на сохранение движимое имущество и архив кафедр⁸⁹. Это распоряжение не касалось, однако земельных владений кафедр, так как в той же грамоте предписывалось, "абы гумны, стада и оборы именованной церковных владычества вцелю были оставлены и зхочены на нас, государя"⁹⁰. При всей значимости сделанной уступки это был единичный акт милости относившийся к данному случаю. Лишь в 1580 г. король Сигизмунд III в общем порядке дал клиросам кафедральных храмов право управлять имуществом кафедры в период "седисваканции"⁹¹. В цитированной выше грамоте Батюрия 1576 г. содержится и разрешение детям и "приятелям" умершего епископа выехать из епископских владений "во всеми маетностями и статки их". Господарским урядникам предписывалось отпустить их "без всякого гамованья и затрудненья"⁹². Все эти распоряжения становятся понятными, если предположить, что ранее по отношению к имуществу умершего епископа применялось "jus spoli", что сопровождалось проверкой имущества тех лиц, у которых благодаря тесным контактам с покойным иерархом какая-то часть этого имущества могла оказаться⁹³.

Существенно расширить представления о институте "подавания" позволяет анализ материала, характеризующего отношения господаря с находившимися под его властью монастырями. И в этом отношении может быть прежде всего отмечена полнота распоряжения со стороны великого князя церковными бенефициями, дошедшая также во второй половине XVI в. до явных злоупотреблений, когда настоятельство в монастыре могло быть дано представителю белого духовенства (что было явным нарушением норм канонического права), и даже просто светскому лицу с правом нанять вместо себя vikaria для отправления богослужения⁹⁴. И в данном случае злоупотребления только показывают полноту власти господаря над этой группой объектов его патрона^{та}. Аналогичными правами пользовались патроны монастырей, основанных им на собственных землях, или те, которые получили право патроната от великого князя.

Если епископские кафедры не могли передаваться в обладание частным лицам, то с монастырями это происходило многократно и анализ таких актов их передачи в частные руки позволяет сделать некоторые наблюдения, касающиеся как общего статуса монастыря и его владений, так и объема прав патронов по отношению к ним. Как констатировал М.Ф. Владимирский-Буданов, пожалования господ и частным лицам были разного типа. Иногда монастырь передавался под патронат лишь пожизненно с тем, что право назначить настоятеля великий князь оставлял за собой⁹⁵. Наибольший интерес представляют те случаи, когда монастырь передавался правителем кому-либо из своих приближенных, как часть более крупного территориального комплекса. Примером может служить пожалование князем Чарторыйским комплекса владений в Луцком повете⁹⁶. Сущность этих владений, в число которых входил и "монастырь святого Николая на Клевани", заканчивался формулой о передаче их новому владельцу "вечно и непо-рушно, волен и отдати, и продати, и заменити". Трудно толковать этот текст иначе, как передачу господарем своему вассалу права своей верховной собственности на монастырь. И такое понимание подтверждается присутствием монастыря в последующих завещаниях и соглашениях о разделе имущества. Во второй половине XV в. княгиня Магдалена Чарторыйская завещала сыну Михаилу "справу и владанье половицу монастыря", доставшуюся ей в результате одного из таких соглашений⁹⁷. В свете таких факторов становится понятным обещание, данное в 1533 г. А.И.Ходкевичем, находившемуся под его патронатом Супрасльскому монастырю: "А где дасть бог детям нашим, именьями ся делить, ино дети и потомки наши тым монастыром и надельем нашим делитися, ани в дел становити ... не мають"⁹⁸. Разумеется, для потомства изъясление его воли имело лишь моральное значение.

М.Ф.Владимирский-Буданов, располагая этими и рядом подобных фактов, все же полагал, что и патрон, а монастырь являлся "субъектом права на свои имущества", счита-

ясь на примеры имущественных сделок, заключавшихся игуменами подобных монастырей без санкции патрона⁹⁹. Эти факты, однако, никак не исключают существования верховной собственности патрона на монастырское имущество. Помимо обычного в таких случаях расхождения между нормами права и практикой, существенно, что патрон обладал достаточной силой и влиянием, чтобы пресечь действия монастырских властей, которые наносили бы ущерб его интересам. Распоряжения же патронов, ограничивавшие свободу монастырской братии распоряжаться имуществом монастыря, хорошо известны. Так, в уже упоминавшейся записи А.И. Ходкевича 1533 г. монастырской братии предписывалось: "наданья нашего продавати и меняти никому не мають"¹⁰⁰.

Особый интерес представляют такие акты пожалований господаря, в которых перечислялись права и обязанности нового патрона по отношению к переданному под его опеку церковному учреждению. Примером такого рода может служить грамота Сигизмунда II 1548 г. Марку Балабану в связи с передачей ему Уневского монастыря¹⁰¹. Вводя нового патрона "in tutorem, defensorem et procuratorem" монастыря правитель дал ему все возможности распоряжения имуществом монастыря, в том числе селами, землями, мельницами, всеми уплатами и продуктами; на патрона же накладывались обязательства снабжать монастырскую братию продовольствием и всем необходимым, заботиться о ремонте монастырских построек и улучшении монастырского хозяйства, защищать монахов от несправедливости.

Из обязанностей по "опеке", возлагавшихся на патрона, вытекала еще одна важная черта его взаимоотношений с монастырем — в случае возникновения судебных споров патрон должен был представлять интересы этого учреждения в суде¹⁰². В этом отношении особых трудностей, естественно, не возникало, так как в данной плоскости интересы патрона и монастыря совпадали. Что касается других обязанностей, то их выполнение в очень значительной мере зависело от моральных качеств и доброй воли патрона. Что

касается других обязанностей, то их выполнение в очень значительной мере зависело от моральных качеств и доброй воли патрона. Что касается права распоряжения монастырскими доходами, то патроны, несомненно им пользовались, но в разных формах в различной ситуации¹⁰³. Если подобное право передавалось господарем частным лицам, то очевидно, что сам он также, несомненно, пользовался подобным правом по отношению к монастырям, находившимся под его патронатом.

Учитывая широту прав великого князя по отношению к монастырям, не вызовут удивления прямые указания источников на применение по отношению к ним и "jus regalium" и "jus spolia". Важные сведения на этот счет содержатся в грамоте Сигизмунда I 1552 г. Киево-Печерскому монастырю. Старцы жаловались королю, что после смерти архимандрита не только монастырь поступает под государственное управление, а имущество /"статки"/ покойного архимандрита отходят государству, но при этом из монастыря забираются "книги, зброи и ивше речи церковные"¹⁰⁴. Комментируя этот документ М.Ф.Владимирский-Буданов правильно заключил, что имеются ввиду не какие-то злоупотребления, а традиционные нормы отношений в этой области¹⁰⁵. И действительно есть и другие свидетельства о подобной практике еще и во второй половине XVI в. Сохранился документ 1570 г., содержащий инструкции королевской комиссии, посланной в жидичинский монастырь на Волыни¹⁰⁶. Задачей комиссаров было взять под свое управление /"в свое спещу"/ все имущество монастыря, а также "скарбов и маюности" умершего архимандрита, "по нем засталаю и на короля его милость припалаю". Для постепенно создававшейся новой ситуации во взаимоотношениях между государством и церковью было характерно, что комиссары "жадных речей и маюности архимандриты не знашли", так как архимандрит в конце жизни составил завещание, в соответствии с которым все его движимое имущество было роздано разным лицам. В завещании, отстаивая свое право им распорядиться, архи-

мандрит подчеркивал, что напротив он "именя господарские, которым на архимандриты держал, и дворы, то все в целости составил". Таким образом, не только великокняжеская власть /г цитировавшемся в же судебном решении господаря/, но и высокопоставленный представитель другой стороны, церкви еще и во 2-ой пол. ХУІ в. признавал, что находящиеся во владении церкви земли являются собственностью "господаря".

Объем прав патронов был еще шире, чем это можно было бы заключить по цитировавшимся выше формулам жалований. Так, "опека" над монастырем давала ему право не только распоряжаться церковными доходами, но и регулировать внутреннюю жизнь монастырской общины в соответствии со своими пожеланиями¹⁰⁷. Известны тексты ряда уставов /и упоминаний о них/ определявших порядок жизни братии исходящих, как от господаря¹⁰⁸, так и от отдельных магнатов¹⁰⁹. В случае нарушения игуменом установленного устава А.И.Ходкевич, "ктитор" Супрасльского монастыря, подчеркивал свое право "аковаг игумена выстановити вон"¹¹⁰. В одной из аналогичных великокняжеских грамот встречаем и угрозу в случае нарушения устава выгнать из монастыря не только архимандрита, но и монахов¹¹¹.

При образовании монастырей под княжеским патронатом возникала проблема их взаимоотношений с главой церковной организации того диоцеза, в котором монастырь был расположен. Наиболее ранние сведения о том, как решался этот вопрос в Великом княжестве Литовском, содержатся в грамоте Витовта монастырю Рождества в Троках. Освобождая игумена монастыря от всяких "лодачок", митрополиту, великий князь далее постановлял, что в монастырь "не маю" се ступовати ни митрополит, ни владыка¹¹². Более полное и всестороннее представление о нормах отношении, складывавшихся в этой области, дают жалованные грамоты великих и удельных князей второй половины ХУ в. Так, к. жалованной грамоты князя Юрия Лингвеневиича Онуфриевскому монастырю /1443 г./ следует, что вся церковная юрисдикция над

братией и наделением монастырских владений /"что в свитку Ерославль" стоит"/ должна была принадлежать архимандриту, а сам архимандрит был подсуден князю, который лишь в случае "духовного дела" соглашался "со владыкой того архимандрита, досмотреть"¹¹³. Аналогичные или близкие формулы обнаруживаются и в ряде других жалованных грамот второй половины XV — начала XVI в.¹¹⁴ Возрождение княжеской власти и в эту сферу закрепляло еще больше всеобщую зависимость братии монастыря от ее патрона. Разумеется, грамоты с соответствующими формулами появились тогда, когда духовная иерархия стала предпринимать попытки утвердить свою власть над клириками на территории своего диоцеза. В более раннее время все, вероятно, регулировали нормы обычая.

Одной из целей своей работы М.Ф.Владимирский-Буданов считал установление того, что ограничивало права патрона по отношению к опекаемому учреждению. Эти ограничения исследователь видел прежде всего в том, что патрон не мог ликвидировать находящееся под его опекой церковное учреждение и просто присвоить себе его имущество¹¹⁵. Действительно, такие случаи неизвестны, однако на практике, как справедливо отметил М.С.Грушевский, такое препятствие можно было сравнительно легко обойти. Препятствуя поставлению игумена и приему новых монахов, можно было со временем довести дело до того, что монастырь перестал функционировать фактически. Ученый привел и ряд конкретных примеров такого рода из великокняжеской ревизии Волынской земли сер. XVI в.¹¹⁶

Переходя к характеристике последней группы церковных учреждений — отдельных церквей и их статуса следует отметить, что, по заключению М.Ф.Владимирского-Буданова, их зависимость от патрона была особенно значительной¹¹⁷. Распоряжение местом священника при такой церкви находилось всецело в руках патрона. Как видно из правил Вильевского собора 1509 г., достаточно распространенной практикой было, когда священник вступал в связь с патроном,

не имел благословенной грамоты от епископа, и устранился со своей должности без всякого участия этого иерарха¹¹⁸.

Как отметил М.Ф.Владимирский-Буданов, в формулах жалованных грамот "право подавања" на сельскую церковь упоминалось "наряду с прочими предметами владения", а во время судебных споров право собственности того или иного лица на соответствующее владение выступало, как доказательство его права патроната над находящимся в этом владении храмом. Не менее важны и наблюдения исследователя, что храм вместе с приписанным к нему имуществом фигурирует обычно, как составная часть имущественной описи владения /"инвентаря"/. Естественно, что из такого представления о церкви, как своего рода составной части мнения, логически вытекало и право владельца имения распоряжаться церковными доходами. Это право зафиксировано и документально. Так, в грамоте Сигизмунда III Ф.Скумину на церковь св. Николая в Порудомине утверждалось его право "со всех ктунтов и ярмарков всякие пожитки до нее належачие брати и з них водлуг пристойности и бачења священников там ховати"¹¹⁹.

Естественно, что и в сфере отношений священников и патронов могут быть обнаружены следы практики, заставляющей вспомнить о "jus regalium" и "jus spoli". Так, в правилах Виленского собора 1509 г. отмечалось, как достаточно частая практика, что патроны после смерти священника в течение длительного времени оставляли его место вакантным¹²⁰, очевидно, чтобы присваивать себе полностью все церковные доходы. В грамоте же Сигизмунда II 1553 г. говорится о перемышльских священниках, утративших привилегий, полученных от короля Казимира /т.е. до 1492 г./, теперь после смерти их имущество, названное по-древне русски "одумерщина", отбирается в пользу государства¹²¹.

Ярким свидетельством вмешательства господара, как верховного патрона во внутреннюю жизнь храмового клира может служить грамота Сигизмунда I, регулировавшая отношения ви-

ленских мещан с храмами на территории города. Правитель в этом документе определял размеры платы мещан священникам за совершение обрядов, запись в синодик, погребение во храме¹²².

Важный дополнительный штрих в понимание характера отношений между патроном, объектом патроната и лицом, во владении которого этот объект находится, вносят сведения о попытках священников приобрести определенные права на церковное имущество¹²³. Так, в 1579 г. поп Василий Хилькович приобрел за 60 злотых земельный надел и десятины, выделенные для храма, в котором он был священником. В грамоте, оформлявшей сделку, отмечалось что все доходы от надела и десятин должны поступать в распоряжение священника, а в случае его удаления из прихода ему должны быть возвращены выплаченные им деньги¹²⁴. Этот пример особенно ясно показывает, что отношения патроната основывались прежде всего на праве собственности патрона на выделенное церкви имущество.

В таких условиях даже обладание братией монастыря определенной судебно-административной властью над подданными не делало ее их сеньором в полном смысле слова, так как патрон и здесь оказывался верховной инстанцией, определявшей взаимоотношения монастыря и его держателей. Так, в 155 г. А.Ф.Соколинский, передав Киево-Печерскому монастырю группу своих данников и предоставив архимандриту право их "судити, и рядити, и винами ... карати", одновременно конкретно перечислил все их обязанности по отношению к монастырю. Выполнив эти обязанности /"что о на них в том листе написано"/, они "неповинны вже никоторое службъ служити, а ни дачки ишлое никоторое дечати"¹²⁵. Семен Романович в 1507 г., передавая по завещанию Николо-Пустыньскому монастырю в Киеве половину своего имения Шевелевичи, также перечислил повинности подданных, отметив в некоторых случаях, что они должны и чего не должны делать /"сани дровни зима им давати, а зима не давати"/¹²⁶. Очевидно, и здесь за ним /и его потомками/ сохранялось право

следить за соблюдением своих установлений. В обоих случаях вкладчикам не принадлежало "право подаванья" по отношению к учреждениям, которые они наделили своими землями. Прѣза патронов были в этом случае очевидно еще более широкими.

В рассмотренной системе отношений очевидно наличие некоторых черт, связанных с особенностями отношений того периода, к которому относятся анализируемые источники. Так, ясно прослеживается, особенно к концу периода, известное упрочение прав церкви на свое имущество, а тенденция к утверждению патронате феодала над церковью на территории имения отражала процесс подчинения приходской /деревенской/ общины землевладельцу. В целом, однако, система отношений связанных с институтом "подаванья" во всех основных компонентах находит полное соответствие с той системой отношений, связанных с институтом "патроната", которая охарактеризована выше на основании сведений польских и чешских источников XI-XIII вв. Вопрос о происхождении этой системы отношений у восточных славян будет рассмотрен ниже, после выяснения того, содержит ли источники с территории Северо-Восточной Руси сведения об отношениях такого типа.

На первый взгляд в великорусских источниках XIV-XV вв. обнаруживаются лишь слабые следы той системы отношений государственной власти, частных патронов и церкви, которая охарактеризована выше. Однако следует при этом учитывать различия в характере источников. Ведь большая часть сведений белгородских и украинских источников приведенных выше почерпнута из записей актов в книгах государственного архива и книгах земских судов - источниках, которые для Северо-Восточной Руси отсутствуют. Основные данные для этого периода содержатся в архивах земствейшей власти которых повидимому, не были заинтересованы в том, чтобы хранить и копировать документы, свидетельствующие о их зависимости от патронов.

Примером может служить такая известная обитель как Кирилло-Белозерский монастырь. Основатель монастыря игу-

мен Кирилл по своему завещанию поручил монастырь опеке белозерского князя Андрея Дмитриевича, названного в этом документе /от имени монахов?/ "нашим господином и государем"¹²⁷. Завещание заключалось его просьбой обращенной к покровителю монастыря в случае, если братья будут нарушать церковный устав и не слушать игумена навести порядок строгими мерами, вплоть до изгнания нарушителей из монастыря /"и ты, господине, тех вели и из монастыря выслати"/¹²⁸. Из записи судебного дела 1478/9 г. /т.н. "правой грамоты" митрополита Геронтия/¹²⁹ видно, что сын этого князя, Михаил Андреевич, реально воспользовался такой властью, когда ростовский архиепископ Трифон поставил игуменом в Кириллов неудобного ему кандидата Филофея. Этого игумена князь "велел поимати и окончати... а игуменити ему не велел". После этого братия предложила своего кандидата, которому Михаил Андреевич "велел ... у архиепископа благословение взяти". Из этой последней формулы ясно видно что именно мнение князя имело при смене игуменов решающее значение¹³⁰. Из того же судебного дела выясняется /что подтверждается и показаниями других источников/¹³¹, что расположенный на территории Ростовской епархии Кириллов был фактически изъят из юрисдикции архиепископа ростовского. Старцы подлежали суду игумена, а самого игумена судил князь. Лишь в "духовном деле" игумена мог "ведать" глава его диоцеза.

Черты, характерные для княжеского патроната, выступают в этих свидетельствах со всей отчетливостью, однако никаких других свидетельств о существовании отношений такого рода не обнаруживается. В том же судебном деле имеется ссылка на то, что в таких же отношениях, как Кириллов монастырь и белозерский князь, находились между собой великий князь московский и "Пречистая на Симонове", т.е. известный Симонов монастырь /ныне на территории Москвы/. Этот факт подтверждается другими свидетельствами¹³². Но никаких данных о характере великокняжеского патроната над монастырем и в его достаточно обширном ар-

хиве не имеется.

В таких условиях осуществить такую реконструкцию системы отношений, как это было сделано выше по отношению к Великому княжеству Литовскому и украинским землям Польского королевства, не представляется возможным. Однако все же некоторые наиболее важные моменты отношений между княжеской властью и отдельными церковными учреждениями источники дают возможность выяснить.

Важнейшей частью системы отношений, характерной для института патроната было право монарха распоряжаться церковными бенефициями. Таким правом пользовался и великий князь Московский по отношению к монастырям, находившимся под его патронатом. Показательные данные на этот счет содержатся в послании 1433 г. епископа Ионы, "нареченного" в митрополиты, братии Нижегородского Печерского монастыря¹³³. В ответ на "челобитие" братии о поставлении в архимандриты инока Павла Иона сообщал, что великий князь и его мать "велели мне ... священноинока Павла благословити вам на архимандритию". Официальный характер послания очевиден и столь же очевидно, что великий князь именно официально /а не закулисно/ имел решающий голос в замещении данной церковной должности¹³⁴. Данные послания Ионы могут быть сопоставлены с предписаниями 86 главы "Стоглава" о порядке поставления архимандритов и игуменов. В самом начале главы указывается, что они должны поставляться "по цареву слову и по совету", а ниже содержание этих слов раскрывается дополнительным комментарием: "избрав, посылают их к благочестивому царю, и, аще будут согу угоден и царю", то предложенный братией кандидат может быть поставлен¹³⁵. Сопоставление показывает, что предписания Стоглава фиксировали уже существовавшую практику, касавшуюся, как видим, не отдельных монастырей, а довольно широкого их круга.

Такая черта великокняжеского патроната, как освобождение соответствующих обителей от подчинения епископской власти была уже показана выше: в упоминавшемся судебном деле

1478/9 г. были названы и другие монастыри, кроме Симонова, подчинявшиеся власти великого князя, а не церковного иерарха.

Особенно важны факты, хотя и немногочисленные, с вмешательстве светской власти во внутрихозяйственную жизнь монастыря. Примером может служить грамота князя Андрея Васильевича Слоско-Сторожевскому монастырю, где устанавливались нормы запасов, которые власти монастыря могли взимать со своих /"монастырских"/ сел, и сроки их внесения¹³⁶. Установление таких норм предполагает и возможность контроля за их соблюдением, и, следовательно, определенное воздействие княжеской власти на хозяйственную деятельность братии. Что такой пример не является единичным, показало исследование В.Д. Мазарова, выявившего в ряде грамот галицким монастырям начала XIII в. архаичный для этого времени формуляр, также содержащий установленную государственной властью перечень и нормы удлат, кормов и повинностей крестьян в пользу монастыря¹³⁷.

Эти факты заставляют с особым вниманием отнестись к следующему предписанию, содержащемуся в 49 главе "Стоглава": "А монастыри и казну монастырскую и всякие обиходы монастырские царя и великого князя дворецким по всем монастырем ведати и послати считати, и отписывать и отдавати по книгам"¹³⁸. Даже если отмеченные здесь нормы были нововведением /о чем в тексте не говорится/, все равно их появление было бы, вероятно, невозможно без существования в предшествующий период каких-то форм контроля за монастырскими доходами и расходами, которые, как представляется, могли основываться лишь на праве патроната¹³⁹. Заключительные слова текста "отписывать и отдавать по книгам" могли иметь ввиду практику, когда после смерти игумена имущество обители /как, например, в жидичинском монастыре/ описывалось и бралось в управление государственной администрацией, а затем по описи /"книгам"/ передавалось новому настоятелю.

По отношению к "свским" монастырям великий князь мог выступать и в роли блюстителя традиций того распоряжика

церковной жизни. В "Житии" Иосифа Волоцкого — памятнике, составленном, конечно в церковных кругах, именно великий князь Василий III после смерти святого предписывает старцам хранить установленный им закон. "Аще ли не будете хранить, аз исправлю, и вам будет не любо"¹⁴⁰. Монастыри могли быть и объектом посмертных распоряжений, как часть княжеского имущества. Так, Иван III по своей духовной 1504 г. передал младшему сыну Андрею "на Москве за рекою слободку Колычевскую да монастырь Рокостель пречистые на Голутвине"¹⁴¹.

Изучение летописных известий второй половины XV в. позволяет выявить следы великокняжеского патроната над московскими церквями. Обращают на себя внимание неоднократно повторяющиеся записи о "закладке" великим князем той или иной церкви. Примером может служить запись под 1478 г.: "Того же лета заложил церковь князь великий камену Иоанна Златоуста на посаде"¹⁴². К раннему XVI в. относятся уже свидетельства о том, что великий князь "повеле заложити и сделати" целый ряд церквей в разных частях Москвы¹⁴³. Среди этих церквей упоминается церковь Рождества Богородицы "в городе" на великокняжеском дворе, церковь Благовещения на великокняжеском дворе в Боролице, церковь Владимира "в Садах", рядом с садовыми угодьями великокняжеской семьи. Это заставляет думать, что речь идет о церквях, поставленных на великокняжеской земле, patronом которых был великий князь и в силу с оих patronатных прав распоряжался их строительством. Особый характер отношений между монархом и духовенством его храмов позволяет выявить и анализ известий Софийской II и Львовской летописей о споре между митрополитом Геронтием и Иваном III по поводу хождения "исколонь". Здесь читается, что "много бо церквей князь великий своих Ивана Златоустаго на посаде каменного с год не велел свещати и Рожества в городе Унуфрия святого придела его и иных многих", пока не будет завершен его спор с митрополитом¹⁴⁴. Из этого известия ясно следует, что для церквей находившихся под

патронатом великого князя /"своих"/ в возникшей конфликтной ситуации были весомыми распоряжения великого князя, а не митрополита, хотя они касались такого, подлежащего как будто компетенции лишь духовной власти вопроса, как "освящение" храма.

Для установления характера втикокняжеского патроната над такими храмами важно и свидетельство меновой Ивана III со Спасо-Евфимьевым монастырем 1495 г., когда в обмен на монастырские земли Иван III отдал "пожни около Ветельского пруда Успенъа святая богородицы, что на моем дворе, да Лазара святого, что за городом"¹⁴⁵. Таким образом, великий князь распоряжался землями церкви на "своем дворе", как своими собственными.

Вопрос о частновладельческом патронате над церквями и монастырями в Великом княжестве Московском почти не привлекал к себе внимания ученых. Лишь С.Ф. Веселовский дал общую характеристику такого типа отношений и указал на ряд важных свидетельств источников¹⁴⁶.

Первым среди них следует назвать грамоту Юрия Ивановича Дмитровского Иосифо-Волоколамскому монастырю¹⁴⁷. Грамота касалась храма в селе Богородицком — родовой вотчине Белеутовых, которую ее владелец, Федор Белеутов, дал вкладом в Иосифо-Волоколамский монастырь. Повидимому, на этой почве возник конфликт между монастырем и родственниками вкладчика. Конец конфликту был положен распоряжением князя, касавшимся находившейся в селе Успенской церкви: "в ту церковь, и в попа, и в диакона, и в понама[т], и в проскурницу, и в рещ причет церковной, и в церковные земли, и в хлеб и в деньги" родственникам вкладчика "вступатись не велел". Очевидно, что при нормальном положении дел в руках патрона находилось распоряжение ерксной землей и доходами с нее.

Ряд черт, важных для понимания характера отношений патрона и священника дает удельное дело 80-х гг. XV в., изданное С.Б. Веселовским¹⁴⁸. Дело было начато по жалобе нескольких переяславских вотчинников на игумена Александ-

ра, что он "пошел от нашей церкви от Воскресения прочь без отказа". Игумен же утверждал, что он "отказал ту церковь и серебро, и книги, и свечи вотчию церкви Ивашку Алексею сыну Юсова". Следовательно, церковь и все находящееся в ней имущество было собственностью патрона—"вотчича". Доказывая, что они — "вотчичи" церкви, истцы ссылались на то, что "отцы, господине, наши придавали своей земли к той церкви игуменом и попом на пашню", а И. Юсов, опровергая их доводы, утверждал, что их отцы давали игуменам земли пахать на время, "а к церкви, господине, земли не придаывали". Таким образом, земельные вклады в церковь могли быть основанием для установления патронатных отношений.

Из дела также ясно, что священник не мог просто оставить свое место, а должен был проделать перед патроном особую процедуру, названную "отказом", в чем нельзя не видеть определенный взгляд на попа, как зависимое лицо, подобное в чем-то крестьянину — держателю господской земли. В правильности такого понимания убеждает текст, читающийся в ст. 88 Судебника 1550 г.: "А попу пожилова нет и ходы и ему вон бессрочно воля"¹⁴⁹. Б.А. Романов, обративший внимание на этот текст, справедливо увидел в нем реакцию на попытки патронов обращаться со священниками "своих" храмов, как с собственными крестьянами. Положение священника, по его оценке,^{не} слишком сильно улучшилось по сравнению с XIII веком¹⁵⁰. Так как церковь вотчины с ее имуществом составляла часть вотчины, то изменения в положении вотчины касались и ее. Из того же судебного дела можно узнать, что, когда Юсов "бил челом... служить и з своею вотчиною" Григорию Васильевичу Забоцкому, то и церковь перешла во владение последнего и он стал распоряжаться ее имуществом: Юсову он "дал... серебей земли у церкви с попом по половинам". Принадлежавшие им церковные учреждения патроны могли передавать другим собственникам. Так, в 1454 г. П.К. Губрицкий "дал" митрополиту Ионе "монастырь святого Саввы

на Москве на посаде¹⁵¹, а в 1569/70 г. кн. Софья Телятевская передала Троице-Сергиеву монастырю родовой монастырь Квашниних-Спаса на Восточне¹⁵².

Теперь, констатировав существование в Московской Руси отношений, характерных для великокняжеского и частновладельческого патроната над церковью, следует рассмотреть вопрос о происхождении отношений такого типа у восточных славян.

Вопрос о происхождении института "подаванья" и всей связанной с ним системы взаимоотношений церковных учреждений и их патронов давно занимал внимание исследователей. В русской литературе была достаточно широко распространена точка зрения, объяснявшая ее появление воздействием порядков соседнего католического мира. "Все эти явления менее всего свойственные восточной православной церкви занесены были на наши украинские и белорусские земли вместе с западным феодализмом", — писал, например, В. Заикин. Московская Русь была от этого западного влияния свободна и подобные отношения там отсутствовали¹⁵³.

Проведенное выше сопоставление показывает взаимосвязь обоих этих аргументов. Действительно, наличие глубокие черты сходства между положением католической церкви в Польше и православной церкви на землях Украины и Белоруссии, но это сходство никак нельзя объяснить западным влиянием. Такое влияние могло серьезно проявиться лишь с XIV в. после перехода Галицкой Руси под власть польских феодалов и католического крещения Литвы, но к этому времени католическая церковь уже утратила многие черты, характерные для ее статуса в раннефеодальный период. Так, к XIV в. здесь уже не существовали такие обычаи, как "jus spoli" и "jus regalia" и католическая церковь XIV в. никак не могла передать их церкви православной. Неверен и другой довод Заикина, так как подобные отношения были известны и не знавшей западного влияния Московской Руси. Гораздо более правильным представляется вывод М. Ф. Владимирского-Буданова, что такая система отношений сложилась

на древнерусской почве самостоятельно¹⁵⁴. Однако исследователь не смог ответить на вопрос, когда и в каких исторических условиях она возникла. Уделивший этому внимание польский исследователь истории православной церкви В. Ходыницкий уже в 30-е гг. пришел к выводу о полном типологическом сходстве двух явлений¹⁵⁵. Действительно анализ двух систем отношений показывает их сходство по всем основным параметрам.

Учитывая, что данные древнерусских источников XI-XIII вв., ничем не противоречат гипотезе о существовании отношений "патроната" в домонгольской Руси, а напротив хорошо вписываются в ее рамки, есть основания квалифицировать систему отношений, нашедшую наиболее яркое отражение в институте "подаванья", как сложившуюся в раннефеодальный период истории восточных славян. Это в свою очередь открывает возможность использовать источники более позднего времени /в частности белорусские и украинские/ для более углубленного изучения отношений, связанных с институтом патроната. В частности, восточно-славянский материал может быть использован для решения двух существенных вопросов - вопроса о зарождении института "патроната" и о путях реализации "права патроната" на практике.

Для решения первого вопроса несомненный интерес представляют ряд особенностей системы отношений между общиной прихожан и приходским храмом на Севере России, которая хорошо реконструирована по документальным материалам XVII-XVIII вв. в ряде работ¹⁵⁶.

Характеризуя отношения приходских общин с церквями, построенными на "мирские" средства и выделенные "миром" земли и угодьями, следует отметить наличие в руках общины широких прав распоряжения церковным имуществом (вплоть до займа "миром" оловников для обработки церковной земли и использования церковной казны для кредитования прихожан)¹⁵⁷. Но дела, касающиеся церкви, ее представляют перед государством и даже перед епархиальным архиереем избранный миром церковный староста¹⁵⁸. Священ-

ни занимался "миром" по "порядной записи" для совершения богослужения и содержался на "ругу", установленную миром /даже плата за исполнение обрядов в своей значительной части вносилась в мирскую казну/¹⁵⁹. Не выполнивший своих обязанностей священник мог быть изгнан общиной без всякого обращения в вышестоящие церковные инстанции. Лишь во второй половине ХУП в. в "порядных" появился пункт, что для этого необходимо согласие епископа.¹⁶⁰

Исследователи справедливо подчеркивали архаизм такой системы отношений. При этом особо следует выделить ряд черт в отношениях прихожан и храма, которые с серьезным основанием исследователи возводили к языческому, до-государственному периоду. Имеем явную связь храма с языческим по своему происхождению институтом ритуальных пиров - "братчин". Котлы, в которых варились пиво и каша для всего населения прихода, размером до 20 ведер, составляли часть церковного инвентаря. В храме хранились и чаши, из которых пили прихожане, и сама "братина" - сосуд для общей попойки. "Сыпное" пиво освящалось священником, а сам пир происходил, как правило, в пристроенной к церкви трапезе. На время пира церковный староста превращался в "пирового старосту"¹⁶¹. Лишь с конца ХУП в. церковные власти стали добиваться, чтобы прихожане "молебных пив в церковь не носили бы и в трапезе не пили бы"¹⁶². Хотя "братчина" на Селере прелучивалась к храмовому празднику святого, которому был посвящен погостский храм, языческое происхождение самого института ритуальных пиров не может подлежать сомнению. Исследователи давно указали и достаточно древнюю параллель северно-русской "братчины" в рассказах жителя Отто бамбергского о храме "триглава в Щегине, где собирались поморские вельможи и пили из кубков, хранившихся в храмовой казне"¹⁶³.

Все это позволяет поставить вопрос о том, что система отношений между приходским храмом и общиной генетически восходит к до-государственной языческой эпохе, когда хозяином в языческом святилище была либо волостная /пого-

стская/ община, либо /на более высоком уровне/ племенная знать¹⁶⁴. Пришедшая на смену племенной знати княжеская власть стала выступать в той же роли по отношению к основанным ей христианским храмам.

Хотя ранние западнославянские источники сохранили свидетельства о существовании княжеского патрона^{та}, в них почти нет сведений том, как осуществлялся этот патронат на практике. Этот пробел может до известной степени быть восполнен восточнославянскими источниками. Уже можно было бы предположить, что князь не мог постоянно лично осуществлять свои права по отношению к многочисленным церквям и монастырям. Действительно, в реальной практике, например, короли из династии Ягеллонов "делегировали" свои права своим представителям на местах¹⁶⁵ — воеводам и старостам¹⁶⁶. Поэтому, например, при передаче церковных учреждений под частный патронат в актах передачи отмечалось их изъятие из-под власти соответствующих госу. арственных чиновников¹⁶⁷, а при назначении настоятелей господарем обозначалось, под чьей опекой они должны находиться¹⁶⁸.

Часто, однако, и само право "подаванья" духовного бенефиция передавалось в руки представителей власти на местах. В общем порядке это относилось к священникам "замковых" и сельских церквей на господарских землях¹⁶⁹. Именно староста решал вопрос о передаче попу той или иной церкви¹⁷⁰ и вводил священника во владение церковным имуществом. Когда со второй половины XVI в. священники стали приобретать церковное имущество в собственность, именно староста был тем лицом, которое заключало такие сделки от имени короля¹⁷¹. Особенно тесной была зависимость от старост "замковых" священников, которые по всем делам подлежали суду этих светских чиновников /даже в "справах духовных" епископ мог их судить лишь "поспол с урядом замковым"/¹⁷².

Очень значительной была власть воевод и старост и над монастырями, находившимися под великокняжеским пат-

ронатом. Так, из грамоты 1522 г. видно, что именно киевский воевода осуществлял "jus regalium" и "jus spolii" по отношению к такой обители, как Киево-Печерский монастырь¹⁷³. Хотя грамота Сигизмунда I несколько ограничила власть воеводы над печерскими монахами /подробнее об этом см. ниже/, она и позднее оставалась весьма значительной. Так, когда в 1540 г. произошел конфликт между монахами и архимандритом Софронием, именно воевода арестовал архимандрита, назначил его временного преемника и взял под свое управление "вряд и скорб церковный"¹⁷⁴. Воевода же /с санкции господаря/ давал монастырю устав, определявший его внутренний распорядок¹⁷⁵.

Наибольшей самостоятельностью по отношению к местной администрации пользовались епископские кафедры, однако и здесь часть принадлежавших господарю прав реализовывалась представителями власти на местах. Так, именно староста вводил нового епископа во владение имуществом кафедры¹⁷⁶ и он же принимал меры по описанию этого имущества после смерти старого епископа¹⁷⁷. По-видимому, староста был и тем лицом, которое осуществляло "jus spolii"¹⁷⁸.

В XVI в. господарь все еще стремился непосредственно осуществлять свои права или, по крайней мере, контролировать соответствующие действия своих чиновников. Здесь можно отметить и расширение круга обителей, где господарь непосредственно осуществлял право "подаванья"¹⁷⁹, и практику отправки комиссий для описания имущества кафедры в период седисваканции¹⁸⁰ и отправки королевских ревизоров для распределения приходов между священниками¹⁸¹. Таким образом, в охарактеризованных выше правомочиях и действиях чиновников следует видеть отражение традиционных отношений, сложившихся еще в XVI в., а в более раннее время.

Думается, не будет ничего невероятного в предположении, что доходы от реализации соответствующих прав господаря в значительной мере попадали в руки тех, кто эти

права реализовывал. В некоторых случаях имеем и прямые указания на такую практику. Так, в королевской грамоте, запрещавшей конфискацию имущества умерших священников, прямо отмечалось, что старосты забирали это имущество "себе"¹⁸².

Как представитель патрона – господаря сановник – представитель власти на местах располагал и другими правами по отношению к объекту патроната. Так, в грамоте Сигизмунда I Велико-Печерскому монастырю 1522 г. читаем жалобу старцев монастыря, что воеводы в монастырь "въезжают на год колькодесят разов", а архимандрит и старцы их "честуют и даруют". Удовлетворяя пожелания старцев, Сигизмунд I разрешил воеводе въезжать в монастырь лишь два раза в год, "а даров некоторых давати ему не масть"¹⁸³. М. В. Владимирский-Буданов правильно усмотрел в таком порядке не злоупотребления, а участие воевод в реализации великокняжеского патроната¹⁸⁴.

Действительно, сведения о подобной практике как о нормальном /а не чрезвычайном/ явлении обнаруживаются в записи судебного спора между архимандритом и старцами Предеченского монастыря в Полоцке /1534 г./. Одна из причин состояла в том, что, когда при посещении монастыря полоцкими воеводами или его "урядниками" архимандрит их "честует и дарует", то монахи отказываются помогать ему в этом деле. При последующем разбирательстве выяснилось, что поступавшая в монастырь дань медом почти полностью уходила на угощения воеводы и "его" урядников и на это же расходились деньги, вносившиеся монахами при пострижении.¹⁸⁵

Сказанное рационально сопоставить с рассказами о конфликте братии Иосифо-Волоколамского монастыря с его патронном-князем Федором Волоцким. По свидетельству "жития" Иосифа спор начался с того, что князь потребовал от игумена, "чтоб горяжал на мене лири и дары, а держал бы меня и вина, а красов бы не держал"¹⁸⁶. Затем последовали попытки князя присвоить имущество, поступавшее в монастырь в виде

вчадов, и деньги, собиравшиеся в мсчастырск.й казне¹⁸⁷. Такая практика имела постоянный характер и вызвала возражения игумена потому, что переходила, по его мнению, всякие допустимые границы. Начавшиеся в связи с этим конфликтом споры заставили его вспомнить о другом подобном конфликте между Спасо-Каменным монастырем и великим князем ярославским Александром Федоровичем. Недовольство монахов было вызвано тем, что князь "егда хотяше прийти в свой монастырь на Каменое, повелевше с собою пси в монастырь приводити, тако ж и в трапезу. И егда сам ядыше, тогда и пси повелеваше кормити тою же пицею"¹⁸⁸. Таким образом, причины конфликтов были, по существу, те же, что и в конфликте печерских старцев с киевским воеводой — наезды в монастырь и присвоение находящегося в монастырской казне имущества. Различие состояло лишь в том, что в одном случае действовал сам патрон, а в другом — лицо, представлявшее его власть.

Эти наблюдения позволяют раскрыть специфику положения при осуществлении великокняжеского патроната по сравнению с частновладельческим. Если патроны — частные типа, особенно во второй половине XVI в. в условиях развития барщинно-фольварочной системы в Речи Посполитой стремились к хозяйственному освоению монастырских владений, то отношения в другом секторе носили более примитивный и, судя по всему, более первоначальный характер, когда присвоение церковных доходов происходило в форме наездов, сопровождавшихся взиманием даров и кормов. Ясно, что в с хранении отношений такого рода были заинтересованы не только монарх и его окружение, но и достаточно широкий круг представителей его власти на местах.

Эти наблюдения и основанные на них выводы позволяют по-новому подойти к ряду свидетельств чешских и польских источников XIII в. И здесь можно говорить о соучастии достаточно широкого круга лиц в осуществлении великокняжеского права патроната. Хронист Винцент Кадлубек, пересказывая решение 1180 г. об отказе от "jus spoliis" угрожал

отлучением его нарушителям "sive princeps sit ille, sive quae-libet illustris persona seu quivis officialium"¹⁸⁹. Наезды монарха со свитой в церковные владения также имели место с соответствующими последствиями. Неслучайно, уже в грамоте польских князей 1215 г., было зафиксировано обязательство одного из участников соглашения посещать Ловичскую каштелянию Гнезненского архиепископства лишь раз в год¹⁹⁰. Стоит отметить, что польские монархи и много позже упорно держались за свое право постоя в находящих-ся под их патронатом монастырях¹⁹¹.

Однако стремления церкви к освобождению от опеки затрагивали интересы отнюдь не только монархии. Важным свидетельством в этом отношении может служить грамота Пржемысла I чешскому духовенству от 10 марта 1222 г. Одним из установлений этого документа правитель запрещал "барнам" и другим "воинам" "гостить" в монастырях против воли хозяев. За нарушение запрета устанавливались жесткие санкции — возвращение причиненного ущерба в двукратном размере и выплата штрафа в 1200 денариев. В другой статье этого документа король угрожал конфисковать в свою пользу коней, которых "благородные земли" (*nobiles terre*) станут кормить на монастырских дворах вопреки желанию монахов¹⁹². Установленный запрет не привел, однако, к прекращению отмеченной в грамоте практики. В ряде грамот кон. 20–30-х гг. снова повторяются предписания, чтобы "nobiles", "potentes" и "milites" не въезжали в монастырь и не останавливались в нем на ночлег под угрозой различных санкций¹⁹³.

Актуальным был этот вопрос и для Польши XIII в. В статутах папского легата кардинала Гвидо /1266 г./ констатировалось /гл. 9/, что "nobiles" и "potentes" "sub specie hospitalitatis" "пожирают и опустошают" земли церковей и монастырей, наезжая туда слишком часто и с множеством необузданных людей¹⁹⁴.

Сопоставление более поздних восточнославянских и более ранних западнославянских источников, как представля-

ется, позволяет прийти к выводу, что в этих "кормах" и "постоях" не только представителей знати, но и более широкого круга воинов, следует видеть остатки своеобразной системы коллективной эксплуатации со стороны обладающей властью военной корпорации /"большой дружины"/ такого нового элемента в структуре раннефеодального общества, как церковные владения. Присвоение накопленных здесь материальных ценностей осуществлялось в форме привычной для членов этой корпорации практики кормлений. Институт великокняжеского патроната становился правовым обоснованием такой системы эксплуатации.

В свете всего сказанного выше неудивительно, что возникновение церковного землевладения и у восточных, и у западных славян не привело к кризису раннефеодальной модели государства и общества. Кризис начался тогда, когда церковь вступила в борьбу за хозяйственную и политическую самостоятельность.

Сопоставление восточно- и западнославянских источников позволяя выявить глубокую общность развития в течение раннефеодального периода, вместе с тем позволяет и установить момент, когда пути развития восточных и западных славян стали расходиться. На территории Восточной Европы система отношений, связанная с институтом патроната и сформировавшаяся в раннефеодальный период, в основном сохраняла силу не только в XIII-XIV, но и в XV-XVI вв. в то время как в западнославянских странах она уже в XIII в. подверглась существенной перестройке. Какие это имело последствия для развития отношений между церковью и государственной властью, а также для социального развития общества в целом будет показано в следующем разделе работы.

Примечания

I. Kowmiański H. Początki..., t.VI, cz.1, s.288 i n.

2. О возмездии в отношении крупного церковного землевладельца в Чехии XI в. см. Nový R. Přemyslovský stat 11 a 12 století. Praha, 1972

3. Modzelewski K. Między prawem książęcym i władztwem gruntopnym. I-II. - Przegląd historyczny, 1980, N 2-3.

4. Янин В.Л. Юльго родская феодальная вотчина. М., 1981, с. 230 и сл.

5. Там же с. 210-212.

6. См. об этом Hrubý F. Cirkevní zřízení v Čechách a na Moravě od X do konce XIII století a jeho poměr ku státu. - Český časopis historický, 1916, s.402 i n.

7. Козьма, II, 41.

8. См. его сообщения о избрании пражских епископов в 1169, 1170 и 1180 г. "de instantiae reginae" и в 1197 г. "negata omni electione cler" (FRB, t.II. Praha, 1876, p. 463, 476, 513). В записи о смерти оломоуцкого епископа в 1182 г. тот же хронист отметил, что все его предшественники становились епископами "non quidem electioni cleri sed designatione principii" (Ibid. P.477).

9. См., например, известную запись от 1101 г. "datum est episcopatus venerabili viro Cazlao ab invictissimo duce Polonorum wladizlao" (PH, t.I Lwów, 1864, P.376).

10. FRB. T.II.P.480 (1182 г.).

11. Достаточно ясные указания на именно такой характер интронизации епископа имеются в чешских и польских источниках начала XIII в. - Abraham W. Organizacja kościoła w Polsce do połowy XII wieku. Poznań, 1952, s.223; Krofta K, Kurie a církevní správa zemí českých v době předhusitské. - Český časopis historický. 1904, s.254-55.

12. См. запись Орлоха о поставлении епископа Даниила

в 1197 г. (Ibid, t.II.P.513).

13. Публ. ПАМЯТНИКА: Gieysztor A. Nad statutem łeczyskim 1180 r. Odnaleziony oryginał bulli Alexandra III z 1101 r. - Księga pamiątkowa 150-lecia AGAD. Warszawa, 1958, s.181 i n.

14. Abraham W. Pierwszy spór kościelno-polityczny w Polsce. - Rozprawy Akademii Umiejętności. Wyzd. hist.filoz. ser.II, t.VII (32). Kraków, 1895, s.293, 300, 310-311.

15. FRB. T.II. P.483.

16. Abraham W. Pierwszy spór.... s.283.

17. СДВ. T.II. Pragaе, 1912. N 59.

18. Ясинский А.Н. Падение земского строя в Чешском государстве, X-XIII вв./, Кр. эв, 1912, с. 140.

19. Hrubý F. Cirkevní zřízení...., s.395-396.

20. Козьма, II, 21.

21. Hrubý F. Cirkevní zřízení...., s.395; Abraham W. Pierwszy spór...., s.293-294, 308.

22. К сожалению автору осталось в недоступным исследование: Vaneček V. Základy právního postavení klášterů a klášterního velkostatku ve starém českém státě 12-15 st. Praha, 1933-1939.

23. Их анализ см.: Krofta K. Kurie..., s.23-24; Hrubý F. Cirkevní zřízení..., s.389-390.

24. Abraham W. Organizacja..., s.223; Hrubý F. Cirkevní zřízení..., s.43, 391.

25. Ясинский А. Падение земского строя., с. 147. Приведенные им примеры взяты из чешского материала. Можно указать, однако, и польский документ II77 г. Утверждая совершенную монастырем имущественную сделку, верховный правитель Польши Мешко Старый отмечал, обращаясь к аббату, что делает это "consensu fratrum et advocaci abbatiae tue Boleslawi Zlesie ducis", (kodeks dyplomatyczny Wielkopolski. T. I. Poznań, 1877, № 22). Времены в голожении имущества монастыря должны были производиться с согласия его патрона, каким был в данном случае князь Силезии Болеслав Высокий.

26. Hrubý F. Cirkevní zřízení..., s.393.

27. цит. по: Abraham W. Początki prawa patronatu w Polsce. Lwów, 1889, s.31.

28. СДВ. Т. I. Praga, 1904. № 124.

29. Анализ этих свидетельств см.: Hrubý F. Cirkevní zřízení..., s.392.

30. Kodeks dyplomatyczny Wielkopolski. T. I. № 7.

31. См. подробнее Łowmiański H. Początki..., t.VI, cz.1, s.320-324.

32. Так произошло с цистерцианцами, приглашенными великопольским Милошом для основания монастыря в Осеке, когда они нашли выбранное для них место мало пригодным для поселения - См.: Hrubý F. Cirkevní zřízení..., s.392.

33. Козьма. II, I4.

34. См.: Рогов А.И. Дизнеописания первых чешских князей в древнерусской письменности и культуре. - Сказания о начале Чешского государства в древнерусской письменности. М., 1970, с. 12-14.

35. См. рассказ Яроха об изгнании пражских епископом Даниилом бенедиктинских монахов из желивского монастыря, чтобы заменить их пемонстрантами (FRB. T.II, p. 87 i n.). Говоря о правомерности действий епископа, хронист определяет его права по отношению к монастырю, как "jus patronatus".

36. Против подлой практики энергично выступала в начале XIII в. чешская церковь при поддержке папства см. Krofta K. Kurie..., s. 61 i n.; Abraham W. Organizacja..., s.223.

37. Abraham W. Organizacja..., s.230; Hrubý F. Cirkevní zřízení..., s.283-284, 393.

38. Krofta K. Kurie..., s.21-22, 259 i n., 273; Hrubý F. Cirkevní zřízení..., s.283; Abraham W. O powstaniu dziesięciny swobodnej.- Biblioteka Warszawska, 1891. N 4, s.162-166; Abraham W. Organizacja..., s.247 i n.

39. Krofta K. Kurie..., s.26, 266-267; Abraham W. Organizacja..., s.218-220.

40. Krofta K. Kurie..., s.385.

41. МРН. Ser.II. Т.II. Kraków, 1965. I, 11.

42. Козьма, П, 16.

43. Цит. по: Krofta K. Kurie..., s.127.

44. Обоснование такого вывода о статусе "аскриптициев" см. Флоря Б.Н. К вопросу о взаимоотношениях монахии и крупного землевладения на переходе от раннего к развитому феодализму в Центральной и Юго-Восточной Европе.- Typologie raně feudálních slovanských statů. Praha, 1987. S.252-254.

45. Kodeks dyplomatyczny Polski. I.III. Warszawa, 1958. N 4.

46. Kodeks dyplomatyczny Śląska. T.I. Wrocław, 1956. N 104.

47. См. подробнее: Buczek K. W sprawie interpretacji dokumentu trzebnickiego 1204 r.- Przegląd historyczny, 1957. N 1.

48. Codex diplomaticus et epistolaris Slovaciae. T.I. Bratislava, 1971. N 402-403.

49. Так, 6 "удворников", данных монастырю "святым королем" /Стефаном/, аббат сделал "пахарями". Палатин предписал вернуть их в прежнее положение.

50. Kodeks dyplomatyczny Wielkopolski. T.II. Poznań, 1878, N 1055.

51. Hrubý F. Cirkevní zřízení..., s.393.

52. Krofta K. Kurie..., s.250-251.

53. См., например, в записях "Летописца" Даниила Галицкого "божьей волею избран бысть и поставлен бысть Иван пискоуп князем Данилом от клироса великой церкви святой богородици володимерской" /ПСРЛ, т. II, М., 1962, стб. 740/. "Данилови же княжашоу во Володимере, созда град Угореск и постави там епископа" /Там же, стб. 845/.

54. Так, в 1185 г. по желанию Всеволода Большое гнездо был поставлен ростовским епископом Лука - игумен монастыря Спаса на Берестове /ПСРЛ, т. I, М., 1962, стб. 590/, родовой обители этой ветви Мономашичей /Шапов Я.Н. Государство и церковь Древней Руси X-XIII вв. М., 1989, с. 141/, в 1190 г. Всеволод послал на епископство "отца своего духовнаго Иоханна" /ПСРЛ, т. I, стб. 408/, в 1214 г. Конс антин Всеволодович "посла Пахомья ... стпа своего

духовного в Киев" /Там же, стб. 438/.

55. См., например, запись под 1190 г., что Рюрик Ростиславич "постави епископом" в Белгороде "отца своего духовнаго игумена святого Михаила Андреева Выдсбычискаго" /ПСРЛ, т. II, стб. 666/.

56. Так, в 1230 г. ростовские князья Василько и Всеволод послали "к отцю своему Гургю /их дяде, великому князю владимирскому Юрию Всеволодовичу. - Б.Ф./ по Кирилу игумена, дабы и пустил на епископство" /ПСРЛ, т. I, стб. 453/.

57. См. ПСРЛ, т. I, стб. 390, 408, 453.

58. См. с избранным на вече епископом в 1186 г. Гавриле "и прислаша по нь митрополит и вся князья руськая и пояша и с любовью" /НП, с. 38/ и еще более определенно о его преемнике Мартирии, посланном в Киев - "и иде с предними мужи и прия и с любовью князь Святослав и митрополит и поставиша и" /Там же, с. 40/.

59. ПСРЛ, т. II, стб. 629.

60. Памятники литературы Древней Руси. Начало русской литературы /XI - начало XII в./ М., 1978, с. 332.

61. Там же, с. 340.

62. ПСРЛ, т. II, стб. 274.

63. РИБ, т. VI, изд. 2-ое, СПб., 1908, стб. 79-80.

64. Там же, стб. 89.

65. ПСРЛ, т. I, стб. 153.

66. ПСРЛ, т. I, стб. 351-352; т. II, стб. 520.

67. Его грамоту Андрею Боголюбскому см.: РИБ, т. VI, № 3.

68. ПСРЛ, т. I, стб. 354.

69. Летописец Переяславля Суздальского.-Временник ОИДР, кн. 9, М., 1851, с. 112.

70. В записях владимирского летописца нач. XIII в. Симон прямо называется "своим епископом" Юрия. - Гасанов А. Н. История русского летописания. М., 1969, с. 223.

71. Патерик Киевского Печерского монастыря. СПб., 1911, с. 109.

72. Шапов Я. Н. Государство и церковь..., с. 131 и сл.

73. ПСРЛ, т. I, стб. 346, 415, 417.

74. ПСРЛ, т. II, стб. 333-334.

75. ПСРЛ, т. II, стб. 844. Шапов Я. Н. Государство и церковь..., с. 142.

76. Там же, с. 135-136.

77. ПСРЛ, т. I, стб. 299.

78. ПСРЛ, т. I, стб. 358; т. II, стб. 556.

79. Шапов Я. Н. Государство и церковь, ... с. 89-90.
 80. ПСРЛ, т. I, стб. 375; т. II, стб. 598-599.
 91. НЦД, с. 24.
 82. Опубликовано как вводная часть к изданию "Архив ЮЗР", т. III, т. 4, Киев, 1907.
 83. Владимирский-Буданов М. Ф. Указ. соч., с. II8 и сл.
 84. Там же, с. I42.
 85. Архив ЮЗР, ч. I, т. I, Киев, 1859, № IO /1564 г./
 86. АЗР, т. III, СПб., 1848, № 54.
 87. АВАК, т. XIX, Вильна, 1892, № 208.
 88. Архив ЮЗР, ч. I, т. IO: Киев, 1904, № 208.
 89. Архив ЮЗР, ч. I, т. I, № I3.
 90. Там же.
 91. АЗР, т. IV, СПб., 1851, № I4.
 92. Архив ЮЗР, ч. I, т. I, № I3.
 93. Ниже будут приведены еще некоторые доводы в пользу этого предположения.
 94. Владимирский-Буданов М. Ф. Указ. соч., с. I27-I37.
 95. Какой характер имело, например, пожалование К. И. Острожскому Едичинского монастыря. - Архив ЮЗР, ч. 8, т. 4, № XLIV.
 96. Пожалование Свидригайлы М. В. Черторыйскому 1452 г. было подтверждено Сигизмундом I в 1511 г. на имя его сына Ф. М. Черторыйского. - Архив ЮЗР, ч. 8, т. 4, с. 56 и сл.
 97. Архив ЮЗР, ч. 8, т. 4, с. 49-50.
 98. Археогр. сб., т. 9, Вильна, 1870, № I8.
 99. Владимирский-Буданов М. Ф. Указ. соч., с. I83-I84.
 100. Археогр. сб., т. 9, № I8.
 101. Архив ЮЗР, ч. I, т. IO, № XUI.
 102. Владимирский-Буданов М. Ф. Указ. соч., с. II0 и сл.
 103. Обещание Г. и Ю. Ходкевичей братии Супрасльского монастыря - "А мы теж ктиторове в годные доходы и работы монастырские, аны в личбу уступоватися не маем" /Археогр. сб., т. 9, № 22, 1568 г./ было явно актом особой милости со стороны патронів.
 104. АЗР, т. II, СПб., 1848, № II2.
 105. Владимирский-Буданов М. Ф. Указ. соч., с. 6I-62.
 106. Архив ЮЗР, ч. I, т. I, № 7.
 107. Владимирский-Буданов М. Ф. Указ. соч., с. IO7-II0.
 108. См., например, текст королевского подтверждения правил "общежития" в Киево-Печерской пещере /АЗР, т. III № IO/.
 109. См. ряд уставов, данных Ходкевичами Супрасльскому монастырю /Археогр. сб., т. 9, № 5, 22, 36/: сличения с установлением общежития устава К. И. Острожским в Едичинском монастыре /Архив ЮЗР, ч. 8, т. 4, № XXI/; К. И. Острожским в Дубенском Спасо-Эмском монастыре /Архив ЮЗР, ч. I, т. 6, Киев, 1883, № XLVШ/.

- II0. Археогр. сб., т. 9, № 4.
- III. АЗР, т. II, № 135 /"не только тот монастырь з рук твоих выйдем, але и самого тебе и тых чернцов кажем с того монастыря выслати"/.
- II2. Собрание древних грамот и актов город з Вильна, Ковна, Трок, ч. 2, № 55/а. Вильно, 1843.
- II3. АЗР, т. I, СПб. 1846. № 43. Любопытно при этом, что митрополиту князь вообще не разре ал "не судить, ни рядить" без каких-либо оговорок.
- II4. См. грамоту И. Ю. Мстиславского Онуфриеву ко астрию 1483 г. /Там же, № 82/, грамоту М. И. Мстиславского 1499 г. Пустыньскому монастырю /Там же, № 177/, а также грамоту великого князя Александра монастырю Богородицы в Трояках. - Собрание древних грамот..., ч. 2, № 50.
- II5. Владимирский-Буданов М. Ф. Указ. соч., с. 176-177.
- II6. Грушевский М. С. История Украины - Руси, т. V, ч. 2, Львів, 1905, с. 484 и сл.
- II7. Владимирский-Буданов М. Ф. Указ. соч., с. 96-97, 189-202.
- II8. Прозила виленского собора 1509 г. см. РИБ, т. IV, СПб., 1878, стб. 13-14.
- II9. АЗР, т. IV, № 10.
- II0. РИБ, т. IV, сб. 13-14.
- II1. Архив ЮЗР, ч. I, т. 10, № XLII.
- II2. АЗР, т. II, № 231.
- II3. Владимирский-Буданов М. Ф. Указ. соч., с. 191-192.
- II4. Архив ЮЗР, ч. I, т. 6, Киев, 1883, № XXXIII.
- II5. АЮЗР, т. I, СПб., 1833, № 120.
- II6. Архив ЮЗР, ч. I, т. 6, № V.
- II7. Ср. сходную формулу в духовной митрополита Алексея, "приказа шего" основанный им Чудов монастырь в Кремле московскому великому князю Дмитрию Ивановичу /АСЭИ, т. III, М., 1964, № 28/.
- II8. АСЭИ, т. II, М., 1958, № 314.
- II9. Там же, № 315.
- II0. Позднее, в 1483 г. Михаил Андреевич выгнал из монастыря и другого игумена, Серапиона, не соблюдавшего "святого Кирилла предания" - Лурье Я. С. Идеологическая борьба в русской публицистике конца XV - начала XVI века. М.-Л., 1960, с. 57.
- II1. Послания Иосифа Волоцкого. М.-Л., 1959, с. 91.
- II2. Так, Иосиф Волоцкий писал о симоновском архимандрите Варфоломее, что "ему же и столтельство зяше в зредо от самодержца и великого князя Василия Ивановича". - Великие князья четьи, вып. I, СПб., 1868, с. 55.

133. АСЭИ, т. III, М., 1964, № 304.
134. Официальная роль великого князя ясно выступает и в рассказе "Жития" Лосифа Волоцкого о его назначении игуменом Пафнутьева Боровского монастыря. — Великие минеи четьи, вып. I, стб. 460.
135. Российское законодательство X—XX вв., т. 2, М., 1985, с. 362—363.
136. АСЭИ, т. III, № 60.
137. Газаров В.Д. Дарованная грамота Лжедмитрия I Галицкому Великопустыньскому Авраамьеву монастырю. — Археографический ежегодник за 1965 год. М., 1966.
138. Российское законодательство..., т. 2, с. 323.
139. Стоит быть отмеченной в этой связи и практика постоянного выбора приходскими общинами севера России "счетчиков" для проверки казны находящихся в их полеченных церквей. — Ишков С.В. Очерки из истории приходской жизни на севере России в XV—XVII вв. СПб., 1913, с. 36, 120.
140. Великие Минеи Четьи, вып. I, стб. 493. Обосновывая возможность своего вмешательства, великий князь тогда же говорит — "аз у вас такоже приказчик". Таким термином обозначались церковные старосты, ведавшие имуществом приходских храмов.
141. Д и Д', № 89, с. 358.
142. ПСРЛ, т. VI, СПб., 1853, с. 221.
143. См. записи "Владимирского летописца" под 1514 и 1516 гг. — ПСРЛ, т. 30, М., 1965, с. 142.
144. ПСРЛ, т. VI, с. 194; т. XX, ч. I, СПб., 1910, с. 348.
145. АСЭИ, т. II, № 486.
146. Веселовский С.Б. Исследования по истории класса служилых землевладельцев. М., 1969, с. 178—181, 266, 277—279, 296, 350.
147. АФЗ и X, ч. II, М., 1956, № 101.
148. АСЭИ, т. I, М., 1952, № 521.
149. Памятники русского права, вып. IV, М., 1956, с. 258.
150. Романов Б.А. О полном холопе и сельском попе в Судебнике Ивана Грозного. — Академику Борису Дмитриевичу Грекову ко дню семидесятилетия. М., 1952, с. 141.
151. АФЗ и X, ч. I, М., 1951, № 29.
152. Веселовский С.Б. Исследования..., с. 279.
153. Заикин В. Участие светского элемента в церковном управлении, выборное начало и "соборность" в Киевской митрополии в XVI и XVII веках. Варшава, 1930, с. 23, 36.

154. Владимирский-Буданов М.Ф. Указ. соч., с. 57.

155. Chodynicki K. Tzw. "prawo podawania" w cerkwi prawosławnej.- Sprawozdania Poznańskiego Towarzystwa Przyjaciół Nauk, 1931. N 2-4. Idem. Kościół prawosławny a Rzeczpospolita Polska. Zarys Historyczny. 1370-1632. Warszawa, 1934, s.116 i n

156. Удачным обобщением имеющейся традиции могут служить работы: Попков А. Древнерусский приход. Краткий очерк церковно-приходской жизни в восточной России до ХУШ в. - Богословский вестник, 1897, февраль - март; Богословский М.М. Земское самоуправление на Русском Севере, т. II, М., 1912, гл. II-III; Юшков С.В. Очерки ..

157 Юшков С.В. Указ. соч., с. 26-29, 36-39.

158. Там же, с. 39-40.

159. Там же, с. 42-44.

160. Там же, с. 30-31, 46.

161. Попков А. Древнерусский приход..., с. 268-269, 382-386; Богословский М.М. Земское самоуправление..., т. II, с. 22; Юшков С.В. Очерки..., с. 30-32.

162. Юшков С.В. Очерки..., с. 33.

163. Свидетельство во Херборда - *Dialogus de vita s. Ottoni episcopi Babenbergensis.* - *Monumenta Poloniae Historica. series nova,* cz.3. Warszawa, 1974. II, 32, s. 123.

Попков А. Древнерусский приход..., с. 253-254.

164. О роли племенной знати в языческих святилищах по норвежским материалам. - Гуревич А.Я. Норвежское общество в ранне средневековье. М., 1977, с. 214 и сл.

165. См. Владимирский-Буданов М.Ф. Указ. соч., с. 61-62, 173-175, 188-199.

166. Как правило, не только на землях Польского королевства /территории епархий Холмской и Перемишльск. и/, но и на землях Великого княжества /например, на Волыни/ осуществление этих прав находилось в руках старост, однако в Киевской земле в этой роли выступал воевода.

167. См. в грамоте Сигизмунда I Ф.М.Чарторыйскому на монастырь в Пересопнице /1526 г./: "А старости Луцкии в тот мѡг стырь, и в люди, и в земли, и в подарчане того монастыря не мають ни уступати". /Архив ЦЗР, ч. I, т. I, № 2/.

168. Так, Сигизмунд I, назначая игумена в Дерманский монастырь /1571 г./, отметил, что он должен находиться "под опекою и обороною державцы нашего Острозского" /Архив ЦЗР, ч. I, т. I, № II/.

169. Владимирский-Буданов М.Ф. Указ. соч., с. 189, 199.

170. Так, в 1586 г. священник обратился к подстаросте дитюмирскому "с церковью, которая на тот час была без попа". /Архив ЦЗР, ч. I т. I, № LX/. Писемный акт, сформировавший такое "подавание" см. АВАК, т. XIX, Вильна, 1892, № 200 /1586 г./.

171. Запись такой сделки см. Архив КЗР, ч. I, т. 6, № XXXIII /1570 г./.
172. АЗР, т. IV, № 37.
173. АЗР, т. II, № II2.
174. Толубев С. Киевский митрополит Петр Могила и его сподвижники, т. I. Киев, 1883, Приложение, № I.
175. АЗР, т. III, № IO /1551 г./.
176. АВАК, т. XIX, № 208 /1566 г./.
177. Архив КЗР, ч. I, т. IO, № СLXIII /1532 г./.
178. В 1576 г. Стефан Баторый разрешил родственникам владимирского епископа после его смерти покинуть со своим имуществом владения кафедры "без всякого говованья и затрудления" со стороны "старост".
179. См. грамоты Сигизмунда I, запрещавшего киевскому воеводе "подавать" игумена в Михайловский и Межигорский монастыри, "бо мы берем то на нас, государя" /АЗР, т. II, № I2I-I22/.
180. О работе одной из таких комиссий см. Архив КЗР, ч. I, т. I, № 7 /1570 г./.
181. Описание документов архива западнорусских униатских митрополитов, т. I, СПб., 1897, № 72 /1571 г./.
182. Архив КЗР, ч. I, т. IO, № XXXI.
183. АЗР, т. II, № II2.
184. Владимирский-Вуданов М.Ф. Указ. соч., с. 61-62.
185. АЗР, т. II, № I23.
186. Великие минеи четьи, вып. I, с. 475.
187. Послания Иосифа Волоцкого..., с. 238 и сл.
188. Послания Иосифа Волоцкого..., с. 201.
189. МРН. Т. II. Lwow, 1872, s. 400.
190. Kodeks dyplomatyczny Wielkopolski. T. I N 68.
191. Karbownik H. Ciężary stanu duchownego w Polsce na rzecz państwa od roku 1381 do połowy XVII wieku. Lublin, 1980, s.
192. СДВ. Т. II. N 227.
193. СДВ. Т. I. N. 375 (Фальсификат XIII в.); Т. II. N. 320-321; Т. III, fasc. 1. Praga, 1942. N 57, 73.
194. Antiquissimae constitutiones synodales provinciae Gneznensis. Ed. R. Ilube. Petropoli, 1856. P. 65.

УСТАНОВЛЕНИЕ ЦЕРКОВНОГО ПРАВА У ВОСТОЧНЫХ И ЗАПАДНЫХ СЛАВЯН

§ I. Борьба за "свободу" церкви в Польше, Чехии и Древней Руси

Одним из важных следствий отношений между государственной властью /и светскими патронами/ и церковью харак-

терных для раннего феодализма стало фактическое отсутствие у духовенства собственной самоуправляющейся организации. Если по роду своих занятий духовные лица составляли объективно особый слой общества, то в других отношениях этот слой вовсе не образовывал единства. Священники находились во всесторонней зависимости от светских патронов /и главного среди них - правителя/, а не от формального главы церковной организации - епископа, обязанности которого ограничивались чисто литургическими функциями - освящением храмов и поставлением священников, на деятельность которых он не имел влияния. В таких условиях аппарат церковного управления оставался слабо развитым. У епископа был практически единственный помощник по управлению епархией - архидьякон. Если к этому добавить, что и назначение на все значительные церковные beneficii находилось всецело в руках правителя, то картина станет окончательно ясной. Духовные лица не были и полностью отделены в правовом отношении от всего остального населения. За совершенные проступки клирики подлежали юрисдикции государственного суда, который мог подвергать их телесным наказаниям и помещать в тюрьму. К этому следует добавить, что не только священники и каноники, но и епископы были часто в эту эпоху женатыми, что связывало их часто не со своей духовной средой, а с иными общественными группами¹.

Уже первые десятилетия XIII в. оказались отмечены решительными выступлениями целого ряда церковных иерархов по поддержке влиятельной группировки духовенства, направленной на то чтобы полностью изменить положение церкви в обществе и характер отношений церкви со светской властью.

После завершения формальной христианизации населения духовенство уже не так остро нуждалось в прямой поддержке светской власти, а проблема какой-то эффективной организации многочисленного слоя клириков приобретала серьезное значение. К концу XII в. церковные учреждения также обладали уже немалыми земельными владениями и желали стать рас-

порядка доходами от них. Аналогичные стремления были присущи также светским феодалам, тяготевшимся вовлечением появившихся у них владений в систему централизованной эксплуатации. Неслучайно в конце XII в. в Польше духовные и светские вельможи совместно выступили против попыток князя Мешко Старого усилить эффективность ее действия². Однако, верхушка светских феодалов сама занимала ключевые позиции в функционировании этой системы, поэтому ее стремление к эмансипации от старых порядков не могло быть столь четким и последовательным, как аналогичные стремления церковных иерархов.

К этому следует добавить еще один немаловажный фактор. Если светским феодалам еще необходимо было своими силами выработать определенную программу действий, то духовные иерархи получили ее в готовом виде от папской курии. Ведь именно к началу XIII в. окончательно была оформлена решениями "вселенских" соборов программа консолидации и возвышения духовного сословия в обществе латинского средневекового мира; "освобождения" церкви от повинностей в пользу государственных органов и от вмешательства светских людей в церковную жизнь. Неслучайно наиболее активные выступления с требованиями реформ имели место после посещения польскими и чешскими епископами в 1215 г. Латеранского собора. Важно при этом, что папская курия не только предлагала польскому и чешскому духовенству программу действий, но и готова была поддерживать борьбу за ее осуществление своим немалым политическим влиянием.

Все это позволяет объяснить, почему в начале XIII в. именно духовные иерархи первыми выступили с программой создания самоуправляющейся сословной организации, находящейся вне сферы действия системы институтов "княжеского права".

Первым /не только хронологически, но и по существу/ этапом в проведении реформ стало установление с первого десятилетия XIII в. практики выбора епископов капитулами в соответствии с нормами канонического права³. Тем самым

с полной зависимостью церковной иерархии от светской власти было покончено и открылась дорога на церковные кафедры политикам, которые, опираясь на поддержку сторонников реформы — членов капитулов, могли приступить к осуществлению дальнейших преобразований.

Важной их частью стало приобретение земельным владениями сначала иерархов, а затем и монастырей и капитулов широких податных и судебных привилегий. Вопрос этот заслуживает специального исследования. Здесь можно лишь отметить, что иммунитетные пожалования не только укрепляли имущественную самостоятельность церковных феодалов, но и ослабляли их зависимость от государственной власти. Однако если учесть, что большая часть клириков — приходские священники не обладали земельными владениями с крестьянами, то следует признать, что для обособления духовенства от остального населения и консолидации его в особое сословие большее значение имело установление подсудности клириков только церковному суду.

Этой цели церковь пыталась первоначально добиваться собственными средствами, не вступая в прямой конфликт со светской властью. Так, на состоявшемся не позднее 1217 г. синоде польских епископов в Камье /канон 5/ было постановлено не давать причастия клирику, который в споре с другим клириком обратится в светский суд⁴. Однако уже в начавшемся в 1217 г. конфликте пражского еп. Одржея с Пржемыслом I был поднят вопрос о неподсудности клириков светскому суду вообще и их подчинении только суду епископа⁵. В 30-х гг. аналогичным образом поставил вопрос вроцлавский епископ, жалуясь папе на действия силезского князя Генриха Бородатого⁶. На том этапе церкви не удалось полностью добиться своей цели. По завершившемуся конфликту пражского епископа с королем соглашением 1222 г. король сохранил лично за собой право суда по делам аббатов и других прелатов 1 раз в год во время "coloquium generale"⁷, а папа Григорий IX ограничился увещаниями силезского князя, не прибегая к более сильным мерам. Однако принцип неподсудности клириков светскому суду постепенно приобретал

значение общей нормы.

К середине XIII в. особое положение клириков в этом отношении было торжественно подтверждено, как жалованными грамотами чешских и польских правителей, так и решениями синодов⁸. Следует при этом подчеркнуть, что к компетенции духовного суда относились споры не только между духовными лицами, но и между клириками и светскими людьми /т.е. "privilegium fori" /⁹. Опираясь на этот принцип, польская церковь попыталась в том же XIII в. взять в свое ведение и споры о недвижимости между клириками и светскими лицами, однако эта попытка затронувшая интересы широкого слоя светских феодалов, не увенчалась успехом, и подсудность клириков церковному суду была признана лишь "preter patrimonialia", "excepta hereditarie questione"¹⁰. Правда, и в дальнейшем случалось, что светские судьи судили и осуждали на смерть клириков, замешанных в крамолах и грабежах, но речь шла о служителях низшего ранга, не имевших бенефициев¹¹, и это были лишь отдельные отступления от признанной нормы.

Параллельно с этой важной реформой церковь пыталась осуществить комплекс мер, направленных на ограничение прав светских патронов.

Усилия церкви были направлены на то, чтобы священники в обязательном порядке утверждались епископом и не могли быть смещены без его согласия, чтобы выделенная церкви десятина поступала в распоряжение епископа и священника соответствующего храма, чтобы церковное имущество не становилось объектом имущественных сделок патронов.

Действия церкви натолкнулись на упорное сопротивление, так как ее интересы в этом отношении расходились с интересами не только государственной власти, но и широкого слоя светских феодалов-патронов, желавших, как и ранее распоряжаться доходами от "своего" храма и личностью "своего" священника.

Ключевым в этом комплексе реформ следует признать вопрос о том, кто должен назначать приходского священника

/и соответственно — смещать/ и кто должен осуществлять контроль за его деятельностью. Хотя вопрос о том, что светские люди не должны распоряжаться церковными бенефициями, был поднят во взаимоотношениях духовной и светской власти уже в начале XIII в., первоначально речь шла о праве капитула на свободную элекцию епископов. Вопрос же о праве епископа назначать и смещать священников в Чехии был поднят во время спора епископа Ондржея с Пржемыслов I в 1217 г.¹² Результат конфликта оказался достаточно двусмысленным. По соглашению 1219 г. епископ получил такое право, но "salvo jure patronatus"¹³. Этим термином "jus patronatus" обозначался исторически сложившийся комплекс прав бывшего "собственника" храма, получившего теперь название "патрона".

Хотя позиции церкви после этого упрочились, что нашло свое отражение, с одной стороны, в обращениях духовных лиц к епископу для подтверждения бенефициев, полученных от светских людей, а с другой в участии епископа в актах передачи "права патроната" от одного светского лица к другому, до полного подчинения священников епископу было еще далеко¹⁴. Само понятие "прав патроната" понималось по-разному, епископской властью и патронами. В 1273 г. в записке папе Григорию X о состоянии церкви в Чехии Бруно, епископ оломоуцкий отмечал, что лишь король в своих владениях представляет кандидатов на утверждение епископа, а другие светские лица назначают и смещают священников без его санкции, и тот не может ничего сделать "propter multitudinem generaliter contradicentium"¹⁵.

О последующем развитии позволяют судить образцы документов в формулярнике пражского епископа Тобиаша /1279-1296 гг./. Здесь сохранились образцы обращений к епископу с просьбой о подтверждении своего кандидата со стороны короля и некоторых рыцарей и епископских подтверждениях¹⁶. В том же собрании имеется и образец грамоты о отлучении патрона, отобравшего храм у приходского священника¹⁷. Одна о и в начале XIV в. действия пражского епис-

копа Яна IУ из Дрежиц, направленные на укрепление его власти над священниками, наткнулись на упорное сопротивление папов, один из которых охваченный яростью заявил, что скорее он перейдет в язычество, чем пойдет на уступки епископу¹⁸. Все же в конце концов практика представления священников на утверждение епископу стала постоянной, для чего в епископской канцелярии стали вестись в XIV в. т.н. "книги конфирмации"¹⁹.

В Польше аналогичный процесс развивался с определенным хронологическим опозданием. Сам термин "jus patronatus" зафиксирован в польских документах лишь с середины XIII в.²⁰ Еще в статутах папского легата архидьякона Яна /1248 г./ отмечалось, что в Польше остается частым явлением получение клириками бенефициев от светских людей. В связи с этим предписывалось отлучить от церкви и лишить бенефициев клирика, взявшего у светского лица бенефиций, переданный ранее епископом другому клирику²¹. В статутах, составленных в 1279 г. другим папским легатом, Филиппом, епископом Фермо, решительно подчеркивалось, что права патронов могут сохраняться лишь постольку, поскольку они не противоречат нормам канонического права. Теми же статутами категорически запрещалось назначать или смещать духовных лиц "juris patronatus praetextu"²².

Эти данные рисуют картину, принципиально однородную с той, которую дает чешский материал: церковь упорно добивалась своей цели, наталкиваясь на постоянное сопротивление патронов.

Разумеется, зависимость священников от патронов, связанная с самими условиями существования и неравенством социального положения сторон не могла быть полностью ликвидирована, однако церкви удалось ограничить ее определенными рамками и установить прямую организационную связь между приходским священником и епископом.

Важное место в системе отношений между светской и духовной частью общества занимал вопрос о уплате десятины в пользу церкви. Немалая часть усилий церкви состояла в

том, чтобы распространить уплату десятины на все население²³. Однако в рамках рассматриваемой темы более важной является другая сторона церковной политики — стремление передать распоряжение десятиной из рук светских людей в руки церкви. Одним из существенных стимулов, двигавших инициаторами подобной политики, было стремление дать приходскому священнику источник существования, который позволил бы ему быть материально независимым от патрона.

Как и многое другое, вопрос о том, что светские люди не должны распоряжаться церковной десятиной, был поднят во взаимоотношениях духовной и светской власти в начале XIII в.²⁴ Требование, чтобы десятина поступала именно в пользу церкви, было одним из главных пунктов в конфликте пражского епископа Ондржея с Пржемысл I. Это требование по понятным причинам встретилось с упорным сопротивлением. В первом соглашении 1219 г. Пржемысл I и чешские "бароны" лишь обязались уплачивать десятину "по обычаю", т.е. так, как раньше, и лишь в новом соглашении 1221 г. дали обещание давать десятину "de jure"²⁵.

К середине XIII в. пражским епископам удалось добиться того, что выделявшаяся в их пользу 1/4 десятины (*decima episcopalis*) превратилась в постоянный налог в пользу кафедры, взимавшийся в размере 6 денариев с земельного надела, а позднее "с каждого дыма". Сбор этого налога осуществлялся приходскими священниками. Что касается трех остальных частей десятины, то они по-прежнему оставались в распоряжении светских патронов. Кафедра только добилась того, что касающиеся десятины имущественные сделки совершались с согласия епископа²⁶.

Церковь, однако, продолжала усилия, направленные на то, чтобы десятина поступала в распоряжение приходского священника. В отношении церковных сеньоров иерархи опирались на прямую поддержку курии. Так, оломоуцкий епископ Бруно добился от папы Александра IV полномочий следить за тем, чтобы духовные власти монастырей обеспечивали

приходских священников подобающими доходами²⁷. Отражением соответствующих усилий может служить и помещенный в формулярнике еп. Тобиаша образец документа, в котором говорится, что некоторые патроны представляют на утверждение епископу клириков, готовых довольствоваться любым доходом, который он доставит патрон. Епископ постановил, что подобный клирик должен быть лишен бенефиция, а патрон подвергнут церковным санкциям²⁸. С начала XIV в. десятизна перестает упоминаться в имущественных сделках светских феодалов²⁹, очевидно в связи с превращением в источник содержания священника. Аналогичным был итог развития в Польше³⁰.

Важнейшим в отношениях между светским и церковным обществом был и вопрос о праве патрона распоряжаться церковным имуществом и пользоваться доходами от него. Первые усилия церкви /в частности, польской/ были направлены против такого явного проявления верховных прав патрона, как "*jus spoli*" соответствующая практика привела к 1206 г. к конфликту главы польской церкви архиепископа Генриха Кетлича с великопольским князем Владиславом Ласконым. Под давлением курии ряд польских князей отказался от притязаний на имущество покойных епископов³¹. При всей важности таких решений следует иметь в виду, что они касались лишь высших лиц в системе церковной иерархии. По отношению же к приходским священникам, как показывает чешский материал, *jus spoli* было ликвидировано лишь в XIV в.³²

Что касается других прав патрона на церковное имущество, то стремление церкви укрепить свои права на находящееся в ее распоряжении имущество нашло свое выражение в характерных терминологических изменениях — в документах начинает говориться /в Чехии с 20-х гг., в Польше с 50-х гг. XIII в./ о передаче одним светским феодалом другому не храма или капеллы /как ранее/, а лишь "патронатных прав" на этот объект. Одновременно наблюдается тенденция, чтобы подобные сделки совершались с санкции епископа³³. Иерархия также прямо вмешивалась в споры патронов с церковными

учреждениями, отрицая за первыми право распоряжаться церковным имуществом³⁴. На протяжении XIII в. церкви удалось добиться несомненных успехов и в этом отношении. В чешском документе 1262 г., исходящем от светского лица — пана Смилы из Лихтенбурга, уже сформулировано как общая норма представление о том, что церковное имущество нельзя отчуждать или продавать, допустим лишь равноценный обмен, и то "de consensu plebanii"³⁵. В Польше статут 1279 г. категорически запрещал патронам совершать какие-либо сделки с церковным имуществом³⁶. Одновременно утверждались нормы, согласно которым и основание новых храмов, и какие-либо сделки с церковным имуществом были возможны лишь с санкции епископа³⁷. Таким образом, этот комплекс реформ не только укреплял имущественное положение разных слоев духовенства, но и дополнительно утверждал их объединение в рамках единой корпорации под руководством духовной иерархии.

В условиях, когда приходское духовенство /как и другие группы клириков/ стало постепенно переходить под юрисдикцию духовной иерархии, началось и усложнение структуры аппарата церковного управления. Первым этапом на этом пути стала реформа института архидьяконов. Как уже отмечалось выше, архидьякон был главным лицом, оказывавшим помощь епископу при управлении епархией. В его обязанности входило экзаменовать кандидатов на поставление, следить за поведением приходских священников и состоянием храмов, а также заниматься распределением средств поступавших церкви, выделяя из них долю клириков и долю епископа.

С начавшимися переменами одного архидьякона для помощи епископу оказалось явно недостаточно. В первой половине XIII в. произошло разделение епархий на ряд округов — архидьяконатов, в каждый из которых был назначен особый архидьякон. Их главной обязанностью стала "визитация" /объезд/ территории епархии для надзора за поведением священников. В связи с этим в их пользу устанавливались определенные пошлины /"прокурации"/, которые нельзя было взимать

мать без визитации или заменять деньгами. В центре округа архидьякон осуществлял суд над провинившимися клириками и созывал собрания подчиненного духовенства. Помимо этого архидьяконы должны были руководить сбором доходов, следующих епископу с клира и с населения³⁸.

С середины XIII в. система административного управления приходским духовенством подверглась дальнейшему усложнению. Архидьяковаты начали делиться на более мелкие административные единицы — деканаты, охватывавшие обычно 15-20 приходов. Стоявший во главе такого округа декан — один из приходских священников — выполнял обычно поручения архидьякона в отношении приходского духовенства, а также нес обязанности по сбору церковных пошлин в пользу епископа³⁹.

Этой реформы, придвинувшей церковный аппарат вплотную к низшему духовенству, со сложением к середине XIII в. широкой церковной юрисдикции оказалось недостаточно. Потребовалось создать в епархиях специальные судебные органы. Это стало особенно необходимым к середине XIII в. с приобретением духовенством "*privilegium fori*". В статутах архидьякона Яксва /1248 г./, было предложено создать в каждом кафедральном центре институт официала, к которому могли бы обратиться все жители диоцеза, имеющие дела для рассмотрения в церковном суде. Судебная деятельность архидьяконов тем самым не упразднялась, но по отношению к ним суд официала становился более высокой инстанцией⁴⁰. Практически, однако, введение этого института в Польше началось после принятия в 1267 г. статута кардинала Гвид⁴¹. В 1267 г. сообщается о смерти епископского официала в Кракове, а к 1282 г. относится упоминание о смерти официала епископа вроцлавского. 1298 г. датируются первые сведения о официалах пражского епископа. В начале XIV в. этот институт существовал уже во всех польских и чешских епархиях⁴².

Фактором, сплачивавшим церковную организацию, стал регулярный созыв синодов как духовенства какого-либо од-

ной епархии, так и целой провинции для решения текущих вопросов управления и выработки норм внутрицерковной жизни. В Польше созыв синодов духовенства провинции стал достаточно регулярным уже в пер-е десятилетия XIII в. Так, в решениях синода, созванного около 1217 г., имеются ссылки на решения трех предшествующих собраний того же типа⁴³. Ко второй половине XIII в. относятся сведения о созыве и первых диоцезиальных синодов, также принимавших свои статуты⁴⁴. В Чехии первые свидетельства такого рода /здесь не существовало особой провинции и собирались только диоцезиальные синоды в Чехии и в Моравии/ относятся к 40-м - 50-м гг. XIII в., но к этому времени существовали уже постоянные сроки их созыва и определен состав⁴⁵.

Постоянное функционирование этих институтов является, пожалуй, наиболее веским доказательством объединения духовных лиц соответствующей территории в рамках определенной организационной структуры и приобретения этой структурой самостоятельности в деле определения норм своей внутренней жизни и своего положения в обществе. Важно отметить и другое. Как показал анализ польского церковного законодательства XIII в., синодала была проделана большая работа по сближению норм местного церковного права, складывавшихся под значительным влиянием местных обычаев, с нормами канонического права, принятого к этому времени во всем католическом мире⁴⁶. Существенно при этом, что каноническое право к XIII в. представляло собой весьма сложную правовую систему, основанную во многом на использовании норм римского права. Тем самым основывавшаяся на этих нормах система церковного управления приобретала особый, не свойственный другим органам управления чешского и польского общества характер, не только по содержанию, но и по формам своей деятельности /организация судебного процесса и др./.

Таким образом, в итоге осуществления всего очерченного выше комплекса преобразований чешские /и польские/

клирики превратились в единую корпорацию, члены которой были четко отграничены в правовом отношении от всего остального населения. Лица, принадлежавшие к этой корпорации, были к концу XIII в. последовательно и всесторонне освобождены от действия институтов раннефеодального государства, а сама эта корпорация представляла собой замкнутую структуру с развитой автономией в внутренней жизни и собственными свойственными только ей институтами управления.

Все эти черты позволяют охарактеризовать подобную корпорацию клириков, как форму организации, присущую уже сословию развитого феодального общества. Хотя полностью процесс сложения такой структуры занял довольно длительный период — вплоть до рубежа XIII — XIV вв., ее главные отличительные черты четко выявились уже в первой половине XIII в., когда процесс формирования сословных организаций других частей средневекового общества делал лишь первые шаги. В этих условиях "свободы", приобретенные церковью становились образцом и предметом подражания для светских феодалов такими "свободами" не обладавшими. Разумеется, не все характерное для организации духовного сословия могло импортировать создателям других сословных структур и служить образцом для подражания. Так, в частности для них остался чуждым принцип четкого иерархического строения корпорации с безусловным подчинением низших ступеней высшим. Однако иначе обстояло, например, дело с идеей "освобождения" сословия от власти и эксплуатации со стороны институтов раннефеодального государства. Так, полученные церковью в первой половине XIII в. иммунитетные пожалования послужили образцом для пожалований аналогичного типа, выданных светским феодалам. Именно это обстоятельство позволяет рассматривать изменения в положении духовенства, начавшиеся с первых десятилетий XIII в., как важную принципиальную грань в развитии процесса формирования сословного общества в странах Центральной Европы.

В эту эпоху, когда церковь была единственной полностью сформировавшейся в масштабе страны сословной организацией, можно говорить о ее особом, привилегированном положении в обществе. Положение стало постепенно меняться с формированием других сословных организаций, которые с течением времени стали безуспешно пытаться подчинить себе церковные структуры, оказавшиеся в поле их действия. Эти стремления находили себе выражение на разных уровнях. На уровне прихода — это было стремление поставить хозяйство приходского храма под контроль выборных представителей прихожан⁴⁷, на уровне городской общины — подчинение городских храмов и служащего в них духовенства руководству городских властей: на уровне интересов целого сословия — в стремлении, например, поставить всю церковную организацию под контроль организации сословной, которая могла бы широко вмешиваться даже в вопросы вероучения. Такого рода тенденции получили, однако, полное развитие в социально-политической жизни западнославянских стран на последующем этапе их исторического развития — в XV—XVI вв.

Переходя к рассмотрению восточнославянского материала, следует отметить, что определенные стремления к созданию собственной церковной организации и к приобретению самостоятельности от светских патронов могут быть отмечены и в развитии древнерусской церкви конца XII — XIII вв. Так, довольно рано определились стремления церковной иерархии подчинить "церковных людей" исключительно своему суду. Так, уже в Смоленской грамоте 1136 г. провозглашалось, как общая норма: "аже церковный человек доидет чего, то своему еписколу". Список "церковных людей" встречаем в переработках "Устава Владимира", датируемых XII—XIII вв. — в него входят не только монахи, члены церковного причта и их семьи, но и некоторые другие группы населения⁴⁸. Определенным симптомом стремлений к изменению существующего положения следует считать и послание никейского патриарха Германа 1228 г. В нем предписывалось не посвящать в священники не получивших освобождения холо-

пов, а князьям и другим "старействующим" под угрозой отлучения запрещалось касаться "церковных и монастырских стяжаний" и вмешиваться в церковный суд⁴⁹. По весьма вероятному предположению А. Поппе⁵⁰ содержание грамоты было подсказано патриарху киевским митрополитом.

На напряженность отношений между церковной и светской властью во второй половине XII – первой половине XIII в. указывает и ряд летописных известий. Первое из них – известие под 1159 г. об изгнании ростовского епископа Леона, "за не умножил быше церковь, грабяи поль" ⁵¹. Очевидно, стремясь стать реальным главой духовенства своего диоцеза, епископ обложил священников приходских церквей налогом в свою пользу, что встретило сопротивление их патронов и привело к фатальным для владыки последствиям. Рассказ под 1169 г. о конфликте владимирского князя Андрея с "нареченным" на епископство владыкой Федором также включает обвинения в том, что иерарх "имения бо бе не сыт, акы ад". Обращает на себя внимание решительность действий владыки, который во время конфликта "церкви все в Володимери повеле затворити и ключе церковные взя" ⁵². Обе эти записи сделаны противником притязаний церковных иерархов. Точку зрения другой стороны можно узнать из ростовского продолжения владимирской летописи, введенного при епископской кафедре – в некрологе ростовскому епископу Пахомию летописец нашел нужным отметить, что он "обличаше грабителя и мздоимца" ⁵³. Кого в церковных кругах обозначали таким термином, позволяет выяснить другой текст первой половины XIII в. – житие Авраамия смоленского, где рассказывается о смоленском епископе Лазаре, который вынужден был оставить епископский стол "за многое обидение святых церквей, иже обидяты и властели, отымающе чужая бес правды" ⁵⁴.

Эти немногие и отрывочные факты позволяют полагать, что к XIII в. и русская церковная иерархия стремится переосмотреть традиционные отношения со светской властью, расценивая обычную практику светских патронов по отношению к

церковному имуществу, как "грабеж" и насилие". О разделенную параллель к действиям польских епископов XIII в., неоднократно возглавлявших выступления магнатов против своих князей, составляют некоторые действия епископов Галицкой земли середины XIII в. В известиях 1237 и 1241 гг. Ипатьевской летописи галицкий епископ Артемий явно выступает как один из вождей враждебного князю Даниилу боярства⁵⁵.

О развитии организационных структур церкви позволяют судить правила "Владимирского собора 1274 г." и образец поучения священнику, сохранившийся в составе Софийской пергаменной кормчей 1280 г.⁵⁶ Оба памятника содержат данные, говорящие об усилении контроля епископов за священниками в рамках образующейся приходской организации. Собравшиеся на собор иерархи установили определенную процедуру подготовки и поставления кандидатов в священники, включавшую в себя ^{в частности} их своеобразную стажировку в "соборной" церкви⁵⁷. В поучении, исходившем, конечно, от того же круга лиц указывалось, что священник может оставить свою церковь "разве великня Юуже и то по совету епископа своего" и что для перехода на другой приход /"в чужой предел"/ нужно взять от епископа "грамоту"⁵⁸. Очевидно, что проведение в жизнь всех этих норм означало бы существенное ограничение прав светских патронов и превращение епископа из формального в реального руководителя церковной организации. Представляется вполне закономерным и симптоматичным, что в обоих источниках говорится о регулярном созыве собраний духовенства диоцеза "на исправление церковных вещей"⁵⁹.

О том, что ко второй половине XIII в. существовала не только определенная программа укрепления власти епископов над приходским духовенством, но был достигнут и определенный прогресс в этом отношении, говорят правила Владимирского собора, запрещающие злоупотребления при взимании поборов с духовенства. Упоминается в частности "сборное" - "соборная куница" или куничное - единст-

венный побор с приходских священников в пользу епископа, который засвидетельствован достаточно ранними источниками для всей восточнославянской территории⁶⁰.

Для осуществления управления приходским духовенством /включавшим в себя и сбор упомянутого побора/ иерархи нуждались в определенных административных органах. Первым в этой связи должен быть назван "клирос" - объединение священников кафедрального собора. Хотя первые упоминания о "клиросе" относятся уже ко второй половине XI в.⁶¹, лишь с XIII в. он выступает с чертами органа по управлению епархией. Правила Владимирского собора устанавливали плату за поставление в пользу клирошан "7 гривен от поповства и от дьяконства от обоего"⁶². Установление такой платы связывалось, очевидно с тем, что обязанностью членов клироса была подготовка кандидатов в священники к их будущей деятельности. Помимо более поздних украинских свидетельств о существовании такого порядка⁶³, в пользу такого понимания говорит и установленная правилами собора обязанность кандидатов в священники в течение определенного срока "конархисати" в "соборной" церкви.

В Правилах Владимирского собора и ряде других текстов XIII в. имеются упоминания и о институте владычных наместников⁶⁴. В отличие от владычных тиунов - светских лиц, управлявших имениями епископов, владычные наместники были духовными лицами /в соборных правилах говорится о их поставлении/⁶⁵ и принимали участие в управлении епархией. Современная редакция правил Владимирского собора Синодальная редакция устава Владимира говорит о наместниках лишь как о судьях⁶⁶. Подробнее о круге обязанностей наместников позволяют судить более поздние белорусско-украинские материалы XV-XVI вв. Наиболее полное представление о обязанностях наместника дает грамота митрополита Ионы его киевскому наместнику протодьякону Михаилу /февраль 1451 г./⁶⁷. Наместнику поручалось прежде всего "оправдания вся церковная и суды, и дела духовныя

управляти" – в понятие "духовных дел", как видно из последующих разделов, входило освящение церкви, проверка пригодности кандидатов на поставление в священники и дьяконы. Другой важнейшей обязанностью наместника была забота о церковных имуществах на территории его округа /"села церковныя и наши митропольские строити"/⁶⁸. Выполнение этих функций требовало объезда округа – в грамоте Сигизмунда I гришке дьяку, назначенному наместником в Каменец /1516 г./ "visitatio populum" выступает, как одна из главных обязанностей наместника⁶⁹. Документы середины XVI в. проливают свет еще на одну сторону обязанностей наместника – заботу о сборе "церковной дани" с духовенства⁷⁰. Все эти данные ясно доказывают, что наместник выступал в роли своеобразного заместителя владыки по управлению епархией – в этом отношении его должность можно рассматривать как совершенно аналогичную должности "архидьякона" ранних чешских и польских источников.

Как агенты церковного управления в правилах Владимирского собора упоминаются также десятинники. Это были духовные лица, так как собору зачислялось их поставление по мзде⁷¹. Никаких других данных о "десятинниках" для XIII–первой половины XIV в. у нас нет. Мы не имеем. Наиболее вероятным представляется предположение Е.Е. Голубинского, что "десятинники" были сборщиками в пользу церкви "княжеской десятины"⁷². Во всяком случае какая-то десятина в пользу церкви реально существовала еще во второй половине XIV в.⁷³

В целом обрисованную картину можно было бы оценить, как начальный этап становления церковных структур аналогичных тем, которые формировались в странах Центральной Европы в конце XII – начале XIV в.

В дальнейшем, однако, такой процесс развития либо прервался, либо пошел в другом направлении. При этом notable большая разница между процессами протекавшими в Западной и Северо-Восточной Руси, что делает необходимым их раздельное рассмотрение.

§ 2. Государство и формирование аппарата управления духовенством и духовного сословия в Московской Руси

В XIV в. характер организационных структур церкви и взаимоотношений церкви со светской властью на Северо-Востоке Руси претерпевают существенные изменения. Существование этих перемен позволяет выяснить анализ составленного в самом конце XIV в. докончания митрополита Киприана с великим князем московским Василием Дмитриевичем⁷⁴. Обращает на себя внимание, что составители договора уделили значительное внимание положению десятильников: устанавливался порядок рассмотрения жалоб на их действия /§ 7/, определялись размеры пошлин, которые мог получать "десятичник", "на десятину насад" /§II/. "Десятинна" здесь обозначает какую-то территориальную единицу, а сами десятильники выступают как лица, которым принадлежит важное место в системе церковного управления.

Содержание реформы, связанной с институтом десятильников, было раскрыто еще в прошлом веке в известной работе Н.Каллерева⁷⁵. Новые материалы, введенные в научный оборот лишь подтверждают и частично конкретизируют его выводы.

Смысл реформы состоял в том, что десятильники стали теми представителями низшего звена церкви этого управления, на которых был возложен надзор за деятельностью приходского духовенства, взимание "церковных пошлин", суд первой инстанции по делам между "церковными людьми"⁷⁶. Для развития церковных структур имело большое значение, что если владичьи наместники, ставшие после проведенной реформы более высокой инстанцией управления, имелись лишь в центрах епархий и некоторых наиболее крупных городах, то административные округа десятильников — "десятины" — соответствовали территории отдельных уездов⁷⁷, а по часам и более мелких территориальных единиц⁷⁸. Все это означало значительное расширение церковного аппарата управле-

ния и усиление разностороннего контроля с его стороны за деятельностью приходского духовенства. Реформа не затрагивала прав патронов распоряжаться церковным имуществом и выбирать или смещать священника "своего" храма", но такой священник теперь оказался в дисциплинарной зависимости от агентов епископской администрации и должен был платить в пользу кафедр дань и другие пошлины. Как показывает более поздняя практика, открытие нового храма была уже невозможно без выдачи "благословенной" грамоты архиерея, а это сопровождалось установлением размеров пошлин в пользу епископа и принятием других обязательств⁷⁹. Русские акты XV–XVI вв. знают значительное количество разнообразных побогов, поступающих в пользу епископов помимо "сборной кнѣппы"⁸⁰.

По всем этим параметрам реформу церковного управления, связанную с реорганизацией института десятильников, можно сопоставить с созданием на территории чешских и польских епископств окружных архидиаконов. Однако рассмотрение других аспектов реформы показывает, что речь должна идти в основном о формально-организационном сходстве.

Архидьяконы в центрально-европейских странах были обычно членами капитула – главного органа церковного самоуправления епархией, избравшего епископа и осуществлявшего совместно с ним управление епархией, и рекрутировались из тех кругов духовенства, которые активно вели борьбу за освобождение духовенства от власти светского государства. В отличие от них десятинники, как установил уже Н. Каптерев, перестали быть духовными лицами /каковыми они являлись ко времени работы Владимирского собора 1274 г./ и стали назначаться из числа светских вассалов церковных иерархов – детей боярских их "дворов"⁸¹.

Если архидьяконы /а затем и другие духовные лица – чиновники церковного управления западнославянских стран/ вносили в практику управления новые принципы работы бюрократического аппарата, выработанные римской курией, то

светские вассалы русских иерархов рассматривали десятины как обыкновенные кормления, на которые они наезжали со своими тиунами и доводчиками. Даже кормы со священников взимались те же, что взимал вологель с ерносотных крестьян — въезжое, петровский и великоденский⁸². Как и черные крестьяне, священники должны были строить для десятинников дворы. Ограничения налагавшиеся на деятельность "десятинников" /например, требование не ночевать в одном приходе более одной ночи/⁸³ также совпадают с ограничениями, налагавшимися на кормленщиков, управлявших светским населением⁸⁴. К этому следует добавить, что стоявшие выше десятинников на иерархической лестнице властные наместники также перестали быть духовными лицами и назначались из числа светских вассалов высшего уровня — митрополичьих бояр. Коллегия из таких бояр выступала подчас и как высшая судебная инстанция, решения которой затем утверждались иерархом⁸⁵.

Таким образом, созданный аппарат управления приходским духовенством оказался в руках людей вообще не принадлежавших к духовному сословию и соответственно не заинтересованных в проведении политики, направленной на защиту особых интересов этого сословия и оформление его привилегированного статуса /такая политика даже прямо противоречила их интересам, так как привела бы к утрате ими соответствующих функций управления/.

По-видимому, к этому времени относится и образование низших организационных структур в среде самого духовенства в виде института "поповских старост"⁸⁶. Однако, каких-либо административных прав эти старосты не имели и во всех ранних упоминаниях о них рассматриваются через призму интересов церковного фиска⁸⁷. По-видимому, такие обязанности приходских священников ничем существенно не отличались от польских и чешских деканатов.

Светского аппарата управления духовными лигами не было не только в странах Центральной Европы и в соседивших с Великим княжеством Московским украинско-белорусских

землях, но, как отметил Н. Ярушевич, и в "Византии"⁸⁸, являвшейся, казалось бы, для Москвы идеальной моделью в области создания церковных структур. Неформальность такого положения с точки зрения норм канонического права была ясна и для современников. Священник Георгий Скрипица в начале XVI в., критикуя епископов за различные беспорядки в церковной жизни, писал: "ни сами, ни священники избранными дозираете... како кто па эт церковь божию, дозираете церковь по царьскому чину земного царя, бояры и дворецкими, неделщиками и тиунь... а не достоянию небеснаго царя воинству"⁸⁹. С созданием этого светского административного аппарата, вероятно, и следует связывать отмеченный историками прошлого упадок роли соборного клироса, как органа управления епархией.

Так представляется, ключом для правильного понимания данной ситуации должно служить соображение, что проведение подобной реформы, существенно затрагивавшей права светских патронов в сельских церквях, было возможно лишь при сильной поддержке центральной власти, которая и оказала ее, но лишь на определенных условиях. Когда вся территория страны оказалась более или менее равномерно покрыта сетью храмов, создание организации, которая могла бы осуществлять определенный контроль и управление целым слоем общества, обслуживавшим эти храмы и их прихожан, было объективной необходимостью и отвечало и наиболее общим интересам самой светской власти, однако сочувствия созданию такой организации, она стремилась обеспечить за собой возможность контроля за деятельностью новых административных органов. До обстоятельство, что чиновники церковного управления набирались из бояр и детей боярских дворов церковных иерархов, давало возможность государственной власти влиять на формирование его состава. Установленная в 69 главе решением Стоглавого собора норма, согласно которой "без царя ведома" епископы не должны были назначать или мещать своих бояр и дворецких⁹⁰, имела определенные аналогии в более ранней практике, когда,

например, Василий Дмитриевич "дал в бояре" митрополиту Киприану некоторых из своих приближенных⁹¹.

Еще более существенно другое обстоятельство: поскольку владичные наместники и десятильники были светскими лицами, они не принадлежали к числу "церковных людей", суд над которыми принадлежал исключительно епископам. Это давало возможность светской власти установить контроль за их действиями. Неслучайно dokonчание Киприана с Василием Дмитриевичем предусматривало, что действия "митрополита наместника" или "десятинника" могут быть обжалованы перед великим князем⁹². Тем самым перед носителем государственной власти открывались широкие возможности для вмешательства в отношения между светскими чиновниками иерархов и приходским духовенством, тем более, что dokonчание фиксировало размеры "пошлин" в пользу десятильников и великий князь становился тем самым гарантом соблюдения этих норм.

Dokonчание давало великому князю возможности и для вмешательства во взаимоотношения между разными слоями самого духовенства. Так, в нем фиксировались размеры пошлин, поступающих с приходского духовенства в пользу митрополита /"а зборное митрополиту имати с церкви шесть алтын, а заезда три деньги"/. Фиксация этой нормы в dokonчании да еще с уточнением "а больше того не надобе ничто"⁹³ превращала великого князя в арбитра в спорах, связанных со взиманием церковной дани. Другой статьей dokonчания от уплаты "зборного" в пользу митрополита освобождались те "соборные" церкви, которые и ранее, при митрополитах Феогносте и Алексее не вносили этого налога⁹⁴. Тем самым великий князь становился гарантом соблюдения и этих норм и защитником интересов одной из наиболее влиятельных групп "белого" духовенства от притязаний иерархии.

Мы располагаем и показаниями ряда источников, касающимися роли государства, как регулятора отношений между разными частями дельного сословия преимущественно и к дру-

гим сферам внутрицерковной жизни. К XVI в. утвердилось, как некоторая общая норма, что доход от "вечных пошлин" /плат, взимаемой священником при совершении обряда венчания/ в той или иной части поступал в пользу городского собора. Для отношений в Русском государстве следует считать весьма характерным, что такое право представлялось и гарантировалось светской властью. Так, в 1504 г. совместной грамотой Ивана III и его соправителя Василия Софийскому собору в Новгородѣ было предоставлено право сбора этих пошлин на всей территории Новгородѣ и новгородских пятин одновременно с установлением их размеров⁹⁵. Такими же актами светской власти было утверждено право на сбор "вечных" пошлин Успенского собора во Владимирѣ на территории владимирского посада⁹⁶ и Троицкого собора в Серпухове на территории Серпухова⁹⁷. Особенно интересен пример с Нижним Новгородом, где по грамоте Василия III /подтверждавшей, по видимому, более ранние пожалования/ сбор "вечных" пошлин делился пополам между "десятинниками" митрополита и братией Спаского собора. Государственной властью братии предоставлялось право в случае, если "который посп венчает по десятиничю знамени без их знамени", налагать на непослушных денежные штрафы и даже "отсылати от церквей прочь"⁹⁸.

Княжеская власть не только определенным образом регулировала отношения между отдельными частями, но и влияла на иерархические соотношения в их среде. Так, в 1479 г. при закладке церкви Иоанна Златоуста на московском посаде, церкви, которая, как показано выше, находилась под великокняжеским патронатом, Иван III "учини игумна у тоа церкви выше всех соборных попов и игуменов града Москвы и загородских попов"⁹⁹. Аналогичным образом рязанский князь Иван III, распорядившись поставить в Рязани церковь Иоанна Златоуста и наделить ее рогой, одновременно определил и место, которое должен занимать ее священник на службах в кафедральном соборе /"под соборными направо златоустой священник станет, а под ним Николы Старого священник"/¹⁰⁰.

Таким образом, рассмотренные выше административные реформы, усилив власть иерархии над низшими слоями духовенства, не привели ни к обособлению духовного сословия духовенства, не привели ни к обособлению духовного сословия от остального общества, ни к консолидации этого сословия на основе системы автономных учреждений, свободных от вмешательства светской власти.

Для полного представления о положении "церковных людей" в обществе и государстве следует остановиться еще на одной стороне дела. Значительная их часть, вовлеченная в сферу действия княжеского патроната оставалась в общем за рамками происходящих изменений. Ограничив определенным образом права патронов /частных землевладельцев и общинных организаций разного типа/, княжеская власть вовсе не собиралась ограничивать собственные права по отношению к храмам и обителям, находясь в сфере ее влияния. Более того, количество таких учреждений со временем увеличивалось. В судебном деле 1479 г., как находящиеся под великокняжеским патронатом упоминаются такие московские обители, как "Спас на Москве да Пречистая на Симонове да Никола на Угреше"¹⁰¹ — два последних возникли, как известно, лишь во второй половине XIV в. Как возникли также обители и оформлялся их статус, показывает грамота Дмитрия Донского. Констатируя, что "игумен Афанасий поставил монастырь на моей земле", великий князь запретил въезд в монастырь митрополитским десятильникам и их тиунам, а все претензии к преемнику Афанасия, Савве, должны были рассматриваться общим судом великого князя и митрополита¹⁰².

Правда, в процессе борьбы за объединение русских земель подчас возникала такая ситуация, когда церковным иерархам удавалось установить свою юрисдикцию над отдельными обителями. Так, чтобы ослабить удельного белозерского князя Михаила Андреевича, Иван III содействовал переходу Кирилло-Белозерского монастыря под юрисдикцию ростовского архиепископа Вассиана¹⁰³. Даже, однако в подобных ситуациях происходила просто смена удельно-княжеского пат-

р. ната на великокняжеский¹⁰⁴. Но главное — великий князь решительно пресекал подобные действия иерархов, когда они затрагивали его интересы. Характерна реакция Ивана III в том случае, когда упоминавшийся выше ростовский архиепископ Вассиан отобрал у устюжского собора две деревни, "великого князя данья" и стал посылать для суда над устюжскими попами своих десятинников. Иван III приказал устюжскому тиуну передать деревни собору, а от архиепископа потребовать выдать соборному причту "несудимую" грамоту, "чтобы протопопа и его товарищей и их причт ... и крестьян их ... не судили бы их ни в чем"¹⁰⁵.

Упомянутая здесь "несудимая" грамота была тем документом, который оформлял особый статус той /весьма значительной/ части духовенства, которая продолжала находиться под княжеским /к концу XV в. прежде всего — великокняжеским/ патронатом. В общем виде роль таких документов неоднократно отмечалась исследователями XIX — начала XX вв.¹⁰⁶ Такая грамота могла быть дана священникам одной или нескольких приходских церквей или скитии монастыря. Примером грамот первого рода может служить грамота Василия III священникам приходских церквей принадлежат Троице-Сергиеву монастырю села Присек — княжеского вклада в эту обитель. Великий князь запретил десятинникам Бежецкого епарха, их тиунам и доводчикам "всылать" к причту этих церквей и взимать с них пошлыны и кормы. Той же грамотой устанавливалась подсудность причта великому князю или его зведенному боярину¹⁰⁷. Тем самым священники и дьяконы этих церквей оказывались практически за рамками церковной юрисдикции. Примером аналогичного пожалования обители может служить грамота Ивана III 1465 г. Сновидскому монастырю во Владимирском уезде. По этой грамоте владимирским наместникам митрополита и медушским десятинникам также запрещалось "всылать" и "въезжать" в монастырь и судить братию и устанавливалась подсудность игумена великому князю¹⁰⁸. Эта грамота

представляет особый интерес, так как была дана одному из "домовых" монастырей московской митрополии¹⁰⁹, который до этого явно не мог находиться под великокняжеским патронатом. Таким образом, великокняжеский патронат мог распространяться не только на заново возникшие обители, но и на те церковные учреждения, которые ранее не находились в зависимости от великокняжеской власти.

Действительно, как показал С.М. Каштапов, в 1499-1500 гг. грамоты аналогичного содержания, отменявшие юрисдикцию архиепископа и уплату "пошлин" в пользу кафедр и запрещавшие десятиникам и другим "людям владычнем" въезд в монастырские земли, были даны, например, ряду новгородских обителей¹¹⁰, которые также ранее явно не могли находиться под патронатом великого князя.

Все это никак не могло способствовать оформлению и консолидации духовного сословия.

Определенный и достаточно крупный шаг в этом направлении был осуществлен лишь решениями Стоглавого собора 1551 г.¹¹¹

Собор прежде всего сделал много для развития низовых структур в среде приходского духовенства. Так, было принято решение о повсеместном создании института "поповских старост" — должность, которую должны были занимать духовные лица в сане протопопа, помощь им должны были оказывать "десятники" из числа простых священников /гл. 6 "Стоглава"/. Именно на эти органы возлагалось теперь наблюдение за образом жизни духовенства и правильностью исполнения обрядов, на них /а не на "десятников"/ возлагались теперь обязанности по сбору дани в пользу кафедры и различных церковных пошлин /гл. 29, 34, 38 и 69/.

Одновременно существенной реорганизации подверглась вся судебная система церкви. Значительный раздел в решениях собора составил специальный трактат, в котором с использованием материалов императорских новелл и церковных соборов доказывалось, что не подобает "князем, и

бояром, и всяким мирским судиям священнического и ино-
ческого чина на суд привлечати" /гл. 53-66/. Именно эта
идея определяла характер намеченных изменений, хотя прак-
тически решениям было достаточно далеко до провозглашения
идеала. Лишь по отношению к игуменам и строителям мона-
стырей единственной судебной инстанцией по всем делам
стал суд владыки /гл. 68/. Суд владыки /или назначенно-
го им духовного лица/ провозглашался единственной судеб-
ной инстанцией и для всех людей "духовного чина" в целом
за исключением дел о татьбе, душегубстве и разбое с по-
личным, которые должны были рассматриваться "градскими
судьями по царскому закону". На практике, однако, собор
отступил и от этой декларации. По светским - "граждан-
ским" делам по-прежнему сохранялся суд светских лиц - бо-
яр и десятильников над приходским духовенством лишь с тем
важным нововведением, что в состав суда вместе с ними
должны были войти "поповские старосты", получившие право
обжаловать неправильные действия судьи. "Поповские ста-
росты" должны были войти также в состав смешанного суда
для разбора споров между духовными и светскими лицами
/гл. 67-68/. Таким образом хотя светский административ-
ный аппарат по управлению духовенством продолжал сохра-
няться, его компетенция была сильно ограничена, а судеб-
ная деятельность поставлена под контроль представителей
корпоративных организаций приходского духовенства. Нако-
нец, важное значение в деле консолидации духовного сосло-
вия должна была иметь провозглашенная в 67 главе Стогла-
ва отмена несудимых грамот, так что теперь в сферу дей-
ствия церковного административного аппарата должно было
войти все духовенство страны. Получило определенное от-
ражение в Стоглаве и стремление иерархии поставить под
свой контроль поставление и перемещение священников, ог-
раничив права патროнов. Такие попытки предпринимались
еще до созыва Стоглавого собора. Так, в грамоте новго-
родского архиепископа Макария и псковскому духовенству
1528 г. указывалось, что кандидаты, присланные на "став-
ление", должны иметь грамоты от владычно: о наместника и

старост псковских "соборов" о его приходе и летех и которой церкви известно, а стѣвленик бы был грамоте горазд". Одновременно архиепископ предписывал своему наместнику "того беречь накрепко, чтоб без моего ведома от церкви игуменов и священников и диаконов не отсылали, а иных попоряживали"¹¹². В 41 главе Стоглава была также осуждена практика "уличан" в Новгороде, которые не желают принимать кандидатов, присланных епископом, "хотя грамоте горазд и чувствен".

Замеченная в "Стоглаве" программа реформ представляла собой важный шаг по пути консолидации духовного сословия и определенного обеспечения его автономии, хотя в случае ее полного осуществления русской церкви было бы еще далеко до тех результатов, которые церковь в Польше и Чехии добилась к рубежу XIII-XIV вв.

Эти реформы проводились в то время, когда процесс формирования сословий в русском обществе в целом продвинулся уже достаточно далеко. Разбывая решения Стоглава, Н.Е. Юсов справедливо отметил, что они были частью общего обозначившегося в середине XVI в. процесса перехода функций управления на места в руки сословных организаций дворянства, горожан и черносошных крестьян¹¹³. Не случайно в суде владычных бояр и десятинников вместе с поповскими старостами и десятскими священниками должны были участвовать "градские" и "земские" старосты, лица, стоявшие во главе соответствующих сословных структур светского общества. Поэтому проведенные в XVI в. меры по консолидации церковного сословия не могли являться образцом для консолидации других сословий русского общества.

К этому следует добавить, что провозглашенные Стоглавом реформы были осуществлены лишь частично и не только особенно в той части, которая затрагивала интересы светской власти. Это убедительно показало С.М. Каштановым применительно к той части решений "Стоглава", которые предусматривали установление "светительского суда"

над монастырской братией и приходским духовенством^{II4}. Правда, из царской канцелярии в начале 50-х гг. вышло немало грамот и подтверждений: на ранее выданных грамотах предусматривавших подсудность настоятелей и братии монастырей /а в ряде случаев и сельского духовенства их владений/ митрополиту и епископам. Грамоты с призыванием за ними соответствующих прав получали от царя и епископы^{II5}. Вместе с тем целый ряд грамот, содержащих нормы о подсудности настоятеля великому князю или о его подсудности иерарху лишь "в духовном деле" были подтверждены без всяких изменений. А самое главное - выдача жалованных грамот, ограничивавших юрисдикцию епископской власти возобновилась еще при жизни митрополита Макария^{II6}. При этом против проведения реформы активно выступала часть самого духовенства. Так, после протеста братии Новгородского Юрьева монастыря была отменена жалованная грамота, устанавливавшая ее подсудность архиепископу Новгородскому по всем делам, и было установлено, что братия будет подсудна архиепископу лишь "в духовном деле". При этом братия настаивала, чтобы и "в духовном деле" суд производился лишь "с ведома" великого князя^{II7}.

И решения Стоглава /гл. 67/ и рассылавшиеся на места инструкции исходили из того, что в случае возникновения споров в процессе проведения реформы именно царская власть будет выступать в качестве высшей апелляционной инстанции. Так, в наказе от декабря 1551 г. новоизбранным "поповским старостам" предоставлялось право жаловаться на десятильника владыке", а не управит владыка, и священником о том писати ко мне, царю... и десятильнику владычню от меня, царя и великого князя, быти в великой опале"^{II8}. Так понимали дело и сами церковные иерархи. Недовольный установленными в 1551 г. размерами "подъезда" с псковского духовенства новгородский архиепископ Пимен в 1555 г. апеллировал не к митрополиту и не к церковному собору, а именно к царю, чтобы добиться бла-

гоприятного для себя решения¹¹⁹. Так же поступил в 1569 г. рязанский епископ Сергей, вступивший в спор с коломенским владыкой Иосифом из-за церковной принадлежности Данкова¹²⁰.

Таким образом, есть основание полагать, что определенная консолидация духовенства, как сословия, создание и усложнение форм организации представителей этого сословия не сопровождались сколько-нибудь существенным ослаблением его зависимости от государственной власти.

§ 3. Попытки реформ и кризис традиционных структур на Украине и в Белоруссии

Рассмотрение вопроса о развитии отношений между государственной властью и духовенством на территории Великого княжества Литовского и Польского королевства рационально начать с выяснения вопроса, были ли здесь в XIV в. осуществлены реформы, подобные тем, что были проведены в Великом княжестве Московском. Ставить так вопрос есть все основания, так как в правление Киприана и его преемнике Фотия все восточнославянские земли объединяла одна митрополия. Действительно в грамотах удельных князей Мстиславля в XV в. и в некоторых документах начала XVI в. упоминаются десятильники, наделенные судебными функциями по отношению к приходскому духовенству¹²¹. Данные эти относятся только к территории Белоруссии и настолько немногочисленны, что, учитывая общую массу касающихся церкви актов материалов XV — раннего XVI в., можно прийти к выводу, что этот институт на почве Великого княжества Литовского не получил развития. Административная власть духовных иерархов осуществлялась через традиционный институт владычных наместников, деятельность которых была мало эффективной не только из-за сохранения весьма широких прав за патронами, но и потому что в управлении наместников оказывались слишком обширные территории¹²².

Уже исследователи прошлого века справедливо указывали, что неразвитость административного аппарата в известной мере компенсировалась развитием многообразных функций "клироса", как коллективного органа управления епархией¹²³. Повышение роли этого органа нашло свое выражение в изменении положения главы клироса — протопла. В XVI в. протопл все чаще занимает пост владычного наместника, так что к началу XVII в. термины "протопл" и "наместник" становятся синонимами¹²⁴. В XVI в. появляются соглашения, определяющие распределение обязанностей по управлению епархией и различных церковных доходов между клиросом и епископом¹²⁵.

В руках клироса продолжала сохраняться обязанность готовить кандидатов в священники и дьяконы и проверить их пригодность. Члены клироса участвовали вместе с епископом в поставлении священников и освящении церквей на территории диоцеза и делили с ним соответствующие доходы. Клирос постепенно приобретал черты административно-судебного органа управления епархией, осуществляя контроль за образом жизни священников, рассматривая дела о совершенных ими нарушениях и взимая в свою пользу часть судебных штрафов. Важной функцией клироса были надзор за сохранностью церковного имущества на территории епархии. Становилось постепенно правилом, что сделки, касавшиеся имущества кафедры, епископ должен был совершать лишь с согласия клироса. В ведение этого органа поступало имущество кафедры в случае смерти епископа и приходской церкви в случае болезни или смерти священника. Клирос вместе с епископом представлял епархию при сношениях с государственной администрацией, подавал, например, жалобы на поругание храмов и оскорбления священников.

Важно, что при этом изменялся и характер клироса, как организационной структуры. Из группы священников кафедрального собора клирос превратился в объединение священников приходских церквей главного города епархии. Они совместно совершали службу в кафедральном соборе /распреде-

лив ее между собой по неделям/ и делили между собой его доходы. Глава клироса – протопоп избирался членами этого объединения и лишь утверждался епископом¹²⁶.

Все сказанное позволяет охарактеризовать клирос, как своего рода корпоративную организацию целого слоя духовенства, а формирование клироса именно в таком виде и приобретение им описанных выше функций следует расценивать, как важный шаг по пути формирования духовного сословия.

Однако нарисованная выше картина применительно к XV–XVI вв. отражает скорее тенденции в развитии данного института, чем его реальное место в церковной жизни того времени. Так, изучение имущественных сделок духовных иерархов, касавшихся владений их кафедр, показало, что еще и во 2-ой половине XVI в. участие в них клироса стало правилом далеко не во всех епархиях. Например, клирос луцкой кафедры стал постоянно участвовать в совершении сделок лишь с 80-х гг. XVI в.¹²⁷ Епископы не склонны были признать за клиросом столь широкие права, стремясь сохранить в своих руках и сбор церковных доходов и управление приходами, назначая своих заместителей не из числа клирошан, а из черного духовенства¹²⁸. Следует учитывать также, что соглашение архиепископа львовского с клиросом, явившееся одним из главных источников при характеристике этого института, было составлено в условиях, когда львовская кафедра была восстановлена после очень длительного перерыва, и уже поэтому его условия было бы неосторожно считать типичными. В отличие от своего аналога в латинском мире – "капитула" /этим термином клирос подчас и обозначается в документах XVI в./ клирос не имел никакого отношения к избранию епископов – назначения на кафедры продолжали находиться всецело в руках великого князя. Это обстоятельство заставляет перейти к вопросу о том, в какой мере охарактеризованный выше институт патроната продолжал в XV–XVI вв. быть препятствием на пути формирования духовного сословия, как самостоятельной и автономной корпорации.

Уже из данных, приведенных в предшествующем разделе, видно, что великокняжеский патронат над церковными кафедрами и духовенством на территории господарских земель продолжал сохраняться в основном в своих традиционных формах. В частности притязания клироса на заведование имуществом кафедры в период "с дисвакации" формировались в борьбе с традиционным к этому времени аналогичным правом великокняжеской администрации. Лишь в 1589 г. Сигизмунд III признал в общем порядке за клиросом такое право¹²⁹. Что касается причта "замковых" церквей, то о их взаимоотношениях с духовной иерархией можно судить по грамоте Сигизмунда III 1592 г. священникам "замковой" церкви св. Дмитрия в Пинске. Единственной обязанностью церковного причта по отношению к епископу было участие в соборной службе в некоторые самые большие праздники, но и то "за ведомостью и за дозволением уряду замкового". В случае совершения священниками каких-либо проступков "в делах духовных" они должны были сообщать об этом представителю "уряда", который и рассматривал дело вместе с епископом¹³⁰. Образным выражением такой ситуации могут служить слова обращенные "замковыми" священниками Киева в середине XVI в. к митрополитскому наместнику: "мы о тебе, вряднику, мало добаем; есть мы подаванье замковое, волен над нами пан воевода и врядники его"¹³¹. Таким образом, здесь, как и в Московской Руси, часть духовенства, находившаяся под великокняжеским патронатом, и во второй половине XVI в. оставалась фактически за рамками формирующегося духовного сословия.

Вместе с тем на положение "церковных людей" в обществе оказывали влияние и те изменения в характере патроната над духовенством, которые происходили на протяжении XV-XVI вв. Изменения эти были связаны прежде всего с ростом частного феодального землевладения в Великом Княжестве Литовском и на украинских землях Польши в XV-XVI вв. Освобождение владений светских феодалов Великого Княжества и Польши от уплаты основных государственных налогов привело к тому, что, стремясь преодолеть финансовые за-

труднения, монархия Ягеллонов была вынуждена отчуждать господарские земли в руки светских феодалов. Вместе с землями, отходило к частным владельцам и право патроната над находившимися на этих землях церковными учреждениями¹³². Факты такого рода в XV-XVI вв. были столь многочисленны, что М.Ф.Владимирский-Буданов даже пришел к выводу, что сам институт частновладельческого патроната возник в результате королевских /великокняжеских/ пожалований¹³³.

Тем самым церковная иерархия, стремясь утвердить свою юрисдикцию над приходскими храмами и монастырями, сталкивалась теперь с интересами не только монарха и лиц, представляющих его власть на местах, а со всем слоем феодалов-землевладельцев. Превращение приходского храма в интегральную часть феодальной сеньории, когда сеньоры склонны были смотреть на церковный причт, как на одну из групп своих "подданных", происходило в условиях начинавшегося закрепощения, что делало положение приходского священника особенно уязвимым. В этом плане заслуживает внимания история Михаила, священника церкви Покрова в имении волынского "землянина" Лаврентия Древинского¹³⁴. Вступив в конфликт с "землянином", священник, "будучи себе человеком волыным", "приказался" в имение княгини Саракской и привез от нее "лист" к Древинскому, чтобы тот священника "добровольно зо всем з именея своего выпустил". Несмотря на это Древинский посадил попа Михаила в тюрьму и захватил его имущество. Юные патроны стремились не только присвоить себе всю пользу власти над духовенством в своих владениях, но и юрисдикцию в "справах духовных" /например, осуществление разводов и взимание за это пошлин/, которые по традиции относились к ведению церкви¹³⁵. Аналогичным образом эти крупные феодалы вели себя и занимая административные посты старост и державцев господарских имений¹³⁶. Подобные попытки были тем более успешными, что православие в государствах Ягеллонов перестало быть государственной религией, и православное духовенство

во не имело своего представительства в органах государственной власти.

К рубежу XV-XVI в. относится ряд попыток духовной иерархии изменить это положение. Конец XV в. по-видимому, следует датировать окончательное составление западно-русской редакции церковного Устава Ярослава - "Святка Ярослава" именно в это время представленного церковными иерархами на утверждение великокняжеской власти. Устав вводил высокие денежные штрафы на тех "властелей", "князей" и бояр, которые попытались бы осуществлять своей властью разводы /ст. 4/ или оказывать поддержку епископу, низложенному митрополи ем. Особенно острой была санкция для тех, кто попытался бы "в каком либо деле" "заступовати" священника от епископа - главы его диоцеза: помимо штрафа виновные у грожало "погубление ктиторства" /ст. 5/137.

Важное добавление к указанным установлениям, составленное также очевидно по просьбе духовных иерархов, обнаруживается в тексте великокняжеских подтверждений "Святка Ярослава" 1499 и 1502 гг. Подтверждая традиционное право светского патрона "подавать" священника для своей церкви, великий князь отмечал, что патрон не имеет права удалить такого священника из церкви "без осмотра и воли митрополичьей"138.

Поднятая здесь тема взаимоотношений священника и патрона получила дальнейшую разработку в решениях Виленьского церковного собора 1509 г. 8 правило решений этого собора воспроизводило форму, зафиксированную в подтвержденных "святка" с тем существенным уточнением, что, если патрон самовольно выгони священника, то новый священник для этой церкви не будет поставлен. 9 правило собора устанавливало, что епископ имеет право сам поставить священника, если патрон /"князь или боярин"/ в течение трех месяцев не представит кандидата на освободившееся место. Священнику, избранному патроном для своего храма без благословения епископа, угрожала потеря сана139.

Весь этот комплекс мер, затрагивая вопроса о стату-

се находящегося под властью патронов церковного имущества и распределении доходов от него, был направлен лишь на распространение хотя бы каких-то элементов власти епископа на духовенство, находящееся под властью патронов. В случае осуществления на практике всех этих мер был бы сделан важный шаг по пути консолидации всего православного духовенства на украинско-белорусских землях в единое сословие.

В работах православных историков церкви XIX – начала XX вв. общим местом было обвинение в расстройстве церковной жизни в этом регионе и отсутствии здесь эффективной церковной организации прежде всего правителей из династии Ягеллонов, подчас за их поступками усматривали скрытую цель – способствовать упадку православной церкви и тем самым торжеству католической. Неосновательность таких обвинений была убедительно показана польским исследователем истории православной церкви К. Ходыницким¹⁴⁰.

Действительно, хотя Ягеллоны заботились прежде всего об укреплении позиций католической церкви, наделяя ее такими привилегиями, которых православная церковь не имела, создание единой эффективно действующей организации православного духовенства вполне отвечало их интересам. Тем более, что такие реформы усиливали бы положение православных иерархов, которые всецело зависели от великого князя и предложенные ими меры не предполагали ослабления этой зависимости, /решения виленского собора не предусматривали какого-либо ограничения прерогатив монарха в деле раздачи церковных бенефициев, в них допускалось лишь моральное увещание монарха в случае нарушения им соборных постановлений/. Уже двукратное подтверждение "свитка Ярославля" великим князем Александром говорит о том, что предложенные иерархами меры были поддержаны великокняжеским правительством. И это не единственное свидетельство такого рода. Так, сохранилось решение великого князя Александра по делу о споре между туrowsким епископом Вассианом и пинскими князьями Иваном Ярославичем и Федором Ивановичем. Великий князь запретил

пинским князьям строить церкви и "подавать" в них священников "без воли и без благословенья владычного", налагать на них наказания по собственной инициативе, препятствовать епископу или его наместнику—"протопопу" при объезде епархии. За нарушение этих запретов устанавливался штраф— "три тысячи коп литовских"¹⁴¹. В 1511 г. преемник Александра, Сигизмунд I снова подтвердил Бормы "Свитка Ярославля"¹⁴². Известен и ряд других актов этого правителя от окружной грамоты 1508 г. мещанам городов до окружной грамоты 1533 г. "князьям и панам" Великого княжества¹⁴³ с запретом вмешиваться в церковную юрисдикцию и препятствовать осуществлению власти епископов над "церковными людьми". В некоторых из этих документов встречаем указание на назначение великим князем своих "дворян" то для осуществления суда вместе с владычным наместником¹⁴⁴, то для того чтобы "ставить" непослушных попов, пользующихся опекой патронов, на суд владыки¹⁴⁵.

По ряду важнейших особенностей, как видим, положение в Великом Княжестве Литовском на рубеже XV—XVI вв. обнаруживает сходство с положением существовавшим в Великом княжестве Московском ко времени проведения там церковных реформ. Итог, однако, оказался разным. Если московским великим князьям удалось ограничить права патронов и создать эффективно действующий административный аппарат церкви, то меры, принятые великими князьями литовскими желаемых результатов не дали. Грамоты подобного содержания продолжали рассылаться на места и в дальнейшем¹⁴⁶, что свидетельствует о малой эффективности принимавшихся мер, а в прошении, поданном Сигизмунду II в 1538 г. от имени православного духовенства митрополитом Ловной, слова на первом месте стояли жалобы на вмешательство светских людей в "справы духовные"¹⁴⁷.

Дело было не в недостатке доброго желания у правителей, а в реальном соотношении сил, когда с постепенным уменьшением господарского домена уменьшалась и руководя-

чая роль монархии в обществе, ее способность проводить реформы противоречившие интересам крупных феодалов. Некоторые Просвещенные представители этого слоя /как например, кн. К.И.Острожский/ были готовы сотрудничать с духовной иерархией в деле укрепления церковной дисциплины и повышения нравственности духовенства, но на основе добровольной договоренности, а не ценой отказа от какой-либо части своих патронатных прав.

Некоторых пояснений заслуживает в этой связи практика раздачи церковных бенефициев Ягеллонами, всегда вызвавшая острую критику историков православной церкви и находившаяся в явном противоречии с их попытками создать подчиненную себе эффективную церковную организацию.

Дело было даже не столько в осужденной еще правилами Виленского собора 1509 г. практике так наз. "экспектатив", то есть раздачи церковных бенефициев еще при жизни занимавших их лиц¹⁴⁸. Раздача "хлеба духовного" все более использовалась как форма вознаграждения светских людей, часто стоявших достаточно далеко от духовного сословия или даже просто принадлежавших к другому исповеданию. Так, известно, что экспектатива на владимирское епископство была дана католяку С.Жолкевскому, отцу знаменитого гетмана¹⁴⁹. В том же городе монастырь св. Спаса был отдан королем одному из своих дворян вместе с его сыновьями. Передавая всю полноту прав управления монастырем этой семье, король разрешил ее членам не принимать духовного сана, а владимирский староста должен был следить за тем, чтобы владимирский епископ не предъявлял к ним такого требования¹⁵⁰. Это было крайним проявлением той практики, которая в правление Сигизмунда II Августа приняла столь широкие размеры, что в 1565 г. шляхта Великого княжества обратилась к королю с просьбой раздавать церковные бенефиции лишь пригодным для этого ученым людям¹⁵¹, а в 1568 г. и митрополит от имени православного духовенства просил, чтобы церковные достоинства не давали светским людям¹⁵².

Сигизмунд II был достаточно опытным политиком, чтобы

понимать, что для эффективной деятельности подчиненной ему церковной организации не следует раздавать церковные учреждения своим дворянам. Однако он оказывался в ситуации, не дававшей ему большого выбора. Из-за увеличения податных привилегий светских феодалов состояние государственных финансов было постоянно напряженным. Когда началась Ливонская война, оно и вовсе стало критическим. Задача извлечения средств любой ценой выдвинулась на первый план. Уже составители правил Виленского собора 1509 г., осуждая предоставление экспектатив, отмечали, что они давались за деньги¹⁵³. В описанных выше условиях раздача "хлеба духовного" должна была стать прежде всего средством получения доходов и погашения претензий (пожалование бенефиция могло заменить жалование), а все остальное по сравнению с этим не имело значения.

Таким образом, монарх оказался не в состоянии использовать свои права патроната для организации эффективного, соответствующего интересам государства управления православной церковью. Кризис института государственного патроната над церковью, как реликта раннефеодальной системы, был неизбежен в условиях социальных сдвигов, приведших к созданию сословной монархии, где имел место раздел власти между монархом и общегосударственной организацией светских феодалов.

Кризис государственного патроната представлял собой лишь одну сторону картины, другую составляли попытки разных общественных сил поставить под контроль отдельные церковные учреждения или целые их объединения.

Для взаимоотношений церкви и общества на рубеже XV-XVI вв. можно считать характерным, что в грамоте великого князя Александра киевской митрополии 1499 г. в качестве лиц, вмешивающихся в "церковные sprawy", фигурируют наряду с князьями, папами и державцами "войтове, бурмистрове и радцы" городов, приобретших самоуправление на магдебургском праве¹⁵⁴. Приобретение городской общиной самоуправления с освобождением от власти наместничьей администрации служило естественной предпосылкой для после-

дующих попыток этой общины поставить под свой контроль находящиеся на ее территории храмы.

Сложность положения с правовой точки зрения заключалась в том, что эти храмы находились под великокняжеским патронатом, и это положение формально не отменялось¹⁵⁵. Подборка документов, касающаяся столицы Великого княжества, города Вильно позволяет судить, какие изменения происходили во взаимоотношениях городской общины и городских церквей. Начальный этап взаимоотношений позволяет выяснить грамота митрополита Иосифа вилеиским мещанам 1511 г.¹⁵⁶. Из нее видно, что уже при его предшественнике, Макарии /убит в 1497 г./ вилеиские мещане пытались описывать церковное имущество после смерти священника, позднее имели место и факты поставления отдельных священников по просьбе мещан и случаи, когда именно городские власти вручали им церковные ключи. По соглашению достигнутому с митрополитом за городской общиной было признано право представлять митрополиту своих кандидатов на приходы, приносить ему жалобы на неподобающее поведение священника, представители общины получили возможность участвовать в описи имущества церквей вместе с митрополичьим наместником.

В 1542 г. митрополит Макарий передал мещанам свое право "подаванья" в вилеиских церквях. Это решение было отменено господарем, как заключенное без его ведома¹⁵⁷. Вскоре, однако, Сигизмунд I собственной грамотой предоставил вилеискому магистрату право избирать священников вместе с протопопом и двумя попами /членами клироса?/, а обязанности митрополита ограничивались их поставлением¹⁵⁸. К 60-м гг. XVI в. магистрат Вильна стал полным хозяином церковных бенефициев на подвластной ему территории. Наиболее красноречивым свидетельством может служить прошение попа Леонтия /1566 г./ городским советникам его "хлебом духовным ... з ласки своей панское даровати"¹⁵⁹. В те же годы митрополит Сильвестр в ответ на жалобы вилеиских мещан на городских священников, зало-

живших для своих нужд церковное имущество, нашел нужным разъяснить, что за действия этих священников кафедра не может нести ответственности, так как "ваши милости рачите попов обирати, а не мы"¹⁶⁰.

Параллельно с действиями городских общин, можно выделить и действия дворянских объединений, пытавшихся утвердить свой коллективный патронат над церковными объектами, находящимися под патронатом великокняжеской власти. Пойти на определенные уступки таким требованиям великокняжеская власть была вынуждена уже в первые десятилетия XVI в. В 1511 г. "князьям, паном и земляном" Волинской земли было предоставлено право предлагать своего кандидата на пост архимандрита Мидичинского монастыря¹⁶¹, а в 1522 г. аналогичное право было предоставлено феодалам Киевской земли в отношении монастыря Киево-Печерского. "А мы на жаданье их маем тому тую архимандритию дати, кого они оберут", — указывалось в грамоте¹⁶². Позднее, однако, государь назначал архимандритов в оба монастыря без всяких рекомендаций местных феодалов¹⁶³.

С середины XVI в. местом, где отдельные группы шляхты и дворянского сословие в целом стали выражать свое отношение к порядкам в православной церкви и формулировать свои требования, стали сеймы. Уже в 1551 г. шляхетские послы просили "абы кождая парьсона стапу духовного так Римского як и Греческого закону двох або трех костелов, то есть хлебов духовных, не держали"¹⁶⁴, высказав тем самым явное недоверие существующей практике раздачи бенефициев. Не ограничиваясь этим, организации шляхты пытались и прямо вмешаться в управление центрами церковной власти и раздачу бенефициев. Так, в 1559 г., уступая требованиям полоцкой шляхты, великий князь согласился на то, чтобы двое полоцких бояр стали "опекунами" дома св. Софии, которые должны следить за сохранностью церковного имущества¹⁶⁵. Еще ранее, в 1558 г. в акте номинации Глеба Корсика на полоцкое архиепископство было отмечено, что он избран "за жаданьем воеводи... и папов бояр земли полоц-

ков¹⁶⁶. То же повторилось при номинации в 1562 г. Арсения Шипки¹⁶⁷.

Примеру полочан пыталась последовать волынская шляхта, потребовавшая в январе 1566 г. "давать" епископские кафедры во Владимире и Луцке и архимандрию в жидичине лишь тем, о которых будет "все посольство земли Волынского писати и чолом его королевской милости бити"¹⁶⁸. Это требование было отклонено Сигизмундом II, но это, конечно, не положило конца активности шляхты.

Показательные примеры такой активности дает история возвышения последнего доуниатского митрополита Михаила Рагози. Попытка преемника Сигизмунда II, Стефана Батория отдать монастырь Вознесения Христова в Минске шляхтичу-католику С. Достоевскому столкнулась с сопротивлением минского каштеляна Яна Глебовича и шляхты Минского повета, настоявших на передаче монастыря православному "землянину" того же повета Михаилу Рагозе¹⁶⁹. Когда в 1589 г. Рагоза стал главой православной церкви в Речи Посполитой — киевским митрополитом, в акте номинации было отмечено, что православные "панове рада и рыцарство" Великого Княжества Литовского "обравши" на этот пост Рагозу и "подавши" его королю, просили о его утверждении¹⁷⁰. Таким образом, замещение главного из церковных бенефициев в Великом княжестве к концу XVII в. оказалось в зависимости от решения объединения местных феодалов.

Все эти изменения, о которых говорилось выше, были отражением в сфере отношений с церковью протекавшего на украинско-белорусских землях общего процесса формирования сословий, сопряженного с перестройкой их отношений с монархией, переходом в руки сословных организаций ряда функций управления.

Поскольку сословия складывались здесь в формах близких к центрально-европейским /самоуправляющиеся города на "немецком" праве, дворянские организации с органами представительства в центре и на местах/, тем более ясно выступает здесь специфика интересующего нас явления. Быстрого формирования "духовных людей" в единое сословие со своими

автономными институтами и организацией здесь не произошло. Напротив процесс формирования такого сословия оказался заторможенным. В результате попытки сословий подчинить себе церковные учреждения, характерные для этапа существования уже сложившегося сословного общества, предприняты были в Восточной Европе не после, а до завершения процессов формирования духовного сословия.

Сопоставляя между собой оба варианта общественного развития на территории Восточной Европы – в Московской Руси и Великом княжестве Литовском, можно прийти к общему выводу отрицательного порядка. Формирование церковного сословия не определило здесь процесс формирования других сословий и духовное сословие не выполняло исторической роли своеобразного образца – модели для их развития. Напротив процесс формирования церковного сословия оказался здесь /как показывает прежде всего материал с территории Великого Княжества/ более медленным по сравнению с другими частями общества, а система возникших в раннефеодальный период институтов особенно прочной.

Тем самым общество Восточной Европы не получило на ранних этапах формирования сословий тех импульсов развития, какие дали центральноевропейскому обществу XIII в. церковные реформы, тем более что государства этого региона находились за пределами той церковной организации, в рамках которой эти реформы происходили.

Примечания

1. Со этих сторонах положения польской и чешской церкви в раннесредневековом обществе см.: Abraham W. Organizacja kościoła w Polsce do połowy wieku XIII. Poznań, 1962; Křížka K. Kurie a církevní správa uží českých v době předhusitské. – Český časopis historický. 1904, s. 21-30, 249-253; Hrubý F. Církevní zřízení v Čechách a na Moravě od X do konce XIII století a jeho poměr ku státu. – Český časopis historický. 1916, s. 27-34, 40-51, 287-286, 385-399.

2. См. рассказ польского хрониста Виленца Кадлубка: МРН . 1 II. Львов, 1872. Кs. IV, 2 і п.

3. В Чехии право свободной элекции епископов было признано Пржемыслом I в его грамоте 1106 г.

оломоуцкому капитулу (Krofta K. Kurie..., s.254-256) ; в Польше первые выборы епископа капитулом состоялись в Кракове в 1208 г. (Abraham W. Pierwszy, spór kościelno-polityczny w Polsce.- Rozprawy Akademii Umiejętności. Wydz. hist.-filoz. Ser. II. T.7 (32), Kraków, 1895, s.300, 304, 314-315).

4. Vetulani A. Statuty synodalne Henryka Kietlicza. Kraków, 1938, s.12. Позднее известно о наложении санкций на лиц, нарушивших это постановление (Abraham W. Privilegium fori duchowieństwa w ustawodawstwie kościoła polskiego w wieku XIII.- Collectanea theologica. T.XVII. Lwów, 1936, s.3).

5. Krofta K. Kurie..., s.261. 6. Епископ сообщал, что князь в случае их неявки в суд налагал арест на имущество духовных лиц. Abraham W. Privilegium..., s.3.

7. Krofta K. Kurie..., s.263-264.

8. Krofta K. Kurie..., s.386 i n.; Abraham W. Privilegium..., s.8 i n.

9. Решения Серадзского синода 1233 г. и Серадзского синода 1262 г. запрещали вообще вызывать клириков в светский суд (Antiquissimae constitutiones synodales provinciae Gneznensis. Ed. R.Hube. Petropoli, 1856, s.6, 52), а статут кардинала Гвидо 1266 г. устанавливал санкции для светского лица, которое вызвало бы клирика в светский суд (Ibid., s.65).

10. См. подробнее : Abraham W. Privilegium..., s.6 i n.; Historia Śląska od najdawniejszych czasów do roku 1400. T.II, z.1. Opr. T.Silnicki. Kraków, 1939, s.271.

11. Krofta K. Kurie..., s.386.

12. Krofta K. Kurie..., s.261.

13. CDB. T.II. Praha, 1912. NN 209, 212.

14. Krofta K. Kurie..., s.269 i n.

15. Regesta diplomatica nec non epistolaria Bohemiae et Moraviae. T.II. Praha, 1872. N 845.

16. Krofta K. Kurie..., s.273.

17. Fiala Z. Správa a postavení cirkve v Čechách od počátku XIII do poloviny XIV století.- Sbornik historický. III. Praha, 1955, s.73.

18. FRB. T.IV. Praha, 1893. P.367.

19. Fiala Z. Správa..., s.86-87.

20. Abraham W. Początki prawa patronatu w Polsce. Lwów, 1989, s.43.

21. Antiquissimae constitutiones..., s.32-33.

22. Ibid., s.107 i n.

23. Abraham W. O powstaniu dziesięciny swobodnej.- Biblioteka warszawska, 1891. N 4, s.172 i n.

24. Uminski H. Henryk arcybiskup gnieźnieński zwany Kietliczem (1199 - 1219). Lublin, 1926, s.46-49.
25. Krofta K. Kurie..., s.261-263.
26. Krofta K. Kurie..., s.375-377; Fiala Z. Správa..., s.68-69.
27. Krofta K. Kurie..., s.382.
28. Ibid., s.273.
29. Ibid., s.383.
30. Historia Śląska. T.II, z.1, s.339-340.
31. Abraham W. Pierwszy spór..., s.287, 289, 293, 310-311. Впрочем, еще в 40-х гг. XIII в. синод в Ленчице запрещал правителям и магнатам захватывать "res episcopales" в период седисвакации (Antiquissimae constitutiones..., s.10).
32. Hrubý F. Cirkevní zřízení v Čechách a na Moravě od X do konce XIII století a jeho poměr ku státu.- Český časopis historický, 1916, s.283-294, 394. В Польше такую практику "occasione juris patronatus" запрещал статут 1279 г. (Antiquissimae constitutiones..., s.107).
33. Krofta K. Kurie..., s.267; Abraham W. Początki..., s.43 i n.
34. Примером может служить имевший место в 1238 г. спор комеса Здислава с цистерцианским монастырем (Abraham W. Początki..., s.50).
35. Krofta K. Kurie..., s.374.
36. Antiquissimae constitutiones..., s.107.
37. Fiala Z. Správa..., s.79-80; Abraham W. Początki..., s.47-48.
38. Silnicki T. Organizacja archideakonatu w Polsce. Lwów, 1927; Hrubý F. Cirkevní zřízení..., s.262-275; Fiala Z. Správa..., s.74-76. Первые сведения о окружных архидьяконах в Чехии относятся к 70-м гг. XII в. К 20-м гг. XIII в. сложилось деление Чехии на 10 архидьяконатов, в начале XIII в. в источниках появляются названия окружных архидьяконатов в Моравии. В Польше первые архидьяконы округов начинают упоминаться в источниках с конца XII в. /II98 г./
39. Fiala Z. Správa..., s.69, 76-77; Historia Śląska..., T.II, z.1, s.327-328, 331.
40. Antiquissimae constitutiones..., s.27.
41. Ibid., s.65.
42. См. подробнее: Vetulani A. Początki oficjalatu biskupiego w Polsce.- Nova Polonia Sacra. T.III. Kraków, 1934; Kubičkova B. K počátkům pražského oficialátu.- Sborník příspěvků k dějinám města Prahy. D.V. Praha, 1932.
43. Vetulani A. Statuty synodalne Henryka Kietlicza..., s.12.

44. В 1279 г. такой синод создал, например, вrocławский епископ Томаш П — *Historia Śląska*. Т. II, з. 1, s. 179.

45. Fiala Z. *Správa...*, s. 177.

46. Vetulani A. *Przenikanie zasad powszechnego prawa kanonicznego i prawa rzymskiego do piastowskiej Polski.* — Vetulani A. *Z badań nad kulturą prawniczą w Polsce piastowskiej.* Wrocław, etc. 1976. s. 95-128.

47. См., например, историю становления такого института в Польше XIV — начала XV в. Sołtyszewski S. *Geneza instytucji wtrykusów w polskim ustawodawstwie kościelnym.* — *Prawo kanoniczne*, 2, 1959, s. 341-357; Idem. *Powoływanie wtrykusów w polskim ustawodawstwie synodalnym.* — *Prawo kanoniczne*, 2, 1959, s. 425-438.

48. ДКУ, с. 144; Шапов Я. Н. *Государство и церковь древней Руси. X-XIII вв.*, М., 1989, с. 99-101. И эти новшества все же не дали русской церкvi прав, аналогичных "privilegium fori". Древнерусские иерархи могли рассматривать лишь споры между самими "церковными людьми", а спор между "церковным" и светским человеком подлежал рассмотрению смешанного /"волчьего"/ суда. См.: Николай /Ярушевич/. *Церковный суд в России до издания Соборного уложения Алексея Михайловича.* Пг., 1917, с. 229 и сл.

49. РИБ, т. VI, изд. 2-ое. СПб., 1908, № 5.

50. Шапов Я. Н. *Государство и церковь...* Приложение I, с. 203.

51. ПСРЛ, т. I, М., 1962, стб. 349; т. II, М., 1962, ст. 493.

52. ПСРЛ, т. I, стб. 355; т. II, стб. 552-554.

53. ПСРЛ, т. I, стб. 439.

54. Палатники литературы древней Руси. XIII век. М. 1987, с. 82.

55. ПСРЛ, т. II, стб. 777-779, 793. Показательно, что в течение какого-то времени Даниил был вынужден мириться и с пребыванием в Галиче Артемия и с пребыванием враждебного ему епископа на владимирской кафедре. — Шапов Я. Н. *Государство и церковь...*, с. 52-53.

56. РИБ, т. VI, № 6-7.

57. РИБ, т. VI, № 6, стб. 92.

58. Там же, № 7, стб. 108.

59. РИБ, т. VI, № 6, стб. 92, № 7, стб. 108.

60. Для Северо-Восточной Руси см. сведения о уплате "сборного" в пользу митрополичьей кафедры в "Повести о Митяе" /ПСРЛ, т. XV, вып. I, Пг., 1922, стб. 126/, в догончанин Василя Дмитриевича с Кирилом /АСЭИ, т. III, М., 1964, № 6, с. 19/; для Северо-Западной Руси — грамота Витсвта монастырю Рождества Богородицы в Троках /Собрание древних грамот городов Вильно, Ковно, Трок, православных монастырей, церквей и по разным предметам ч. II, Вильно, 1843, № 55 — "а игумен збожных /!/ куниц не маеть здавати"/; для Юго-Западной Руси — документы 1450 г. относительно прав митрополита взимать "marduribus de propolis... ab antiquo" (Akta grodzkie i ziemskie z czasów Rzeczypospolitej

polskiej z Archiwum tzw. bernardynskiego we Lwowie, t. VII, Lwów, 1878, N 51/),

61. Подробный анализ ранних данных о клиросе см.: Шапов Я. Н. Государство и церковь..., с. 126 и сл.

62. РИБ, т. УІ, № 6, стб. 92.

63. См.: Лотоцкий С. Соборні клироси на Україні та Білоруси в XV-XVI вв. - Записки Наукового Товариства Ім. Шевченка. т. 9, Львів, 1896, с. 16.

64. См. об этом подробнее: Шапов Я. Н. Государство и церковь..., с. 70-71.

65. РИБ, т. УІ, № 6, стб. 92.

66. "И своим тиуном приказываю церковного суда не обидети, ни судити, без владычня наместника" /ДКУ, с. 23/. См. также: Я. Н. Шапов. Государство и церковь..., с. 71.

67. Русский феодальный архив. XIV - первой трети XVI века. М., 1986, № 44.

68. См. и жалобу киевского наместника Мануила кн. Семену Омельковичу на захват церковных земель /1470 г./ - Описание документов архива западнорусских униатских митрополитов, т. I, СПб., 1897, № 1.

69. Архив ЮЗР, ч. I, т. ІО. Киев, 1904, № У. В одном из актов середины XVI в. прямо упоминаются "обезды наши епископские и наместничьи" /АВАК, т. XXXIII, Вильно, 1896, № 53/.

70. См. АЮЗР, т. I, СПб., 1863, № 238 /60-е гг. XVI в./

71. РИБ, т. УІ, № 6, стб. 92-93.

72. Голубинский Е. Е. Указ. соч., т. I, I пол, с. 390-393.

73. См. в послании митрополита Киприана 1378 г.: "Из-внй городок Литовский давно отпал, и из его справил, и десятину дослел к митрополи же и села" /РИБ, т. УІ, № 20, стб. 182-183/.

74. АСЭИ, т. III, № 6.

75. Каптерев Н. Светские архиерейские чиновники в Древней Руси. М., 1877.

76. Каптерев Н. Указ. соч., с. 115 и сл. Сам исследователь, правда, полагал, что в момент составления документа десятичники еще не обладали судебно-административными функциями /Там же, с. 116/ но, как лица, определенно обладающие такими функциями, "митрополичьи десятичники" выступают уже в грамоте Дмитрия Донского /АСЭИ, т. II, № 340/.

77. "Переяславская десятина" /АФЗИХ, ч. I, М., 1951, № 136/, "Владимирская десятина" /Там же, № 189/, "Звенигородская" и "Волоцкая" десятичины /Там же, ч. II, М., 1956, № 359/.

78. Так, в грамоте 90-х гг. XV в. /АФЗИХ, т. I, № 190/ фигурируют "наместники мои /т.е. митрополичьи.- В.Ф./ володимерские и десятичники медушские", т.е. десятичники, округом которых был Медушский стан Владимирского уезда. В грамоте 1512 г. упоминается "Сурожская десятина" /АФЗИХ, ч. II, № 56/ соответствовавшая очевидно Сурожскому

стану Московского уезда.

79. Юшков С.В. Очерки из истории приходской жизни на севере России XVI-XVII вв. СПб., 1913, с. 15-16.

80. О повинностях, взимаемых в XV-XVI вв. с приходского духовенства см. Назаров В.Д. Полюдье и система кормлений. Первый опыт классификации нетрадиционных актовых источников. - Общее и особенное в развитии феодализма в России и Молдавии. М., 1988.

81. Лишь в 60-70-х гг. XVII в. была признана недопустимой практика управления приходским духовенством через светских лиц /Каптерев Н. Указ. соч., с. 129/.

82. Ср. сведения о кормах "десятинникам" в докончании Василия Дмитриевича с Киприаном /АСЭИ, т. III, № 6, § II/ и сведения о кормах в пользу волостелей на "черных" землях в грамотах сер. XV в. /АСЭИ, т. I, М., 1952, № 260-261/.

83. Каптерев Н. Указ. соч., с. 135.

84. См. в Белозерской уставной грамоте 1488 г. о доводчике белозерского Наместника - "где обедаеть, туто ему не почевати" /АСЭИ, т. III, № 22, с. 38/.

85. Каптерев Н. Указ. соч., с. 70 и сл.; Николай /Ярушевич/. Церковный суд..., с. 324 и сл. Веселовский С.В. Феодальное землевладение в Северо-Восточной Руси. М.-Л., 1947/, с. 419, 422-423, 426-427.

86. Наиболее ранним документом, содержащим упоминание о "поповских старостах" является грамота митрополита Лоны 1449 г. /АТЗЯХ, ч. I, № 135/.

87. Освобождение от обязанности "к старосте поповскому с тяглыми попы тянути".

88. Николай /Ярушевич/. Церковный суд..., с. 312.

89. Русский феодальный архив. Приложения, № 26.

90. Российское законодательство X-XX вв., т. 2, М., 1985, с. 347.

91. Беселовский С.В. Феодальное землевладение..., с. 418-419.

92. АСЭИ, т. III, № 6, § 7.

93. АСЭИ, т. III, № 6, § II.

94. Там же, § 12.

95. Чтения ОДР, 1866, кн. 3. Смесь, с 5 и сл. Лишь спустя почти полвека эти нормы были подтверждены решениями Стоглавого собора.

96. Сборник Муханова изд. 2-ое, СПб., 1866, № 319.

97. Чтения ОДР, 1869, кн. 2, Смесь, с. 4.

98. Грамота Василия III восстанавливается на основании грамоты Ивана IV Спасскому собору от 4 августа 1575 г. /Гос. Исторический музей. Отдел рукописей. Синодальное собр., № 998/ и жалованной грамоты Василия Шуйского от 3 августа 1606 г. тому же собору /Там же, № 1005/.

99. ПСРЛ, т. XXV, М.-Л., 1949, с. 323.

100. Морозов Б.Н. Грамоты XIV-XVI вв. из копийной книги

- ги Рязанского архиерейского дома - Археографический ежегодник за 1987 год. М., 1988, с. 302.
101. АСЭИ, т. II, М., 1958, № 315, с. 280.
102. АСЭИ, т. II, № 340.
103. См. подробнее Алексеев Ю.Г. Освобождение Руси от ордынского ига. Л., 1989, с. 6 и сл.
104. Ряд примеров такого рода привел в своих последних трудах Иосиф Волоцкий, и его противники не оспаривали их правильности /см. Послания Иосифа Волоцкого. М.-Л., 1959, с. 201, 209/. Но даже такая смена патрона вызывала к себе несочувственное отношение не только в обществе, но и у некоторых церковных иерархов. Так обстояло дело с переходом Иосифо-Волоцкого монастыря под великокняжескую власть из-под власти удельного князя Федора Борисовича. Хотя никто не оспаривал факт "насилий" князя по отношению к монастырской братии, поступок игумена Иосифа встретил к себе отрицательное отношение и со стороны новгородского архиепископа Серапиона, в епархии которого монастырь входил. Один из приверженцев архиепископа критикует его слова по адресу игумена: "Не достоин ты с князем Федором свариться и силою жити на его отчине". /Послания Иосифа Волоцкого. Приложения..., с. 344/.
105. АСЭИ, т. III, № 281.
106. Наиболее обстоятельно в главе 6 исследования Илья Николаев /Ярушевича/ Церковный суд...
107. АСЭИ, т. I, № 76.
108. АСЭИ, ч. I, № 193.
109. Об этих монастырях см. Веселовский С.Б. Феодальное землевладение..., ч. 2, гл. 7.
110. Каштанов С.М. Социально-политическая история России конца XV - первой половины XVI века. М., 1967, с. 124-125, 131-132, 170-172.
111. Подробную характеристику соответствующих решений см. в работе И.Ф.Каптерева.
112. Болховитинов Е. История княжества псковского, ч. II, Киев, 1831, с. 84.
113. Юсов Н.Е. Становление сословно-представительных учреждений в России. Л., 1969, с. 76 и сл.
114. Каштанов С.М. Финансы средневековой Руси. М., 1988, с. 130 и сл.
115. См. жалованную грамоту 1554/5 гг. ростовскому архиепископу Иакову /Сборник Археологического института, кн. IV. СПб., 1880, с. 102 и сл./, которая, конечно, не была исключением.
116. Каштанов С.М. Финансы..., с. 161.
117. Дополнения к Актам историческим, т. I, СПб., 1846, № 46.
118. АИ, т. I, СПб., 1841, № 231.
119. Древняя российская вивлиофика, ч. XV, М., 1790, с. 16 и сл.

120. Морозов Е. Н. Грамоты..., с. 307-308.

121. АЗР, т. I, СПб., 1846, № 43, 82, 177; т. II, СПб., 1848, № 77, 78. В одном из этих документов - грамоте 1512 г. в качестве десятичника выступает именно светское лицо - дворянин великого князя. Наиболее позднее упоминание десятичников см. в документе 1568 г. /АЗР, т. III, СПб. 1848, № 46/.

122. См. письмо протопопа киевского Матербожского митрополиту Сильвестру /1556-1568 гг./ о трудностях, с которыми он столкнулся, попытавшись выехать из Киева на одоле "рядностей церковных огледати и... пенези куничные выбирати" /АВЗР, т. I, № 238/.

123. Специальное исследование этого института см.: Лотоцкий О. Соборні кріоси на Україні та Білої Русі в XV-XVI вв. - Записки Наукового Товариства ім. Шевченка, т. 9, Львів, 1906/.

124. Здесь и далее в изложении используются материалы исследования О. Лотоцкого.

125. Как наиболее показательный пример, приводится обычно соглашение львовского архиепископа Макария с клиросом от 15 октября 1539 г. /АВЗР, т. I, № 103/.

126. См. в отмеченном выше соглашении львовского архиепископа с клиросом - "А Наместника не маєт владыка выбирать, едно крылошане, обравши, мають поведити владыце, а владыка его благословити маєт".

127. Владимирский-Буданов М. Ф. Церковные имущества..., с. 146 и сл. и позднее представление о том, что епископ один не может совершать сделок с церковной землей вызывало раздражения некоторых современников, утверждавших, что "владыке и духовенству закону русского ... капитулы ... яко духовенство римское рэлей не мають и порядку такового мети не могут" - Архив АЗР, ч. I, т. 6. Киев, 1883, № XLII /1591 г./

128. О конфликтах на этой почве см. грамоту великого кн. Александра вилениским священникам 1498 г. /АЗР, т. I, № 152/, грамоту вилениских священников митрополиту Иосифу 1511 г. /Археогр. сб., т. VI, Вильно, 1869, № 6/.

129. АЗР, т. IV, СПб., 1851, № 14, с. 16.

130. АЗР, т. IV, № 37.

131. АЗР, т. I, № 138.

132. О патронате над церковным учреждением в определенном владении, как одном из атрибутов собственности на него см. Грушевський М. С. Історія України-Руси, т. V, ч. 2, Львів, 1905, с. 483-484.

133. Владимирский-Буданов М. Ф. Церковные имущества..., с. 90. и сл.

134. Архив АЗР, ч. I, т. VI, № XLII.

135. См., например, в грамоте Сигизмунда I княгине

Елене Слуцкой о том, что ее наместники не только "попов судят и в казнь замковую сажают", но и "мужов с женами роспускают и роспусты берут" /АЗР, т. II, № 230/.

136. Как отметил М.С.Грушевский, в целом ряде лествиц "королевщин" XVI в. плата за "роспусты" фигурирует как постоянная статья доходов старост-Грушевський М.С. Історія..., т. У, ч. 2, с. 473.

137. См ДКУ, с. 131-138.

138. Там же, с. 188-189, 193.

139. РИБ, т. 4, СПб., 1878, с. 14.

140. Chodunicki K. Kościół prawosławny a Rzeczpospolita Polska. Zarys historyczny (1370-1632). Warszawa, 1934, s.150 i p.

141. АЗР, т. II, № 109 /в тексте подтверждения Сигизмунда I 1522 г./.

142. Там же, № 65.

143. Там же, № 51; Археогр. сб., т. VI, Вильно, 1869, № 10.

144. АЗР, т. II, № 77.

145. Археогр. сб. т. VI, № 10.

146. См., например, грамоту Сигизмунда I княгине Елене Слуцкой 1544 г. и грамоту Сигизмунда II ее снью, Ю.Слуцкому 1551 г. /АЗР, т. II, № 230; т. III, № 10/.

147. АЗР, т. III, № 43.

148. РИБ, т. IV, с. 7.

149. Архив ЮЗР, ч. I, т. I, Киев, 1859, № 24.

150. Разбор этих документов см. Владимирский-Буданов М.Ф. Церковные имущества..., с. 133 и сл.

151. РИБ, т. 30, СПб., 1914, стб. 368-369.

152. АЗР, т. III, № 65.

153. РИБ, т. IV, с. 7 /"еще живу сущу епископу... на то епископство подупаюся"/.

154. ДКУ, с. 188.

155. Владимирский-Буданов М.Ф. Церковные имущества..., с. 82-83.

156. Археогр. сб., т. VI, № 4.

157. АЗР, т. II, № 219.

158. Там же, № 231.

159. Археогр. сб., т. VI, № 21.

160. Там же, № 22.

161. Архив ЮЗР, ч. 8, т. 4. Киев, 1907, № XXXIV, с. 289.

162. АЗР, т. II, № 112.

163. Для Киево-Печерского монастыря см. уже грамоту 1525 г. /АЗР, т. II, № 135/, для дидичинского монастыря см. грамоту 1569 г. /АЗР, т. III, № 47/.

164. РИБ, т. 30, стб. 176.

165. Там же, стб. 286-287.

166. АЗР, т. III, № 20, с. 95.

167. Там же, № 30.

168. Документы Московского Архива Министерства Юстиции, т. I, М., 1897, с. 179-180.

169. АЗР, т. III, № 110.

170. АЗР, т. IV, № 19.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Исследование свидетельств эпохи ранне^{го} Средневековья, дополненное ретроспективным анализом восточнославянских источников, позволяет прийти к выводу, что положение духовенства в восточно- и западнославянском обществе в первые столетия после принятия христианства и характер его отношений с государственной властью оказываются идентичными по всем основным параметрам: обеспечение церкви за счет княжеской десятины, зависимость священника от светского патрона /в эпоху раннего феодализма им был прежде всего князь/, отсутствие единого обособленного от общества и иерархически организованного объединения духовенства. Причины такого сходства следует искать в том, что образцом при создании новых отношений служили нормы, определявшие положение храма в языческом обществе, а также в сходстве общественного строя восточных и западных славян, освоенного в эпоху раннего феодализма на системе централизованной /государственной/ эксплуатации. Наличие подобных отношений между светским обществом и духовенством в целом ряде других "варварских" обществ /Скандинавии, Германии/ свидетельствует в пользу правильности такого вывода. По сравнению с действием этих факторов принадлежность к тому или иному идейно-культурному кругу /латинскому, византийскому/ не имело на этом этапе развития определяющего значения.

В последующее время также можно отметить ряд общих черт в положении церкви в восточно и западнославянском обществе: появление у различных групп духовенства земельной собственности, что способствовало и росту доходов и повышению общественного престижа /у восточных славян процесс этот протекал, правда, более замедленно/, завершение формальной христианизации и уменьшение в связи с этим за-

интересованности духовенства в прямой поддержке государственной власти, рост численности духовенства и превращение его в заметный слой общества. Тем самым создавалась объективные предпосылки для попыток духовенства избавиться от всесторонней опеки со стороны светского государя и светского патрона.

XIII век был отмечен и в западнославянском и в восточнославянском обществе попытками духовенства действовать именно в этом направлении. Первые шаги, направленные на объединение всего духовенства под руководством иерархии оказались здесь и там во многом идентичными. Однако лишь на западнославянской почве эти попытки увенчались успехом. На протяжении XIII-XIV вв. права патронов оказались значительно ограниченными, княжеокая десятина превратилась в особый налог с населения в пользу церкви, образовалась единая организация духовенства, обладающая своим самоуправлением и подчиненная в первую очередь не частным патронам или светской власти, а собственной иерархии.

Иное положение сложилось в восточнославянском ареале. Правда, и здесь произошли некоторые изменения по сравнению с предшествующим периодом. Так, княжеская десятина и здесь перестала быть главным источником содержания церкви, но ей на смену пришел не постоянный налог с населения в пользу церкви, а произвольно назначавшаяся патроном руга. Однако, главное - зависимость духовенства от патронов и опека со стороны светской власти продолжали традиционно сохраняться и на территории Украины, Белоруссии и на территории России вплоть до XVII в.

На первый взгляд ясно, что успеху католической церкви западнославянских стран способствовало наличие готовой, получаемой из Рима программы борьбы за церковные "свободы", и активная и постоянная поддержка папства. Однако, поверхностность такого объяснения станет ясной, если учесть весь комплекс изменений, происшедших в странах Центральной Европы в XIII-XIV вв. Ведь в этот период складываются самоуправляющиеся сословные структуры не только духовенства, но также светских феодалов, горожан и в огра-

ниченных размерах/ крестьян. Именно наступивший общий кризис системы институтов раннефеодального государства, недовольство всего общества и прежде всего светских феодалов уже нежелательной опекой со стороны государственной власти дало возможность церковной иерархии осуществить свою программу. Разумеется, наступление такого кризиса было ускорено разносторонним культурным влиянием западноевропейских стран на западнославянское общество. Но влияние это исходило не только из Рима и в целом не было конфессионально окрашено. Роль Рима проявилась в том, что церковь первой сумела во-первых воспользоваться создавшейся ситуацией. На территории Восточной Европы в XIII-XIV вв. не было условий для возникновения подобного кризиса. В руках государственной власти все еще находился огромный фонд земель, частное землевладение было еще слабо развито, а светские феодалы через институт кормления были тесно связаны с системой государственной эксплуатации. Поэтому стремления церкви к эмансипации здесь не могли получить поддержки общества.

Если традиционные отношения патроната на восточнославянской почве продолжали сохраняться, то об отсутствии каких-либо форм организации духовенства по отношению к новому, начавшемуся примерно с XIV в. этапу развития говорить не приходится. И в России, и на территории Украины и Белоруссии церковная иерархия пыталась создать подчиненную епископату организацию духовенства, сотрудничая с государственной властью. Какая-то форма организации этого многочисленного и игравшего важную роль в общественной жизни слоя становилась все более объективно необходимой и в государственная власть была на свой лад заинтересована в создании дееспособной церковной организации.

Создание такой организации оказалось реальным делом в условиях Великого княжества Московского, где государственная власть оказалась достаточно сильной и авторитетной, чтобы заставить частных патронов согласиться на дисциплинарное подчинение "их" священников епископскому суду и уплату ими пошлин в епископскую казну. Созданная таким об-

разом организация оказалась под сильным контролем светской власти, а ряд важных звеньев ее управления — в руках светских людей. Установившаяся в России XIV—XVI вв. структура церковного управления не имеет аналогий и очевидно в данном случае мы имеем дело с попытками решать объективно возникшие задачи на местной основе и местными средствами.

Сложнее было пытаться проводить подобную политику на землях Украины и Белоруссии, где православие с конца XIV в. было не господствующей, а только терпимой религией. Однако и здесь сотрудничество с государственной властью для создания дееспособной церковной организации стало фактом к концу XV в. Если это сотрудничество оказалось мало результативным, то потому что слабеющая государственная власть оказалась не в состоянии навязать свои решения частным патронам. Отсюда — один из важных источников кризисных явлений в жизни православной церкви на Украине и в Белоруссии.

Специфические черты положения духовенства в странах Центральной Европы, на Украине — Белоруссии и в России во многом определялись соотношением между процессом формирования духовного сословия и процессом формирования других сословий средневекового общества — сословия светских феодалов и сословия горожан.

В Центральной Европе образование духовного сословия началось раньше, чем образование других сословий, для которых "свободы", полученные церковью, явились своеобразным образцом. Лишь когда /примерно к XIV—XV в./ эти сословные организации дворянства и горожан окрепли, они стали пытаться ограничить церковные "свободы" и ставить церковные учреждения под свой контроль.

В России процесс формирования сословных организаций духовенства оказался растянутым во времени /вплоть до XVI—XVII вв./ не дошел до получения этими организациями того объема "свобод", которым пользовалось духовенство в западнославянских странах, и протекал в целом под контролем государственной власти и при ее постоянном вмешательстве

во внутреннюю жизнь духовного сословия. Однако в этом отношении процесс формирования духовного сословия ничем существенно не отличался от процессов формирования сословных структур других слоев русского общества, протекавших в аналогичные хронологические сроки и в сходных исторических условиях. Неслучайно реформы 50-х гг. XVI в. одновременно определили характер и специфические формы самоуправления и духовенства, и дворянства, и горожан.

Для территории Украины - Белоруссии характерным стало то, что процесс формирования сословных организаций дворянства и горожан здесь заметно опередил процесс складывания сословных организаций православного духовенства. В итоге здесь на восходившие к раннефеодальному периоду отношения зависимости духовного лица от патрона стали накладываться отношения зависимости духовенства от сословной организации. В условиях, когда и традиционные отношения зависимости духовенства от светской власти сильно осложнились в связи с определенным кризисом самого института монархии на этапе становления сословного государства, в положении духовного сословия возникли многие кризисные явления, в попытке преодолеть которые часть церковной иерархии пришла к Брестской унии с католической церковью.

Список сокращений

- ААЭ - Акты, собранные Археографической экспедицией.
АВАК - Акты, издаваемые Виленской Археографической комиссией.
АЗР - Акты, относящиеся к истории Западной России.
АИ - Акты исторические
Археогр. сб. - Археографический сборник документов, относящихся к истории Северо-Западной Руси.
Архив ЮЗР - Архив Юго-Западной России
АФЗИХ - Акты феодального землевладения и хозяйства
АЮЗР - Акты, относящиеся к истории Юго-Западной России.
ДКУ - Древнерусские княжеские уставы XI-XV вв. М., 1977.
Козьма - Cosmas Pragensis. Chronica boemorum. Berglini, 1922.
НЛД - Новгородская первая летопись, М.-Л., 1955.
ПСРЛ - Полное собрание русских летописей
РИБ - Русская историческая библиотека
Чтения ОИДР - Чтения в Обществе истории и древностей Российских
СДВ - Codex diplomaticus et epistolaris regni Bohemiarum
FRB - Fontes rerum bohemicarum
МРН - Monumenta Poloniae Historicae

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	3
ДРЕВНЕЙШИЕ ФОРМЫ МАТЕРИАЛЬНОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ ЦЕРКВИ У ВОСТОЧНЫХ И ЗАПАДНЫХ СЛАВЯН И ИХ ИСТОРИЧЕСКАЯ СУДЬБА	
§ 1. Княжеская десятина в раннефеодальном об- ществе и ее реликты	5
§ 2. Десятина с населения и ее превращение в католическую десятину и ругу	31
ОТНОШЕНИЯ ПАТРОНАТА У ВОСТОЧНЫХ И ЗАПАДНЫХ СЛАВЯН	
§ 1. Церковная собственность и отношения пат- роната в раннефеодальном обществе	50
§ 2. Вопрос об "отношениях патроната" у вос- точных славян в XIV-XVI вв.	65
ФОРМИРОВАНИЕ ЦЕРКОВНОГО СОСЛОВИЯ У ВОСТОЧНЫХ И ЗАПАДНЫХ СЛАВЯН	
§ 1. Борьба за "свободу" церкви в Польше, Че- х и Древней Руси	100
§ 2. Государство и формирование аппарата управ- ления духовенством и духовного сословия в Москов- ской Руси	118
§ 3. Попытки реформ и кризис традиционных структур на Украине и в Белоруссии	130
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	152
СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ	157

Утверждено к печати

Институтом славяноведения и балканистики РАН

Подписано в печать 24 .04.92. Формат 60x84/16

8,03 печ.л. 8 уч.-изд.л. Тираж 290 экз.

Заказ № 39

Цена договорная

Участок оперативной полиграфии
Института российской истории РАН
П7334, Москва, ул. Дм. Ульянова, 19

